

1612
ОСВОБОЖДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД

РУССКАЯ СМУТА

Annotation

Смутное время на Руси — не такая уж редкость. Всем известна Смута 1612 года, революцию 1917-го тоже называли смутой. Многие считают, что с Перестройкой в России началась новая смута, которая не закончилась и по сию пору. Каковы причины русской смуты, как ее преодолеть? Об этом книга известного современного писателя Александра Широкограда.

- [Александр Широкоград](#)
 - [Пролог. Московская разруха](#)
 - [Глава 1. Драма в Угличе и воцарение Бориса Годунова](#)
 - [Глава 2. Заговор бояр Романовых](#)
 - [Глава 3. Великая подстава](#)
 - [Глава 4. В игру вступают ясновельможные паны](#)
 - [Глава 5. Торжество Лжедмитрия I](#)
 - [Глава 6. Кто привел панов в Москву?](#)
 - [Глава 7. Князь Дмитрий Пожарский](#)
 - [Глава 8. Смерть Прокопия Ляпунова](#)
 - [Глава 9. Минин поднимает Нижний Новгород](#)
 - [Глава 10. «Ярославское правительство»](#)
 - [Глава 11. Поход на Москву](#)
 - [Глава 12. Освобождение столицы](#)
 - [Глава 13. Земской собор или казацкий мятеж?](#)
 - [Глава 14. Иван Сусанин — трагедия или водевиль?](#)
 - [Глава 15. Воцарение Михаила](#)
 - [Глава 16. Пик Смуты](#)
 - [Глава 17. Владислав и Михаил — битва за корону](#)
 - [Эпилог. «История — не тротуар Невского проспекта»](#)
 - [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

Александр Широкоград
РУССКАЯ СМУТА

Пролог. Московская разруха

17 марта 1611 года. Вербное воскресенье. В этот день по обычаю распахивались кремлевские ворота, и выходил русский царь, ведя под уздцы осла, на котором восседал патриарх. Царя окружали бояре и знатные дворяне. Зрелище собирало тысячи москвичей. Но на сей раз патриаршего осла вел какой-то дворянин. Кучку знати окружали польские жолнеры. Главное же, народ... отсутствовал.

В Московском государстве уже 9 месяцев не было законного царя. Василий Шуйский был свергнут и 19 июля 1610 г. насильно пострижен в монахи, а затем увезен пленником в Польшу. Власть в Москве захватили бояре, пригласившие в город поляков. Началась так называемая «семибоярщина». Затем патриарх Гермоген в ноябре 1610 г. был заключен под домашний арест на патриаршем дворе. Все патриаршие дворяне, дьяки и слуги были схвачены или разбежались.

Семибоярщина и поляки, лишившись духовной власти, вспомнили о сидевшем под надзором в Чудовом монастыре бывшем патриархе Игнатии. Его решили вернуть в сан патриарха. 24 марта 1611 г. в пасхальное воскресенье Игнатий в патриаршем облачении провел крестный ход и отслужил все службы в Успенском соборе. Но сей патриарх был, так сказать, местного значения. Он был надобен лишь в пределах Кремля и Белого города.

Патриарх Игнатий не строил иллюзий относительно своего положения в Кремле и с первой же оказией решил бежать. 27 декабря 1611 г. вместе с обозом гетмана Ходкевича он отправился к королю Сигизмунду под Смоленск.

Поэтому боярам волей-неволей пришлось освободить Гермогена всего на один день для торжественного шествия на осле. Но народ не пошел за вербой, так как по Москве распространился слух, что Салтыков с поляками хотят напасть на патриарха и безоружных москвичей. По всем улицам и площадям стояли польские конные и пешие роты. Поляки-очевидцы вспоминали, что боярин Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, и я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю».

Князь Пожарский, освободитель Москвы. Художник П. И. Разумихин

Понедельник прошел без эксцессов. Утро вторника началось как обычно — в городе было тихо, купцы отперли лавки в Китай-городе и начали торговлю. В это время на рынке пан Николай Козаковский велел извозчикам идти помогать втаскивать пушки на башни. Извозчики отказались, поднялся шум, раздались крики. В Кремле находилось несколько сот немецких наемников, перешедших к полякам при Клушине. Услышав шум, они решили, что началось восстание, выскочили на площадь и стали избивать москвичей. Их примеру последовали поляки, и началась резня безоружных людей. В тот день в Китай-городе было убито около семи тысяч человек. Князя Андрея Васильевича Голицына, сидевшего «под домашним арестом», убили охранявшие его поляки.

В это время в Белом городе русские ударили в набат, забаррикадировали улицы всем, что попадало под руку — столами, скамьями, бревнами — и, укрывшись, стали стрелять в немцев и поляков. Из окон домов также стреляли, бросали камни и бревна.

Ратники из ополчения Ляпунова, проникшие в Москву, оказали существенную помощь горожанам. На Сретенке большой отряд москвичей собрал князь Дмитрий Пожарский. К нему присоединились пушкари из находившегося рядом Пушечного двора. Говорят, что пушки со двора доставил сам Андрей Чохов — знаменитый пушечных дел мастер. Пожарскому удалось загнать поляков в Китай-город и выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на Лубянке, который закрывал ляхам выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина дрался у Яузских ворот, а Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Поляки были загнаны в Кремль и Китай-город. Вокруг их каменных стен тесно стояли деревянные дома Белого и Земляного городов. Идея поджечь Москву, видимо, пришла в голову многим полякам, независимо друг от друга. Как позже писал участник боя польский поручик Маскевич: «По тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: „Огня! Огня! Жги дома!“ Наши пахолики подожгли один дом — он не загорелся; подожгли в другой раз — нет успеха, в третий раз, в четвертый, в десятый — все тщетно: сгорает только то, чем поджигали, а дом цел. Я уверен, что огонь был заколдован. Достали смолы, прядева, смоленой лучины — и сумели запалить дом, так же поступили и с другими, где кто мог. Наконец занялся пожар: ветер, дующий с нашей стороны, погнал пламя на русских и принудил их бежать из засад, а мы следовали за разливающимся пламенем, пока ночь не развела нас с неприятелем. Все наши отступили к Кремлю и Китай-городу». От себя добавим, что Михаил Салтыков по собственной инициативе зажег свой дом в Белом городе. За изменника-отца ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили с пристрастием, а затем посадили на кол. Далее Маскевич писал: «В сей день кроме битвы за деревянную стеною, не удалось никому из нас подраться с неприятелем: пламя охватило дома и, раздуваемое жестоким ветром, гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в крепость [Кремль]. Уже вся столица пылала; пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день, а горевшие дома имели такой страшный вид и такое испускали зловоние, что Москву можно было уподобить только аду, как его описывают. Мы были тогда в

безопасности — нас охранял огонь. В четверток мы снова принялись жечь город, которого третья часть осталась еще неприкосновенною — огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться...»

В середине дня 20 марта в Москве бои шли только на Сретенке. Там до вечера дрался князь Пожарский. Вечером он был тяжело ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Большинство москвичей, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании.

Немецкий наемник Конрад Буссов писал, что в течение нескольких дней «не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах...»

Москва, за исключением Кремля и Белого города, представляла собой большое пепелище.

Почему же погиб великий город, который многие считали, и добавлю, не без оснований, Третьим Римом? Как власть оказалась в руках у «семибоярщины» и почему они призвали в Москву поляков?

Глава 1. Драма в Угличе и воцарение Бориса Годунова

Историю Смутного времени обычно начинают с 15 мая 1591 г. В жаркий субботний полдень было особенно тихо в древнем городе Угличе. Обедня началась в 10 часов утра^[1] и в двенадцатом часу закончилась, и горожане разошлись по домам.

Так же тихо было и в углическом деревянном кремле. Бывшая царица Мария Нагая вместе с сыном Димитрием отстояла обедню в Спасо-Преображенском соборе^[2], а затем Мария с сыном и придворными пошла в каменный дворец. Там царевичу Димитрию «платьецо переменили», и он отправился играть во двор в глухой угол кремля, примерно в 30 метрах от дворцового крыльца.

Почти в полдень в кремле ударили в набат. Сбежавшиеся горожане увидели бездыханное тело царевича с раной на горле. Мария и ее братья натравили народ на городскую администрацию, благо Дьячья изба находилась в нескольких десятках метров от дворца царевича. Началась расправа...

За два века ожесточенных споров историки и литераторы так и не пришли к единому мнению о том, что произошло 15 мая 1591 г. Подавляющее большинство их разделяет три версии.

Царевич Димитрий. Парсуна XVIII века

Согласно первой версии царевич Димитрий был зарезан убийцами, нанятыми Борисом Годуновым. По второй версии он зарезался сам в припадке эпилепсии. По третьей версии семейство Нагих заранее узнало об опасности, грозящей Димитрию, и заменило царевича другим мальчиком.

Начнем с последней версии. В маленьком Угличе чуть ли не все горожане знали в лицо царевича. Читателю нет нужды напоминать, что

представители знати всегда занимали привилегированное положение в церквях на службах, во всевозможных церковных и светских шествиях, праздниках и т. п. Наконец, как могли обознаться многочисленные мамки, няньки, мальчишки — товарищи по играм, дворяне, представители городской администрации, видевшие труп младенца. А следственная комиссия из Москвы? Они что, тоже не осматривали труп убитого?

Бредовость третьей версии очевидна. Мало того, что реализация ее была технически невозможна, даже идея подмены не могла прийти в головы Нагих. И дело не в том, что это семейство отличала скудность умственных способностей. Предположим, у Нагих нашлись умнейшие советники, так разве они не продумали бы последствий подмены. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что после убийства подставного ребенка последует ссылка или заточение Нагих. А как потом доказать, что царевич истинный? Ведь тогда московские правители могли без проблем объявить его самозванцем и посадить на кол без лишних разговоров.

Оппоненты могут возразить, мол, в 1605 г. вся Россия поверила в чудесное спасение царевича Димитрия. По сему поводу хорошо сказал современник польский канцлер Ян Замойский: «Зарезали и не посмотрели кого, это что, Плавтова комедия?»

Несколько более правдоподобна первая версия об убийстве царевича. Согласно ей злодей Годунов замыслил убить Димитрия. Тут мы предоставим слово историку С. М. Соловьеву: «Окольничий Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осип Волохов, взявши Димитрия за руку, сказал: „Это у тебя, государь, новое ожерельце?“ Ребенок поднял голову и отвечал: „Нет, старое“. В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Димитрий упал, кормилица пала на него, чтобы защитит, и начала кричать: тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все

родственники ее разошлись по домам; но соборный пономарь, увидевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Дмитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестию об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Дмитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Федор долго плакал. Для сыску про дело и для погребения Дмитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольный Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами — по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Дмитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертью, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел»^[3].

Итак, если верить этой версии, Борис Годунов вовлек в заговор не менее двадцати человек, причем заранее было ясно, что кто бы ни убил Дмитрия, то подозрение падет именно на них. Их допросят с пристрастием, и они расскажут все, что знают. То есть, заранее было ясно, что скрыть преступление не удастся. Причем заметим, что Борис в 1591 г. не был неограниченным диктатором. Он был правителем в государстве, главой которого все-таки оставался царь Федор. Сторонники Годуновых имели сильное влияние в Боярской думе, но не составляли и трети ее состава. Вся знать, от опальных князей Шуйских до временных союзников Годунова Романовых, были рады любому поводу, чтобы свалить Бориса. А тут организация убийства царевича!

Но тут Годунова спасают... Нагие! Во все времена лиц, покушавшихся на владетельных особ, любой ценой старались взять живыми для допроса. А тут убивают безоружных не сопротивляющихся людей. А братья Нагие, которые вроде бы больше всех должны быть заинтересованы найти подлинных убийц, приказывают убить простых исполнителей, то есть спрятать концы в воду. XVI век — жестокий век, а Нагие не такие люди,

чтобы дать легко умереть своим врагам. Если был у Нагих было хоть малейшее основание считать Битяговского с компанией убийцами, почему бы их не пытаться — и компромат можно получить, и мучениями врагов насладиться. Итак, предположив, что Дмитрий действительно убит Битяговским и компанией, мы неизбежно приходим к выводу, что братья Нагие искусно заметали следы, то есть к абсурду.

Царь Федор Иоаннович делает правителем России Бориса Годунова. 1584 г.

Примитивная версия убийства Дмитрия по приказу Годунова уже 150 лет эксплуатируется драматургами и художниками. Тут и пушкинский

«Борис Годунов»; «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» А. К. Толстого, вплоть до современных картин Ильи Глазунова. Зарезанный царевич и терзаемый муками раскаяния убийца — тема, щекочущая нервы обывателя.

Если верить рассказам противников Годунова, в России с 1584 по 1603 год никто из знатных людей не умер своей смертью. Все они, от Ивана Грозного до Ирины, вдовы царя Федора, были убиты Борисом Годуновым.

Мастистым ученым не приходит в голову, что в 1591 г. Годунову не было необходимости идти на чрезвычайные меры. Ведь царю Федору было всего 34 года. Вспомним, что у деда Федора Василия III наследник родился в 55 лет, а второй сын — в 57 лет. В том же году царица Ирина забеременела. Но, увы, в 1592 г. родилась девочка Федосья, да и та прожила всего два года. Любопытно, что в смерти племянницы враги также обвинили Годунова.

Но предположим, Борису приспичило покончить с Дмитрием. Так надо ли было выдумывать опереточное убийство? Не проще было бы обратиться к традиционным методам Московского государства, которыми пользовались Василий II, Иван III, Василий III и Иван IV. Нагих обвинили бы в государственной измене, в колдовстве и т. п., отдалили бы от них Дмитрия и поместили бы его в надежное место под опеку надежных людей. А там он через несколько месяцев тихо отдал бы Богу душу, как это делали многие десятки удельных князей, включая маленьких детей. Причем, в каждом таком случае никаких народных возмущений не наблюдалось.

Отсюда наиболее правдоподобной представляется вторая версия о самоубийстве царевича. Дело в том, что Дмитрий страдал эпилепсией. Как позже утверждали многочисленные свидетели, «и презже тово... на нем [царевиче] была ж та болезнь по месяцем беспрестанно». Сильный припадок был у Дмитрия за месяц до его смерти. Как показала мамка Волохова, перед «великим днем» Дмитрий в припадке «объел руки Ондрееве дочке Нагова, одва у него... отнели». Андрей Нагой также подтвердил это, сказав, что царевич «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», и раньше «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». То же показала и вдова Битяговского: «...многожды бывало, как ево [Дмитрия] станет бити тот недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилицы и боярони и он... им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у Дмитрия продолжался уже

несколько дней. Начался он во вторник, к четвергу царевичу «маленко стало полегче» и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. По показаниям мамки в субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него начался новый приступ.

Отметим и еще одну важную деталь. Дмитрий обожал играть ножами и игрушечными саблями.

У Дмитрия с малых лет было предрасположение к жестокости. Он очень любил смотреть, как резали быков или баранов. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел слепить двадцать «снежных баб» и, дав им имена московских бояр, с криком «Вот что вам будет, когда я буду царствовать!» разбил им головы саблей. Любимой забавой малыша было, ловко орудуя сабелькой или маленькой железной палицей, убивать кур и гусей.

15 мая царевич вместе с другими детьми играл в «тычку». Правила игры несложные — надо взять за острие лезвием вверх нож и метнуть в очерченный на земле круг. Внезапно с Дмитрием, державшим нож, случился приступ эпилепсии — «падучей болезни». Мальчик упал на нож и уколол горло. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и ярёмная вена. При повреждении любого из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Не исключен был и другой вариант — известно много случаев, когда больной во время приступов эпилепсии («эпилептических сумерек») кидался с ножом на близких или предпринимал попытку суицида. Произошла заурядная бытовая драма, подобные случаи сейчас не попадают на страницы даже «бульварной» прессы.

Естественно, что очевидцы не смогли определить, в какой момент царевич ранил себя — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно — Дмитрий ранил себя в горло. Отсюда и разноречивые показания. Мальчики говорили, что Дмитрий «набросился на нож», а мамка Василиса Волохова утверждала, что «бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло». Кроме них смерть царевича издали видел стряпчий Семейка Юдин. Он не разглядел деталей, но подтвердил, что царевич закололся сам.

На крик прибежала мать — царица Марья. Она не стала слушать объяснения Волоховой, а схватила полено и стала бить ее, приговаривая, что Дмитрия зарезали Василисин сын Осип вместе с Данилой Битяговским и Никитой Качаловым. Потом царица велела своему брату Григорию Нагому бить Василису, и тот забил ее до полусмерти.

Странно, царица Марья трапезничала, ничего не видела, а, увидев тело

сына, сразу назвала имена трех убийц. Откуда такая информация? Тогда зачем она оставила сына под присмотром матери предполагаемого убийцы?

Увы, все дело обстоит гораздо проще. По прибытии в Углич семейство Нагих стало обирать город. Для пресечения злоупотреблениями Боярская дума направила в Углич свою администрацию, во главе которой стоял дьяк Михайла Битяговский. Семейство Нагих утратило право бесконтрольно распоряжаться доходами со своего удела и стало получать деньги «на обиход» из царской казны. Это, естественно, навлекло на дьяка ненависть семейства Нагих. Позже уцелевшие чины администрации заявили следственной комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал сверх государева указа денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», в результате чего между ними вспыхивали частые ссоры. Последняя стычка между Битяговским и Нагим произошла утром 15 мая. Понятно, что при виде окровавленного сына Марья инстинктивно произнесла имена ненавистного дьяка и его родни, добавив к ним мамку Волохову, не углядевшую за ребенком.

Мария Нагая приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокола в церкви Спаса. Набат поднял на ноги весь город. Вокруг мертвого царевича собралась толпа. Через некоторое время появились и дядья царевича Михаил и Григорий Нагие. Оба братца были навеселе, причем Михаил плохо закусил, ибо потом свидетели показывали, что он «мертв пьян был».

В момент гибели Димитрия его «убийцы» Битяговские всей семьей обедали у себя дома. Мало того, за столом с ними сидел поп Богдан, который был духовником Григория Нагого. На следствии Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простосердечно подтвердил перед комиссией Шуйского, что, когда ударили в набат, был в доме Битяговских и сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Так что у Битяговских было стопроцентное алиби.

Услышав набат, Михайла Битяговский выскочил из-за стола, сел на коня и поскакал в кремль. Там он увидел толпу, избивавшую Василису Волохову и ее сына Осипа. Битяговский прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Нагого, чтобы «он, Михайла, унял шум и дурна которого не зделал».

Предположим на секунду, что Битяговский, пусть не участник убийства, но осведомлен о заговоре. Зачем тогда ему останавливать самосуд? Забьют до смерти Волоховых, и концы в воду. Я уж не говорю, что Михайла Битяговский мог бы в день убийства оказаться в отъезде — на охоте или на ревизии окрестных сел.

Битяговский с Качаловым не дали разъяренной толпе забить Волоховых до смерти, чем окончательно взбесили Марию Нагую и ее братьев. Нагие натравили толпу на Битяговских. Те вынуждены были бежать и укрылись в главном административном здании Углича — Дьячьей избе. Однако чернь взяла штурмом Дьячью избу, убила дьяка, его сына и несколько холопов Битяговских.

Но Нагим этого показалось мало, и они направили толпу на разгром подворья Битяговских. Подворье было разграблено, убийцы «питье из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену Михайлы Битяговского, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» с детьми к кремлю. Туда же привели и Осипа Волохова, которого отыскивали в доме Битяговских.

В самый разгар событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий. В тот день они оба служили обедню в одном монастыре. Феодорит и Савватий попытались остановить самосуд. Они «ухватили» жену Битяговского с дочерьми «и отняли их и убить не дали».

Феодорит и Савватий видели в церкви рядом с телом царевича «за столпом» Осипа Волохова, сильно израненного. Но они не смогли, а, скорее всего, не захотели спасти Осипа. Зато Василиса Волохова отчаянно боролась за жизнь сына. Она просила Марию Нагую «дати ей сыск праведной». Но царица была неумолима. Едва только Савватий и Феодорит вышли из церкви, она выдала Осипа на расправу толпе, сказав: «То деи убоица царевича». Обратим внимание, что убийство Осипа Волохова произошло через несколько часов после того, как Марья Нагая увидела труп сына. И за это время ни она, ни ее братья не задумались о том, чтобы учинить «сыск праведной». А ведь Осип по версии Нагих и был убийцей царевича. Если бы Осип убил Димитрия, то его ожидали бы жесточайшие пытки, а затем мучительная казнь. Это было прекрасно известно как Марье Нагой, так и Василисе Волоховой. Если бы Осип был убийцей, то мать обрекала на дикие муки не только его, но и саму себя. В средние века известны десятки случаев, когда матери подкупали палачей и других людей, чтобы те быстро убили их сына и тем самым избавили его от квалифицированной казни. А тут все наоборот — концы в воду прячет Мария Нагая с братцами.

Позже противники Годунова будут утверждать, что Василису Волохову направил в Углич Борис Годунов. Это подхватят падкие до сенсаций писатели. Вспомним драму А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». На самом же деле Волохова много лет служила «постельницей» при Иване Грозном — ведала бельем в царской опочивальне. Она пользовалась полным доверием подозрительного царя. После смерти Грозного Василиса

осталась при его вдове.

Уже в Угличе Василиса выдала свою дочь замуж за Никиту Качалова, племянника ненавистного царице дьяка Михайлы Битяговского. Мария Нагая сочла это предательством, и Василиса из любимиц превратилась в предмет ненависти царицы.

Всего 15 мая по приказу Нагих толпа линчевала пятнадцать человек. Трупы их были брошены в ров у стен углического кремля. На третий день в Углич должна была прибыть следственная комиссия из Москвы. Лишь теперь до Нагих дошло, что за убийства придется отвечать. Ночью накануне приезда комиссии Михаил Нагой и его сторонник в администрации приказчик Русин Раков решили сфабриковать улики, свидетельствовавшие о виновности убитых. В этом им помогали слуга Григория Нагого Борис Афанасьев и холоп Михаила Нагого Тимофей. В частности, Тимофей принес живую курицу и зарезал ее. Кровью курицы были измазаны несколько длинных ногайских ножей и железных палиц, которые Русин Раков отнес в ров и положил на трупы Битяговских и их сторонников.

Руководить следствием в Угличе Боярская дума, а не один Борис Годунов, назначила Василия Ивановича Шуйского. К этому времени он был возвращен из ссылки^[4] и занял свое место в Боярской думе. Позже ряд историков и особенно писателей будут утверждать, что де Шуйский стал зависимым клиентом, чуть ли не агентом Годунова. На самом деле Василий Иванович Шуйский был самым хитрым и изворотливым из бояр Шуйских. Ни о какой рабской зависимости Василия Шуйского от Годунова не могло быть и речи. Хотя с братьев Василия Шуйского и не была снята опала, они сохранили большинство своих вотчин. Богатейшими вотчинниками и членами думы оставались Скопины-Шуйские, которых опала вообще не коснулась. В такой ситуации расправа Годунова над руководителем следственной комиссии Василием Шуйским могла стоить Борису головы.

Замечу, что выбор Боярской думы был обусловлен не только знатностью Василия Шуйского, но и тем, что он до своей опалы в 1587 г. был начальником Судного приказа, то есть, говоря современным языком, что-то вроде генерального прокурора страны. Кому как не ему было поручить вещь столь важное дело.

От церковных властей в состав комиссии вошел митрополит крутицкий Геласий. Заметим, что Годунова безоговорочно поддерживал патриарх Иов, но в церковных верхах была сильна оппозиция Годуновым. Мы увидим, что она сохранится, даже когда Борис станет царем. Никому из противников Годуновых не пришлось в голову обвинять Геласия в

прислужничестве Борису Годунову.

Важную роль в комиссии играли окольный Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин. Клешнин действительно поддерживал хорошие отношения с Годуновым, но, что гораздо более важно, он был зятем Михаила Нагого. Елизар Вылузгин заведовал Поместным приказом и среди приказных чиновников занимал одно из первых мест. В Угличе он имел в своем распоряжении штат подьячих, на которых и лежала вся практическая организация следствия. Члены комиссии принадлежали к различным придворным группировкам. Все они шпионили друг за другом, пристально следили за всеми действиями своих «коллег», чтобы использовать в своих интересах любую малейшую их оплошность. Таким образом, утверждение, что все члены комиссии были приверженцами Годунова, является досужим вымыслом.

Ряд историков XIX века, пристрастно относившихся к Годунову, выступали с утверждением, что дошедшее до нас следственное дело о смерти царевича представляет собой подделку. Сразу же бросались в глаза следы поспешной обработки «углицкого дела». Кто-то разрезал и переклеивал листы, придавая им неправильный порядок. Начало вообще исчезло.

Реконструировать следственное дело взялся его издатель В. К. Клейн. Он обратил внимание на ржавые пятна, покрывавшие многие страницы. Пятна были различной величины, но имели одинаковую конфигурацию. Это дало основание Клейну предположить, что документ пострадал от влаги еще в то время, когда хранился в архиве свернутым в свиток. Больше всего пострадали наружные листы, ближе к центру размер пятен уменьшался, а внутренние листы были и вовсе чистыми, так как влага туда не проникла. Учитывая размеры пятен, Клейн уложил разрезанные листы в нужном порядке, и сразу появился связный и полный текст. Отсутствовали лишь первые листы, которые, очевидно, намокли больше всего и затем просто отвалились. В средние века на Руси принято было рукописи скатывать в свитки, и последние листы оказывались наружными. В «углицком деле» почему-то наоборот наружными были первые листы. Это и не удивительно. Ведь чтобы прочитать свиток, его надо было перемотать, чтобы начало оказалось снаружи. И в архивах рукописи всегда хранились уже подготовленными для чтения, то есть перемотанными. Это и объясняет, почему подмокли именно первые листы, а не последние. Во времена царствования Петра I архивы перешли на новую систему хранения документов. Большие и неудобные для чтения свитки архивариусы перекомпоновывали в тетради. Они-то и разрезали углическое дело на

отдельные листы, которые потом оказались перепутанными.

Есть мнение, что сохранившееся углическое дело — это беловик, составленный в Москве канцелярией Бориса Годунова, а черновики допросов, написанные в Угличе, не дошли до наших дней. Палеографическое исследование рукописи опровергает эту версию. «Углицкое дело» написано многими писцами, можно выделить шесть основных почерков писцов. Кроме того, в тексте документа имеется не менее двадцати подписей свидетелей из Углича. Все подписи строго индивидуализированы и отражают степень грамотности писавших. Не могли же все эти свидетели приехать из Углича в Москву, что бы подписать беловик.

По прибытии в Углич комиссия подробно опросила сотни людей. Первым делом члены комиссии тщательно осмотрели трупы царевича Дмитрия и жертв самосуда Нагих. Естественно, ни у кого не возникло и тени сомнения, что погиб именно царевич Дмитрий, а не какой-то другой мальчик. Отпевание царевича вел лично митрополит Геласий в присутствии других членов комиссии.

Окравленные ножи и палицы на трупах Битяговских с товарищами, естественно, не смогли обмануть комиссию. Мало того, приказчик Русин Раков струсил и рассказал Василию Шуйскому о том, как в ночь перед приездом комиссии по приказу Нагих он отнес в ров и бросил на трупы измазанное куриной кровью оружие. Михаил Нагой не хотел в этом сознаваться, но был изобличен. На очной ставке с Раковым холоп Нагого Тимофей подтвердил показания приказчика, и рассказал, что сам принес курицу и зарезал ее в чулане. Григорий Нагой не стал заператься, а сразу признался, что взял ногайский нож у себя дома, а также принимал участие в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей окончательно разрушил версию о преднамеренном убийстве царевича Дмитрия.

Трагедия произошла ясным солнечным днем на глазах у многих людей. Комиссии не составило труда установить все имена непосредственных свидетелей происшедшего. Василию Шуйскому давали показания мамка Волохова, кормилица Арина Тучкова, постельница Мария Колобова и четыре мальчика, игравшие с царевичем в тычку. Самое большое значение следователи придавали показаниям мальчиков, так как те ближе всего находились к царевичу. Следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос, чтобы добиться точного ответа. Сперва они спросили: «Хто в те поры за царевичем были». Мальчики ответили, что

«были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица да постельница». После этого члены комиссии спросили прямо в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли?» Все четыре мальчика ответили отрицательно. Мальчики точно и живо описали, что произошло на их глазах: «Играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили всю эту историю о припадке царевича в угоду Шуйскому, не испугавшись гнева своей государыни — Марии Нагой? Это опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое дворцовых служителей Марии Нагой — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — дали следующие показания: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь падучая, да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из четверых мальчиков, игравших с царевичем. Он повторил следственной комиссии то, что сказал подключникам через несколько минут после смерти царевича.

Показания Петрушки Колобова и остальных мальчиков подтвердили Мария Колобова, мамка Волохова и кормилица Арина Тучкова. Кормилица особенно убивалась о царевиче. В присутствии царицы Марии и Василия Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...». Кормилица была любимицей царицы Марии. Не ее, а Василису Волохову царица била поленом над трупом сына, хотя обе были виноваты одинаково, обе недосмотрели за ребенком.

Смерть царевича своими глазами видели семь человек. Позже отыскался и восьмой свидетель.

На допросе приказного Протопопова следователи установили, что он впервые услышал о смерти царевича от ключника Тулубеева, причем ключник рассказал о происшествии со всеми подробностями. Вызвали Тулубеева. Он сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, и дело сразу прояснилось. В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел в окно, как мальчики играют в тычку. Трагедия произошла на его глазах. По словам Юдина царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, и Юдин сам это видел. Потом он рассказал все увиденное своим приятелям. Но он знал, что царица Мария настаивала на убийстве, и поэтому счел благоразумным уклониться от дачи показаний.

Показания всех главных свидетелей «углицкого дела» совпадают по существу, но индивидуальны по словесному выражению. Это доказывает их достоверность. Совсем другое впечатление вызывают показания второстепенных свидетелей, которых оказалось более сотни. Уж очень их показания стереотипны. Если несколько лиц пользуются одними и теми же оборотами, то сразу же возникает подозрение в ложности их показаний. Но появление штампов в следственном деле также можно объяснить. Допрос основных свидетелей, видевших трагедию собственными глазами, позволил нарисовать достаточно точную картину происшедшего. Остальные же свидетели знали о смерти царевича с чужих слов и не могли добавить ничего нового. Эти второстепенные свидетели в основном были дворовыми людьми — неграмотными, некультурными и косноязычными. Чтобы добиться от них вразумительных ответов, надо было потратить уйму времени. Но времени было мало, и поэтому члены комиссии фиксировали ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В те времена в приказной практике такой прием использовался очень часто.

Ряд историков утверждает, что все свидетельские показания были получены под действием угроз. Факт жестоких преследований жителей Углича засвидетельствован многими источниками. Но репрессии на самом деле имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а много месяцев спустя. Комиссия же не преследовала своих свидетелей. Исключение составил лишь один случай, зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Василием» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка Битяговского. Эти обвинения подтвердились, и конюха с сыном взяли под стражу. На том и закончились все репрессии угличан в дни следствия.

Нарисованная следствием картина гибели царевича Дмитрия была на редкость полна и достоверна. Расследование практически не оставило места для неясных вопросов.

Наши историки традиционно опускают факт осмотра комиссией тела убитого царевича. А, между прочим, члены комиссии, сразу же по прибытии в Углич 19 мая первым делом отправились в Спасо-Преображенский собор. Их сопровождала мать, родные царевича и «все добрые граждане». Нагие подсуетились и подложили на тело Дмитрия окровавленный нож. Василий Шуйский лично, в присутствии десятков людей, собравшихся в соборе, брезгливо отложив нож в сторону, внимательно рассматривал лицо ребенка, а затем его рану на гортани.

В субботу 22 мая в Спасо-Преображенском соборе митрополит

Геласий совершил отпевание и со всеми подобающими царевичу почестями предал его тело погребению в этом же храме, который еще в удельное время служил усыпальницей углических князей.

Обратим внимание, труп ребенка восемь дней лежал на открытом воздухе, а это по новому стилю с 25 мая по 1 июня, причем, по данным следственного дела погода была жаркая, вскрытия тела и бальзамирования не проводилось. Риторический вопрос, что будет с трупом за восемь дней? Теперь предположим, что тело царевича пусть не благоухало, но, по крайней мере, не воняло. Это, естественно, должно было заинтересовать и Геласия, и местное духовенство, и найти какое-то отражение в следствии. Но, увы, тело разлагалось самым естественным образом.

Результаты следствия в Угличе были рассмотрены 2 июня 1591 г. на церковном соборе в Москве. Собор единодушно утвердил приговор: «...царевницу Дмитрею смерть учинилась божьим судом».

На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Собственно на этом углическая история и закончилась.

О смерти царевича Дмитрия все забыли, тем более что в сентябре 1591 г. царица Ирина вновь понесла. На сей раз ей удалось доносить ребенка. Если бы ей удалось родить здорового сына, то об инциденте в Угличе в многотомной «Истории России» Соловьева остался бы один абзац. Но, увы, 26 мая 1592 г. у царя Федора родилась дочь, названная Федосьей. Она часто болела и умерла 25 января 1594 г. Через несколько лет и ее сделают жертвой «коварного» Бориса.

6 января 1598 г. умер царь Федор Иоаннович — последний правитель из рода Ивана Калиты. Государство Российское оказалось без легитимного наследника.

На Руси в X–XIV веках подобный династический кризис решился бы просто. Престол перешел бы к наиболее знатному князю Рюриковичу — вассалу московского князя. Точно также поступили бы во Франции, Испании и в других странах Западной Европы.

Но в Московском государстве князья Рюриковичи и Гедиминовичи за сто с лишним лет перестали быть вассалами и соратниками великого князя московского, а стали его холопами. Даже находившиеся в фаворе внуки и правнуки удельных князей при Василии III и Иване Грозном, подписывая грамоты, уничижительно коверкали свои имена. Дмитрий подписывался Дмитряшкой или Митькой, Федор — Федькой, Василий — Васьком и т. д. Естественно, что к 1598 г. народ считал Митек и Васьков царскими холопами, хоть и высокопоставленными, и богатыми.

В итоге главными претендентами на престол стали двое абсолютно нелегитимных и один абсолютно легитимный персонаж, причем в жилах всех троих не было ни одной капли крови Рюриковичей^[5].

Законным претендентом был татарин..., нет, большинство читателей угадало неправильно, не Годунов, а Государь великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович. В октябре 1575 г. царь Иван устроил очередной фарс — отрекся от престола, а на трон посадил крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, потомка касимовских ханов. Иван IV, юродствуя, затем писал челобитные новому «правителю»: «Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев с своими детишками с Ыванцом да с Федорцом челом бьют: что еси государь милость показал». Оперетта продолжалась 11 месяцев, после чего Иван «учинил» Симеона великим князем тверским. После этого Симеон не играл никакой роли в жизни Московского государства, хотя и имел большое состояние.

Нелегитимными кандидатами были Борис Годунов и Федор Романов.

Как только царь Федор испустил дух, всем стало не до него. У всех на устах был один вопрос: «Кто?»

Понятно, что Симеон Бекбулатович, живший в тиши в селе Кушалино под Тверью, мало подходил на роль Государя Всея Руси. Тем не менее, он нашел поддержку среди ряда бояр и князей. Дело в том, что именно несоответствие Симеона было привлекательно для некоторых князей и выходцев из старомосковского боярства. Не следует забывать, что рядом была Речь Посполитая, где польские магнаты имели огромную власть и были почти независимы от короля.

В первые же дни после смерти царя Федора патриарх Иов проявил неожиданную для себя активность. Иов оперативно пишет «Повесть о честнем житии царя и великого князя Федора Иоанновича всея Руси». Это не обычное житие, а программный политический документ. В нем Иов открыто заявил, что фактическим правителем при царе Федоре был Борис Годунов: «Был тот Борис Федорович зело преизрядной мудростью украшен, и саном более всех, и благим разумом превосходя. И пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине цвела.

И многое тщание показал по благочестии, и великий подвиг совершил о исправлении богохранимой царской державы, яко и самому благочестивому царю... дивиться превысокой его мудрости, и храбрости, и мужеству».

Избрание Бориса Годунова на царство довольно подробно изложено нашими историками. Тут нужно отметить очень важную деталь. Как

официальные царские, так и либерально-демократические историки XIX века по разным причинам преувеличивали значение Земских соборов конца XVI — начала XVII веков. Первые доказывали, что избрание царей Земским собором выражало волю народа, мечтавшего о самодержавном государе, а вторые, наоборот, доказывали, что, мол, издревле верховная власть на Руси принадлежала Земским соборам. Последнее утверждение хорошо вписывалось в программу либералов конца XIX — начала XX века о созыве Земского собора с целью введения конституции в России.

В результате приход к власти Годунова у нас ассоциируется с собором 1590 года и с персонажами пушкинской драмы, мажущими себе глаза луком, дабы поэффектнее поплакать на лугу у Новодевичьего монастыря. При этом напрочь забывается роль стрелецких полков в избрании новой династии. А ведь недаром мудрый Мао говорил: «Винтовка рождает власть». Так вот, московские бердыши и пищали были целиком на стороне Бориса. Тот еще при царе Федоре назначил главой стрелецких приказов своего троюродного брата Ивана Васильевича Годунова. Начальниками («головами») всех пяти московских стрелецких полков (всего около 10 тысяч ратников) были назначены верные Годуновым люди. Естественно, что стрельцы были надежной опорой Годуновых. Другой вопрос, что у него хватило ума и выдержки не только не применять силу, но и даже не грозить ею. Тем не менее, стрелецкие полки за спиной Годунова были, как любил говорить Нельсон: «Fleet in being», то есть «само существование флота является решающим фактором в конфликте».

Большинство служилого дворянства и гражданской администрации также было на стороне Годуновых. Последние много лет бесконтрольно управляли приказами и ведали, как сейчас говорят, кадровой политикой. От Годуновых зависело назначение дворянина на службу, присвоение очередного звания, пожалование поместьями и вотчинами и т. д.

Только благодаря позиции московских стрельцов и служилого дворянства борьба за власть после смерти Федора обошлась без крови.

Однако оппозиция Борису была достаточно сильной. Мы привыкли к марксистским догмам о классовой борьбе, роли народных масс и т. д. Увы, сии догмы абсолютно не применимы к событиям 1598 года. Социальные программы Бориса Годунова и его противников не имели различий, а точнее, ни та, ни другая сторона не предлагала народу никаких изменений в жизни. Соответственно, беднейшие слои населения сами по себе не были заинтересованы в борьбе за престол. А оппозиция Годунову состояла из титулованной и старомосковской знати, небольшого числа представителей администрации во главе с дьяками Щелкаловыми и части московского

духовенства, недовольной Иовом. Соответственно, за представителями знатных родов стояли их дворяне, боевые холопы и различная челядь. Оппозиция привлекала в свои ряды простых граждан подкупом, а также распространением различных слухов, компрометирующих Годуновых. Об убийстве царевича Димитрия пока еще и речи не было, зато во всю муссировался слух об отравлении Борисом царя Федора.

Союз Годуновых и Романовых, возникший в борьбе с Шуйскими, фактически распался. Часть Романовых сомкнулась с оппозицией Борису, но старательно держалась в тени. Сторонники Романовых распускали слухи о том, что де Федор на смертном одре завещал престол Федору Никитичу Романову. Однако эта версия была столь далека от истины, что в 1598 г. ни сами Романовы, ни кто-нибудь из оппозиции не рискнули высказать ее где-либо публично. Эта «липа» предназначалась лишь для недалеких и неинформированных людей, говоря языком того времени, для черни.

И дело не в том, что оппозиция боялась сказать о завещании царя Федора. В московских теремах в лицо Борису князья и бояре говорили и не такое. Просто тут было легко уличить оппонента во лжи. А вот спустя 15 лет, когда большинство ведущих политиков уже умерло, а у народа в голове все перемешалось, об этой «липе» заговорили публично.

Забыв старые обиды, Богдан Вельский вместе с Федором Ивановичем Мстиславским, при поддержке Романовых, выступил с предложением посадить на трон «царя» Симеона Бекбулатовича. Кстати, сей «царь» был женат на Настасье Ивановне Мстиславской, родной сестре Федора Ивановича. Но, как уже говорилось, эта кандидатура была более чем спорной, и от нее пришлось отказаться. Себя же Федор Никитич Романов предложить не рискнул, а других кандидатов попросту не было.

Кто-то из оппозиции выдвинул идею о передаче всей полноты власти Боярской думе. Сразу же после отъезда царицы Ирины в монастырь дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги Боярской думе, но услышал в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Вот здесь мы в первый раз слышим глас народа. Население Москвы категорически против боярской власти, которая неизбежно приведет к анархии и междоусобице.

Историки могут сколько угодно долго спорить о деталях избрания Бориса царем, но ясно одно — его избрали по воле всей России. Пусть Годунов не был Рюриковичем, пускай у него не было таланта полководца, пусть он был суеверным и лживым, но ему не было альтернативы. Желать

боярского правления или опереточного татарина могли только корыстные люди. А избрание Годунова обеспечивало еще и безударный переход власти. Ведь власть переходила не от одного правителя к другому, а просто менялся титул правителя с сохранением всех его функций.

Царь Борис Годунов. Рисунок Зеленского с портрета в Кунсткамере в Академии наук

1 сентября 1598 г., на Новый год, Борис венчался на царство. В своей речи, произнесенной по этому случаю патриарху, Борис сказал, что

покойный царь Федор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого Бог благословит на царство, и что царица Ирина приказала то же самое, «и по божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, святой патриарх, и прочие, меня, Бориса».

Борис, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» — и, тряся ворот своей рубашки, продолжал: «И эту последнюю рубашку разделю со всеми!»

Очень любопытен текст присяги новому царю. Присягнувший по ней, между прочим, клялся: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед Бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружить, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, на словом не приказывать на всякое лихо. А кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю».

Над текстом присяги вдоволь поёрничали и, надо сказать, не без оснований, наши историки от Соловьева до Скрынникова. Малодушие, мелочность, подозрительность и суеверие Бориса буквально бросаются в глаза при чтении присяги. Даже шутовскому царю Симеону сколько места отведено. Но вот почему-то ни один наш историк, писавший о присяге, не обратил внимание на отсутствие в ней имени Федора Никитича или других братьев Романовых. В самом деле, Симеон оказывается претендентом на престол, а они — нет? Присяга является убедительным документом в пользу того, что в 1598 г. не только не было никаких притязаний на престол со стороны Романовых, но и Борис Годунов не рассматривал всерьез возможности появления их. Иначе это было бы отражено в присяге.

В ходе междоусобицы 1598 года братья Романовы ни разу прямо не выступили ни на стороне Годунова, ни против него. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что Романовы стояли за спинами оппозиции, не давая ни одного повода Борису для обвинения во враждебных намерениях.

Несколько слов стоит сказать о взаимоотношениях России с Польшей. 6 января 1582 г., то есть еще при Иване Грозном, был подписан русско-польский Запольский мирный договор. Назван договор по деревне Запольский Ям, где должен был произойти съезд послов. На самом же деле договор был подписан в деревне Киверова Гора в пятнадцати верстах от Запольского Яма. Подробный рассказ об этом договоре и предшествующих

событиях Ливонской войны выходит за рамки данного повествования. Я лишь отмечу нюансы, касающиеся титула московского царя. Сей спорный вопрос стороны решили весьма оригинально. В русском экземпляре договора за царем сохранялся титул «царя», то есть императора (цесаря), в польском же он не упоминается. В русском экземпляре царь именовался также «властитель Ливонский и Смоленский», а в польском «властителем Ливонским» именовался польский король, а титул «Смоленский» не принадлежал никому.

Срок действия договора первоначально считался 10 лет. 10 января 1591 г. в Москве был подписан новый договор о перемирии (мире) между Россией и Польшей на 12 лет, считая с 15 августа 1591 г.

11 марта 1601 г. в Москве было подписано новое соглашение о перемирии на 20 лет, считая с 15 августа 1602 г. С польской стороны соглашение в Москве подписал канцлер и великий гетман литовский Лев Иванович Сапега, с русской — боярин Михаил Глебович Салтыков. 7 января 1602 г. в Вильне король Сигизмунд III ратифицировал договор. Царь Борис сделал это еще раньше.

Таким образом, с польским королем не было войны с 1582 г., (стычки с частными армиями пограничных феодалов не в счет) и аж до 1622 г. вроде бы ничего не предвещало войны.

Глава 2. Заговор бояр Романовых

Казалось бы, разумная внешняя и внутренняя политика Годунова должна была обеспечить стабильность в обществе, но случилось совсем наоборот. Как титулованная знать, так и беспородные бояре — все рвались к власти. Перед Иваном Грозным все трепетали. Внуки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей вели себя перед царем как кролик перед удавом. Это было явление не политическое, а, скорее, медицинское — паралич воли сопровождался рядом других психических заболеваний. Ведь за долгое царствование Ивана никто даже не пытался убить кровавого тирана. Спасаясь от опричного террора, бежали буквально единицы. Верность присяге, крестному целованию? Нет, это чушь! Посадив на престол шутовского царя Симеона, Иван формально освободил всех подданных от присяги. Но паралич воли продолжался — потомки викингов и не шевельнулись. Жертвы покорно шли на плаху и садились на кол, «распевая каноны Иисусу».

А вот в условиях стабильности и безопасности многие князья и бояре распоясались. Кое-кто начал считать царя Бориса ровней и примерял на себя шапку Мономаха.

Борис, как правило, был в курсе происков своих врагов. Он создал разветвленную систему сыска. Позже московский летописец отметил, что дьявол «вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве; думал он об этом много, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого». Надо ли говорить, что доносы посыпались как из рога изобилия.

Центром антигодуновской пропаганды стал придворный Чудов монастырь в Кремле. Патриарх Иов допек многих умных и честолюбивых духовных лиц. А избавиться от него без свержения Бориса было нельзя. Эти церковники не могли не вступить в связь с мощным боярским кланом, соперничающим с кланом Годуновых. И таким кланом стали Романовы.

За два последних столетия наши историки до предела мифологизировали роль Романовых в Смутное время. На фоне злодея и неврастеника Бориса Годунова, отпетых негодяев Гришки Отрепьева и Тушинского вора перед нами предстает доброе патриархальное семейство Романовых. Романовы де имели самые большие права на престол, но им чуждо стремление к власти, они далеки от политических интриг. И вот за эту доброту и бескорыстность все правители, начиная с царя Бориса и

кончая Тушинским воеводой, всячески мучают праведное семейство. Наконец храбрый воевода освобождает Москву от злых иноземцев, и весь народ, начиная с самого воеводы и кончая простым казаком, молит юного ангелоподобного отрока стать царем московским. Надо ли говорить, что тут не обошлось без вмешательства небесных сил. Отрок и его мать долго отказываются, они, мол, никогда и не думали, чтобы Миша мог стать царем.

Миф о Романовых нашел отражение даже в пушкинском «Борисе Годунове». Там дворянин Афанасий Пушкин говорит Рюриковичу Шуйскому:

Знатнейшие меж нами рода — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?

Шуйский

Ты прав, Пушкин.

Ну ладно, что князья Сицкие и Шестуновы уже три года, как прощены и исправно служат Борису, поэт мог и не знать, но чтобы Шуйский — потомок Андрея Ярославовича и ненавистник выскочек Романовых признал их «знатнейшими меж нами» и «отечества надеждой»! Это уже топорная лесть, граничащая с издевательством над семейством Романовых Пушкин писал П. А. Вяземскому сразу после окончания «Годунова»: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!».

На самом деле Романовы были до неприличия беспородны. 550 лет Русью правили князья — потомки норманнского князя Рюрика. Власть Рюриковичей наследовалась двумя способами: по горизонтали — старшему в роду, и по вертикали — от отца к сыну. В XV веке окончательно утвердился второй способ наследования. Но всегда наследование шло исключительно по мужской линии. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, иногда с боярскими дочерьми, были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став

женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же самое можно сказать о половецких и татарских князьях (ханах).

Семейство Романовых считало своим прародителем Андрея Кобылу — дружинника московского князя Симеона Гордого. Историкам о Кобыле известен лишь один факт, что он вместе с Алексеем Босоволоковым ездил в Тверь за невестой для Симеона. Предполагается, подчеркиваю, предполагается, поскольку неоспоримых доказательств нет, что Кобыла отличался большой плодовитостью. Позже ему приписали 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков, но никаких достоверных документов на сей счет нет. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком. Среди них Бутурлины, Челядины, Пушкины, Свибловы и другие.

Потомки Кобылы — Кошкины (4 поколения), Захарьины (2 поколения) — постоянно были рядом с московскими князьями, но всегда на вторых ролях. Ни громких побед, ни больших опал. Кошкины и Захарьины преуспевали лишь в накоплении богатств. Самым прибыльным промыслов в средние века на Руси была добыча и продажа соли. В начале XV века Кошкиным удалось стать владельцами самых крупных варниц в Нерехте.

В 1547 г. Романовы (они тогда назывались еще Захарьиными) породнились с родом Ивана Калиты. Царь Иван IV, еще не Грозный, женился на шестнадцатилетней Анастасии, дочери умершего четыре года назад окольничего Романа Захарьевича.

Брак Ивана IV с Анастасией Романовной не представлял ничего экстраординарного в истории России. Подавляющее большинство жен московских князей были дочерьми бояр иди даже дворян. Да и у самого Ивана Грозного было семь жен и, соответственно, куча родни по женской линии, начиная с Романовых (Захарьиных) и кончая Нагими.

За тринадцать лет жизни с царем Иваном Анастасия Романовна родила шестерых детей: Анну (родилась 18 августа 1549 г., умерла в августе 1550 г.), Марию (родилась 17 марта 1551 г., умерла в младенчестве), Димитрия (родился 11 октября 1552 г., умер в июне 1553 г.), Иоанна (родился 28 марта 1554 г., убит отцом 19 ноября 1582 г.), Евдокию (родилась 26 февраля 1554 г., умерла в 1558 г.) и будущего царя Федора (родился 11 мая 1557 г., умер 7 января 1598 г.).

Сама Анастасия умерла 7 августа 1560 г. сравнительно молодой, ей было около тридцати лет, что дало многим современникам и потомкам предполагать отравление царицы.

18 марта 1584 г. внезапно умирает царь Иван. К этому времени все мужское потомство Захарьиных и Яковлевых или перемерло, или было казнено царем. В живых остался лишь Никита Романович Захарьин и его дети, которых по деду стали называть Романовыми.

Никита Романович оказался самым плодовитым в роду Захарьиных. От двух жен — Варвары Ивановны Ховриной и Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской — он имел пятерых сыновей и пятерых дочерей (Федора, Михаила, Александра, Василия, Ивана, Анну, Евфимию, Ульяну, Марфу и Ирину). Из них только Ульяна умерла в младенчестве. В 1565 г. старшая дочь Анна была выдана замуж за князя Ивана Федоровича Троекурова. Рюриковичи Троекуровы вели свой род от ярославских удельных князей.

Иван и Анна Троекуровы нажили двоих детей — Бориса и Марину. 6 декабря 1586 г. Анна Никитична умерла, а И. Ф. Троекуров взял новую жену — Вассу Ивановну.

Дочь Евфимию Никита Романович выдал за князя Ивана Васильевича Сицкого.

Марфа стала женой Бориса Камбулатовича Черкасского. Он был сыном кабардинского владетеля Камбулата — родного брата Темрюка, отца Марии — второй жены Ивана Грозного. Два сына Камбулата — мурзы Хокяг и Хорошай — приехали на службу в Москву, крестились и получили имена Гавриил и Борис Камбулатовичи. В 1592 г. Борис становится боярином. У Марфы Никитичны и Бориса Камбулатовича было трое детей — Иван, Ирина и Ксения. Иван при царе Михаиле стал боярином, Ирина выдана за боярина Федора Ивановича Шереметева, а Ксения — за Ивана Дмитриевича Колычева.

Младшая дочь Никиты Романовича Ирина вышла замуж за боярина Ивана Ивановича Годунова. Потомства у них не было.

Наиболее выдающейся личностью из большой семьи Никиты Романовича стал его старший сын Федор. Он был красив и статен. Он, по видимому, первым из московской знати стал брить бороду и носить короткую прическу. О щегольстве Федора и умение одеваться иностранные послы говорили, что если московский портной хотел похвалить свою работу заказчику, то он говорил: «Вы теперь одеты как Федор Никитич». В 1586 г. Федор прямо из рынд прыгнул в бояре.

Федор Никитич оказался плодовит: с 1592 по 1599 год у него родилось шесть детей, но выжили лишь двое — Татьяна и Михаил, а остальные умерли в младенчестве (Борис в 1593 г., Никита в 1593 г., Лев в 1597 г. и Иван в 1599 г.). Позже Татьяна выйдет замуж за князя Ивана Михайловича

Катырева-Ростовского, а Михаил, родившийся 12 июля 1596 г., станет царем.

Романовы не поддержали и Бориса в самые трудные для него дни. Видимо, Романовы участвовали в попытке возведения на престол низложенного царя Симеона Бекбулатовича и в других интригах против Бориса, но никакими достоверными данными на этот счет историки не располагают.

Не было претензий к Романовым и у новоизбранного царя Бориса. Мало того, в сентябре 1598 г. царь Борис пожаловал боярство Александру Никитичу Романову, а также романовской родне Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и князю Василию Казы Кардануковичу Черкасскому. Формально Романовым не на что было жаловаться, и мирное сосуществование Романовых и Годуновых длилось до 1600 г.

В конце 1599 г. — начале 1600 г. Борис Годунов тяжело заболел. К осени 1600 г. состояние здоровья царя настолько ухудшилось, что он не мог принимать иностранных послов и даже самостоятельно передвигаться — в церковь его носили на носилках.

Братья Романовы решили, что настал их час, и начали подготовку к перевороту. Из многочисленных романовских вотчин в Москву стали прибывать дворяне и боевые холопы. Несколько сот вооруженных людей сосредоточилось на Варварке в усадьбе Федора Никитича. Среди них был и молодой дворянин Юрий Богданович Отрепьев.

Однако спецслужба Бориса не дремала. По приказу царя в ночь на 26 октября 1600 г. несколько сот стрельцов начали штурм усадьбы на Варварке. Несколько десятков сторонников Романовых было убито при штурме, а многие казнены без суда и следствия.

Обвинение Романовых в организации государственного переворота Годунову было нецелесообразно, поскольку это произвело бы невыгодное для новой династии впечатление как внутри страны, так и за границей. Поэтому Романовым было поставлено в вину колдовство. Братья Никитичи были отданы на суд Боярской думы. Титулованная знать — Рюриковичи и Гедиминовичи — ненавидели безродных выскочек, как Годуновых, так и Романовых. Надо ли говорить, что сочувствия в думе Романовы не нашли.

Колдовские процессы над знатью в Западной Европе обычно кончались кострами, и лишь в единичных случаях плахами и виселицами. Однако Годунов поступил с Романовыми относительно мягко.

Обвиненные находились под стражей до 30 июня 1601 г., когда Боярская дума вынесла приговор. Федора Никитича Романова постригли в монахи под именем Филарета и послали в Антониев-Сийский монастырь.

Его жену Ксению Ивановну также постригли под именем Марфы и сослали в заонежский погост Толвуй. Ее мать, Марию Ивановну, сослали в монастырь в Чебоксары. Александра Никитича Романова сослали к Белому морю в Усолье-Луду, Михаила Никитича — в Пермь, Ивана Никитича — в Пелым, Василия Никитича — в Яренск, сестру их с мужем Борисом Черкасским и детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и его сестрой Татьяной, с их теткой Настасьей Никитичной и с женой Александра Никитича сослали на Белоозеро. Князя Ивана Борисовича Черкасского — на Вятку в Малмыж, князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь, других Сицких, Шастуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Итак, из-за «кореньев» десятки представителей знатных родов были отправлены в монастыри и в ссылку. Понятно, что корни или наговоры доносчиков тут явно ни при чем.

Мне пришлось перелопатить всю дореволюционную литературу о предках Романовых. На девяносто девять процентов эти источники повторяют друг друга. Но вдруг в «Сборнике материалов по истории предков царя Михаила Федоровича», изданном в Петербурге в 1901 г., я натолкнулся на прелюбопытнейшую деталь. В XVIII веке по приказу Екатерины II в селе Коломенском был сломан деревянный дворец царя Алексея Михайловича. При этом обнаружили портрет монаха Филарета, в миру Федора Никитича Романова. Краска на картине начала облезать, и под ней было обнаружено совсем другое изображение — тот же Филарет, но уже в другом, царском, одеянии, со скипетром в руке. Внизу была подпись: «Царь Федор Никитич».

Комментарии в «Сборнике...» по сему поводу отсутствуют. Надо полагать, что честлюбивый Федор поторопился и заранее заказал себе этот портрет^[6].

В царствование Михаила пребывание Романовых в ссылке стало обрастать сказочными подробностями. На Руси всегда любили дураков и мучеников. Поэтому официальная пропаганда тиражировала душераздирающие подробности мучений опальных Романовых.

Так, например, Михаил Никитич Романов был сослан в село Ныроба Пермской волости. В селе имелось всего лишь шесть дворов. Михаила посадили в яму («земляную темницу»). Сверху яма была закрыта настилом из брусьев, засыпанных землей. В яме была сложена небольшая печь. На Михаила надели тяжелые кандалы — цепь на шее весила 1 пуд 39 фунтов (32,4 кг), 19 фунтов (7,8 кг) весили ножные кандалы и 10 фунтов (4,1 кг) — замок к ним. Пристав держал узника на хлебе и воде, а местные крестьяне

тайно приносили ему вкусную еду. Через несколько месяцев Михаил умер. По приказу Лжедмитрия I тело Михаила было перевезено в Москву и погребено 18 марта 1606 г. в Новоспасском монастыре. Тело его оказалось «нетленным». В селе Ныроба был устроен «мемориальный музей» Михаила. Путешественники в XIX веке видели его знаменитые цепи.

Увы, многие историки с иронией относятся к преданию о мучениях Михаила. А С. М. Соловьев, подробно описавший ссылку остальных Романовых, принципиально не упоминает о Михаиле. Историки задают один и тот же вопрос — если Годунов решил погубить братьев Романовых, то почему он сурово расправился с младшими братьями и создал сравнительно комфортные условия старшему брату Федору Никитичу? От себя добавлю — главному заводчику смуты и основному кандидату на престол.

Федор Никитич был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета и отправлен в Антониев-Сийский монастырь в сопровождении пристава — стрелецкого головы Ратмана Дурова. Жена его Ксения была пострижена под именем Марфа и отправлена в Заонежье в Толвуйскую волость в Егорьевский погост. Позже мы вернемся к бедному иноку Филарету и увидим, что жилось ему совсем не худо.

Борису Годунову, пожалев Федора, было не резон убивать его младших братьев и родственников. Просто враги Годунова приписали ему еще несколько смертей. Ну, убил злодей двух царей, царевну, свою сестру царицу и датского принца — жениха своей дочери, с помощью колдовства лишил зрения царя Симеона, так почему бы ему не замочить еще полдюжины ссыльных?

На самом же деле бытовые условия ссыльных были весьма приличными. По этому поводу Р. Г. Скрынников писал: «Подлинные документы по поводу ссылки, сохранившиеся в отрывках, позволяют установить, какими были условия содержания опальных в местах заточения. Даже те ссыльные, которые не имели думного чина, получили разрешение взять с собой по „детинке“ из числа своих дворовых холопов. Холоп прислуживал господину в пути, а затем в тюрьме. Тюрьмой для опального служил двор с рядом хозяйственных построек, предназначенных для обслуживания тюремного сидельца. Пристав, сопровождавший в ссылку младшего из братьев Романовых, получил приказ выстроить для него двор вдали от посада и проезжей дороги. Инструкция предписывала приставу провести все необходимые работы: „двор поставить... а на дворе велеть поставить хором две избы, да сени, да клеть, да погреб и около двора была (чтобы) городба“.

В клетки и погребе хранились продукты и еда. Осужденные получали достаточный корм. Так, Василий Романов получал в день „по калачу да по два хлеба денежных; да в мясные дни по две части говядины да по части баранины; а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной“. В стране был голод, а казна выделяла деньги для опальных с учетом дороговизны. На содержание младшего Романова была израсходована крупная для того времени сумма в 100 руб. Несмотря на все это, некоторые ссыльные, включая Василия Романова, погибли в местах заточения. Современники подозревали, что их казнили по тайному приказу Бориса Годунова. Близкий к Романовым летописец рассказывал о гибели ссыльных, следуя одной и той же несложной схеме: стрелецкий голова Леонтий Лодыженский, будучи приставом у боярина Александра Романова, удушил своего пленника по воле Бориса, Тимоха Грязной „удавиша“ боярина Сицкого с женой, Роман Тушин „удавиша“ окольного Михаила Романова, приставы Смирной Маматов и Иван Некрасов „удавиша“ Василия Романова и пр.»^[7].

Кстати, и Михаил Никитич должен был получать пайку, которой и на троих бы хватило. Другой вопрос, что возможно, пристав попросту воровал продукты.

Обратим внимание, что опальный боярин князь Федор Дмитриевич Шастунов умер в Москве у себя во дворе, еще до отправки Никитичей в ссылку. Только из-за этого его смерть не была приписана Борису.

Боярин Борис Камбулатович Черкасский был стар и болен. Его вместе с женой Марфой сослали на Белоозеро. Вместе с ними отправили и детей Федора Никитича Михаила и Татьяну. Вскоре Борис Камбулатович там умер от мочекаменной болезни («камчуга»). А его жена Марфа по указу Годунова от 2 сентября 1602 г. была переведена в село Клин в вотчину Федора Никитича Романова. Там она жила вместе с женой Александра Никитича и малолетними детьми Федора Никитича Михаилом и Татьяной. Там же она и скончалась 28 февраля 1610 г.

Так называемый «новый летописец» именовал пристава Смирнова Маматова не иначе как «окаянным» и приписывал ему тайную расправу с Василием Романовым. На самом же деле Маматов был приставом у Ивана Романова. Иван Никитич, несмотря на свою молодость, был тяжело болен — страдал «старой» болезнью: «...рукой не владел и на ногу прихрамывал». Но Маматов доставил его в Сибирь живым. Василия же Никитича Маматов принял от другого пристава, Ивана Некрасова, в Пелыме «больна, тако чють жива».

Источники в подробностях описывают дорогу Василия Романова в

Сибирь. Иван Некрасов получил наказ вести его «бережно, чтоб он с дороги не ушел и лиха никакого над собою не сделал». Некрасову были выданы железные кандалы и предоставлено право использовать их в случае необходимости. Василия везли по Волге в струге, и там он имел некоторые послабления. Но Василий, по словам пристава, однажды выкрал у него ключи от цепи и бросил их в реку. Опасаясь побега, Некрасов тотчас заковал своего поднадзорного в цепь. В мае 1601 г. Василий Никитич благополучно добрался до Яранска, где пробыл шесть недель. Затем ссыльного отправили дальше в Сибирь. Две с половиной недели Некрасов и Василий Романов шли пешком, «только на подводах везли запасишко свое». Пленник, естественно, шел без цепей, и только на ночь пристав сковывал его. Тем временем наступила осень, ударили первые морозы. Василий Никитич расхворался, и Некрасову пришлось везти его в санях «простого», то есть без цепей. Это трудное путешествие длилось четыре месяца.

Власти позволили Василию Никитичу жить в одних хоромах с братом Иваном. На всякий случай приставы приковали братьев на цепь в разных углах избы, тут же послав донесение в Москву. В ответ дьяки составили черновой наказ с повелением расковать Ивана и Василия и позволить им «в избе и во дворе ходить по своей воле». В беловом варианте последние слова были вычеркнуты и заменены приказом беречь Романовых крепко, чтобы они «з двора не ходили». Руководители сыскного ведомства в Москве явно хотели снять с себя ответственность за смерть ссыльных. Узнав о болезни Василия Никитича Романова, Семен Годунов заявил, что по государеву указу «ковать» ссыльных в цепи было не велено и что приставы «воровали», действуя «мимо государева наказа». 15 января 1602 г. Борис Годунов приказал расковать ссыльных, но приказ этот дошел до Сибири с большим опозданием. Уже перед смертью с Василия Никитича сняли кандалы. Ивану Никитичу позволили сидеть у постели умирающего брата. Василий Никитич умер 15 февраля 1602 г.

В марте 1602 г. Борис Годунов, получив известие о смерти Василия Романова, приказал перевезти Ивана Романова в Уфу. Но Иван Никитич был тяжело болен. 8 мая 1602 г. Некрасов сообщил в Москву, что «изменник государев» разболелся «старою своею черною болезнью, рукою и ногою не владеет и язык ся отнялся, лежит при конце». Как только Ивану Никитичу стало легче, пристав повез его в Уфу. С дороги Некрасов писал в Москву, что Иван быстро поправляется: «...везучи, язык у него появился, рукою стал владеть... а сказывает сердце здорово, ест довольно». Иван Романов прибегнул к какой-то уловке, чтобы избавиться от оков. Позже он

сам рассказывал монахам, что оковы сами спали с его рук и ног после усердной молитвы святому Сергию. Узнав об этом «чуде», приставы «ужаснулись» и сменили звериную лютость на «овечью кротость, и быв у них прочее время во ослабе».

К лету 1602 г. состояние здоровья царя Бориса улучшилось. Положение в высших эшелонах власти было стабильным, и Борис решил облегчить участь ссыльных. 25 мая 1602 г. Боярская дума распорядилась освободить Ивана Никитича Романова и князя Ивана Черкасского и перевезти их в Нижний Новгород «на государеву службу». 17 сентября 1602 г. опальным объявили царскую милость — Борис велел вернуть их ко двору в Москву. Приставам указывалось везти Ивана Романова в Москву осторожно, по состоянию его здоровья.

Князя Сицкие также были освобождены и назначены на службу в понизовые города. Но не все они добрались до новых мест. Старший сын опального боярина Сицкого князь Василий Иванович умер в дороге, не добравшись до Москвы. Его смерть тут же приписали злему умыслу царя Бориса.

Летом 1602 г. Боярская дума объявила о прощении вдов и детей опальных бояр. Борис приказал вдову Бориса Черкасского с дочерью и вдову Александра Романова освободить и перевезти в бывшую вотчину Романовых село Клин под Юрьевом-Польским, куда они благополучно добрались.

Приставам было приказано содержать опальные семьи в полном довольствии. Царь Борис сложил свою ответственность за притеснения опальных на приставов, якобы действовавших не по его указу, а «своим воровством и хитростью».

В ноябре 1602 г. Федор Никитич (Филарет) сказал своему приставу: «Государь-де меня пожаловал, велел мне по-вольность дать». Филарет и впрямь получил послабления. Ему позволено было часто покидать келью и стоять «на крылосе». Борис велел выдать Филарету новую одежду и «покой всякий к нему держати».

Глава 3. Великая подстава

Откуда взялся Лжедмитрий? Ведь о самозванцах на Руси ранее никто и не слыхивал. Первые слухи о том, что царевичу Димитрию удалось спастись от смерти, появились в 1600 г. Правда, некоторые историки говорят о более раннем времени, ссылаясь на сведения иностранцев, почерпнутые из источников, датированных 1610 годом и позже, то есть задним числом. В русских же летописях и в других дошедших до нас документах нет ни намека о таких слухах. Если бы хоть где-то породился слух о живом царевиче, то последовала бы немедленная реакция властей — розыск, допросы с дыбой и наказание виноватых. Естественно, это было бы зафиксировано в официальных документах. Вспомним еще раз текст присяги Борису Годунову. Новый царь боится всего и в присяге перечисляет возможные прегрешения подданных, поминается даже татарин Симеон Бекбулатович, а вот о Димитрии нет ни слова. А, собственно, зачем? О нем давно все забыли.

Итак, первые слухи о живом царевиче появляются одновременно с опалой Романовых. Допустим пока, что это простое совпадение, и подумаем, кто мог быть инициатором этой затеи. Простые крестьяне, задавленные гнетом господ и лишенные права ухода от них в Юрьев день, стали мечтать о царе-освободителе и выдумали воскресение царевича Димитрия? Нет, это слишком хорошая сказка, она вполне подходит для историка-народника XIX века, но не для крестьянина начала XVII века. На Руси с IX по XVI век и слыхом не слыхивали о самозванцах. И приписывать самозванческую интригу неграмотным крестьянам просто смешно.

А теперь обратимся на Запад. Молодой португальский король Себастьян Сокровенный отправился в 1578 г. завоевывать Северную Африку и без вести пропал в сражении. Король не успел оставить потомства, зато после его исчезновения в Португалии появилась масса самозванцев Лжесебастьянов. Кстати, папа Климент VIII на полях донесения от 1 ноября 1603 г., извещавшего его о появлении Димитрия, написал: «Португальские штучки». Одновременно в Молдавии прекратилась династия Богданников, и тоже появилось немало самозванцев. То, что для Руси было в диковинку, в Европе давно стало нормой.

Мы можем только гадать об имени сценариста Великой смуты, но

достоверно можно сказать, что это был не крестьянин или посадский человек, а интеллеktуал XVII века. Он мог быть боярином или дворянином, исполнявшим роль советника при большом боярине, а, скорее всего, это было лицо духовное. В любом случае, это был москвич, близкий ко двору и хорошо знавший тайные механизмы власти. Можно предположить, что через иностранцев и дьяков Посольского приказа сей «интеллеktуал» знал о событиях в Португалии и Молдавии.

Заметим, что слух в конце 1600 г. — начале 1601 г. ходил не по низам, а по верхам. О нем уже знали иностранцы, но ничего не знали в провинциальных городках, не говоря уже о селах. Таким образом, пропаганда велась крайне грамотно. Синхронно пошел и «девятый вал» дезинформации о Борисе Годунове, что тот де всех поизвел, кого мог — поубивал, а царя Симеона колдовством зрения лишил. Столь же синхронно появились различные байки о хороших боярах Романовых, «сродниках» царя Федора. Не буду утомлять читателя их пересказом, а интересующихся отправлю к исследованиям по средневековой русской литературе и эпосу. Замечу лишь одно, сей народный фольклор касался только Романовых. Нет ни песен, ни сказок про Шуйских, Мстиславских, Оболенских и про другие древние княжеские рода. Неужели нужно пояснять, что режиссер у этого спектакля был один и тот же, как, впрочем, и заказчики. Итак, царь — изверг на троне, хорошие бояре в опале, а где-то скитается восемнадцатилетний сын Ивана Грозного. Естественно, спасенный Димитрий не мог не явиться, даром что ли велась вся кампания.

И вот в 1602 г. в Польше объявился долгожданный царевич Димитрий.

О личности самозванца спор идет уже 400 лет. Версий на сей счет имеется три: самозванец был настоящим царевичем, самозванец был Юрием Отрепьевым, и самозванец не был ни тем, ни другим. Любопытно, что сторонники последней версии не могут даже предположительно указать на конкретное историческое лицо, ставшее самозванцем. Их аргументы сводятся к критике первых двух версий, после чего методом исключения делается вывод — «откуда следует, что Лжедмитрием был кто-то другой».

Версия же о чудесном спасении царевича очень нравится сентиментальным дамам и мужчинам-образованцам. Этой версии посвящено уже не менее двух десятков душещипательных романов, и нет сомнения, что появятся и новые шедевры. Версии спасения Димитрия одна фантастичнее другой. Некоторым же «историкам» мало традиционной сказки о чудесном спасении, и они идут дальше. Так, Лжедмитрий действительно оказывается царевичем Димитрием, но не сыном Ивана

Грозного, а его племянником. Далее следует драматический рассказ, как Соломония Сабурова родила в монастыре сына от Василия III. А вот внук Соломонии и Василия Димитрий и стал самозванцем.

Были и попытки комбинировать первую и вторую версию. В этом варианте в 1602 г. в Польшу, а затем в Италию бежал де настоящий сын Грозного, но затем он умер на чужбине, а его имя принял Григорий (Юрий Отрепьев).

Любой нормальный человек до самой смерти помнит события, происходившие с ним в возрасте четырех-восьми лет, причем, часто запоминает мелкие детали, забытые его взрослыми родственниками. Самозванец же о своей жизни в Угличе рассказывал хуже, чем «сын лейтенанта Шмидта» Шура Балаганов о восстании на «Очакове». В частности, он утверждал, что убийство в Угличе случилось ночью. О том же, что происходило с ним с 8 до 19 лет, он отделялся общими фразами, что его де приютили и воспитали какие-то хорошие люди.

Ну, допустим, в Польше он мог опасаться за жизнь своих покровителей, оставшихся в России под властью Годунова. Зато, взойдя на московский трон, первым желанием царевича стало бы найти этих «благодетелей», показать их народу и примерно наградить. Причем, дело тут не в благодарности, доказательство чудесного спасения в Москве было вопросом жизни или смерти Лжедмитрия. Наконец, неопровержимый довод дает медицина — эпилепсия никогда не проходит сама по себе и не лечится даже современными средствами. А Лжедмитрий никогда не страдал припадками эпилепсии, и у него не хватило ума их имитировать.

Практически все серьезные историки приняли вторую версию и отождествляют Лжедмитрия с иноком Григорием, в миру Юрием Богдановичем Отрепьевым. Он происходил из дворянского рода Нелидовых. В 70-х годах XIV века на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу из Польши прибыл шляхтич Владислав Нелидов (Неледзевский). В 1380 г. он участвовал в Куликовской битве. Потомки этого Владислава стали зваться Нелидовыми. Род был, в общем-то, захудалым. Автору удалось найти в летописях лишь одно упоминание о Нелидовых. В 1472 г. великий князь Иван III послал воеводу князя Федора Пестрого наказать жителей Пермского края «за их неисправление». Одним из отрядов в этом войске и командовал Нелидов.

Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Один из представителей рода Нелидовых Данила Борисович в 1497 г. получил прозвище Отрепьев. Его потомки и стали носить эту фамилию.

Согласно «Тысячной книге» 1550 года на царской службе состояли

пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятия» В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Юшка остался сиротой, воспитала его мать Варвара Отрепьева.

Царские историки старательно скрывали факт, что у Богдана Отрепьева была родная сестра Мария Ивановна, вышедшая замуж за дворянина Ивана Васильевича Шестова. Так Отрепьевы по женской линии породнились с Романовыми. Получается, что Ксения Ивановна была двоюродной сестрой Юшки Отрепьева, а Миша Романов, соответственно, его двоюродным племянником.

Юрий Отрепьев провел детство в имении дворян Отрепьевых на берегах реки Монзы, притоке Костромы. Рядом, менее чем в десяти верстах, была знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино, полученное, как мы помним, в приданое за Ксенией Шестовой. Едва оперившийся Юрий поступил на службу к Михаилу Никитичу Романову. Идти на службу к родне было нормой в те времена.

Вскоре Отрепьев поселился в Москве на подворье Романовых на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». «Вор» в те времена было более широким понятием, включавшим в себя и государственную измену. Так против кого «заворовался» Юшка? Если против своих благодетелей Романовых — так ему нужно было идти не в монастырь, а во дворец к Борису в дублеры к Бартеневу. Значит «заворовался» он все-таки против царя. Или он был посвящен в заговор Романовых, или, как минимум, активно участвовал в бою с царскими стрельцами. В любом случае ему грозила смертная казнь. Борис по конъюнктурным соображениям был снисходителен к боярам, но беспощадно казнил провинившуюся челядь. Спасая свою жизнь, Юшка принял постриг и стал смиренным чернецом Григорием. Некоторое время Григорий скитался по монастырям. Так, известно о его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и монастыре Ивана Предтечи в Галичском уезде.

Через некоторое время чернец Григорий оказывается в привилегированном Чудовом монастыре. Монастырь находился на территории московского Кремля, и поступление в него обычно

сопровождалось крупными денежными вкладами. О приеме Григория просил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского царского Успенского собора^[8] Ефимий. Как видим, влиятельные церковные деятели просят за монашка, бегущего из одного монастыря в другой, бывшего государственного преступника.

Первое время Григорий жил в келье своего родственника Григория Елизария Замятии (внука Третьяка Отрепьева). Всего до побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. В келье Замятии он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По представлению архимандрита Григорий был рукоположен патриархом в дьяконы. Вскоре Иов приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега!? А главное, как двадцатилетний парень без чьей либо подсказки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

Итак, версию, что до самозванства Отрепьев дошел сам, приходится отбросить как абсурдную. Отсюда единственный вариант — инока Григория наставили на «путь истинный» в Чудовом монастыре. Кремлевский Чудов монастырь давно был источником различных политических интриг. Там постриглись многие представители знати, и не всегда по доброй воле. Само расположение монастыря под окнами царских теремов и государственных Приказов делало неизбежным вмешательство монахов в большую политику. Царь Иван Грозный желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Значительная часть монахов была настроена оппозиционно к царю и патриарху.

К сожалению наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере виноват Пушкин, точнее, не Пушкин, а царская цензура. Как у Александра Сергеевича решается основной вопрос драмы — решение монаха Григория стать самозванцем? Вот сцена «Келья в Чудовом монастыре». Отец Пимен рассказывает чернецу Григорию антигодуновскую версию убийства царевича Дмитрия. И все... Следующая сцена — «Палаты патриарха». Там игумен Чудова монастыря докладывает

патриарху о побеге чернеца Григория, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Можно ли поверить, что восемнадцатилетний мальчишка, выслушав рассказ Пимена, сам рискнет на такое. И дело совсем не в неизбежности наказания — дыба и раскаленные клещи на допросе, а затем четвертование или кол. Дело в другом — Гришка стал первым в истории России самозванцем. И одному юнцу в одночасье дойти до этого было невозможно. Психология русского феодального общества начала XVII века не могла этого допустить. Тут нужен изощренный зрелый ум. Так кто же подал идею Гришке? До 1824 года эту тему никто не поднимал. А Пушкин? Сейчас вряд ли удастся выяснить, знал ли Пушкин что-то, не вошедшее в историю Карамзина, или его озарила гениальная догадка.

В келье Пимена. Гравюра Ю. Барановского с рисунка А. Земцова. Иллюстрация из Литературного альбома к драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»

Но начнем по порядку. Пушкин приступил к работе над «Борисом Годуновым» в ноябре 1824 г. К концу декабря — началу января он дошел до сцены в Чудовом монастыре и остановился. Пушкинисты утверждают, что он занялся четвертой главой «Онегина». Возможно, это и так, а скорее — не сходились концы с концами у «Годунова». Но в апреле 1825 г. Пушкин возвращается к «Годунову» и одним духом пишет сцены «Келья в Чудовом монастыре» и «Ограда монастырская». Позвольте, возмутится внимательный читатель, какая еще «Ограда монастырская», да нет такой

сцены в пьесе. Совершенно верно, нет, но Пушкин ее написал. Сцена короткая, на две страницы, а по времени исполнения на 3–5 минут. Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела взрывной характер. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца. Поэтому Жуковский, готовивший в 1830 г. первые сцены «Бориса Годунова», не дожидаясь запрета цензуры, сам выкинул сцену «Ограда монастырская». Опубликована эта сцена была лишь в 1833 г. в немецком журнале, издававшемся в Дерпте.

На поиски «злого чернеца» я потратил более 5 лет. Им оказался сам архимандрит Чудова монастыря Пафнутий.

Очень странно, что все наши историки прошли мимо ключевой фигуры Смутного времени. А церковные власти сделали все, чтобы вычеркнуть имя «злого инока» Пафнутия из церковной и светской истории. Так, в огромном труде «История русской церкви», написанном митрополитом Макарием, в VI томе, посвященном Смутному времени, о Пафнутии упоминается вскользь всего два раза в двух строчках. Причем последний раз сказано с явной злобой: «...как и когда он умер и где погребен неизвестно».

Мне же удалось найти сведения о Пафнутии в житиях святых Никодима, Адриана и Ферапонта Монзенского.

Итак, вернемся в 1593 год. Жили-были в Троицком Павло-Обнорском монастыре два приятеля инока Адриан и Пафнутий. Им явился, каждому отдельно, во сне неизвестный инок и повелел основать обитель на берегу лесистой реки Монзы, при впадении ее в Кострому. Настоятелем в новом монастыре должен стать старец Адриан, Причем явившийся прибавил, что место это будет указано чудом, и на нем явится святой. Так и случилось: когда там воздвигли часовню, то в ней получили исцеление два отрока. А отцы их рассказали, что каждому из них явился во сне неизвестный инок и сказал, что сын его будет исцелен в обители старца Адриана. В это время старец Пафнутий был назначен настоятелем Чудова монастыря в Москве.

Создается впечатление, что текст жития подвергся основательной цензуре. Зачем сразу двум старцам «является» один и тот же сон? Понятно тогда бы они стали вместе строить на Монзе монастырь, но ведь Пафнутий

выбывает из игры. Его кто-то назначает, и неизвестно за что, архимандритом придворного Чудова монастыря в Москве! Видимо, Пафнутию приснился другой куда более чудесный сон, но позже кто-то изъясил сей сон из рукописи.

Обратим внимание на географию. Река Обнора, где находился Павло-Обнорский монастырь, и река Монза, где Адриан основал новый монастырь, — правые притоки реки Костромы и расположены почти рядом. Итак, район реки Монзы — это вотчины бояр Романовых, имение дворян Отрепьевых и место иноческого послушания Пафнутия. Уж что-то не верится, что это простое совпадение. Практически невероятно, чтобы бояре Романовы не посещали соседний Павло-Обнорский монастырь. Зато очень странно, что, став царем, туда наведывался Михаил Романов. Видимо, что-то сильно связывало это семейство с монастырем на Обноре.

Нетрудно догадаться, что в Чудов монастырь Пафнутий попал по протекции своих соседей Романовых. 1593–1594 годы — время тесного альянса Романовых и Годуновых. Кстати, и патриарх Иов благоволил тогда к Романовым. Ведь с 1575 г. по 1581 г. Иов был архимандритом Новоспасского монастыря, который давно уже стал патронажем Романовых и служил их родовой усыпальницей. Только таким способом ничем не прославившемуся иноку захолустного монастыря удалось попасть в Кремль.

Почти сразу после возведения Пафнутия в сан архимандрита к нему в Чудов монастырь явился кузнец Никита. И Пафнутий, «испытав терпение и смирение Никиты посредством различных послушаний», сделал его своим келейником. Осенью 1595 г. послушник Никита был пострижен в монахи под именем Никодима. Запомним это имя, к нему мы позже вернемся.

Итак, именно в келье архимандрита Пафнутия долгое время жил чернец Григорий. И вряд ли архимандрит допустил бы, чтобы его воспитанник попал под влияние другого чудовского «злого чернеца».

Возникает естественный вопрос, мог ли Пафнутий действовать один, без сговора со светскими лицами. Ответ очевиден. И это были люди романовского круга.

Но кто конкретно? Братья Никитичи сидели под крепким караулом, по крайней мере, до 1602 г. А как насчет инокини Марфы — Ксении Ивановны?

Как мы уже знаем, Ксения по боярскому приговору от 30 июня 1601 г. была пострижена в монахини и сослана на погост Толвуй в Обонежской пятине. Селение Толвуй впервые упоминается в исторических актах в XIV

веке, под 1375 годом. Это одно из древних русских поселений на берегу Онего-озера, расположенных на полуострове Заонежье. Перед ссылкой в Толвуй инокини Марфы в самом начале XVII века вокруг Толвуйского погоста располагались 33 деревни. Земли погоста занимали около шестидесяти верст в округе. Церквей в погосте было три, две из них — церковь страстотерпца Христова Егория (Георгия Победоносца) с приделом святителя Николая Чудотворца и теплая церковь Живоначальная Троицы — деревянные, стояли на погосте в Толвуе, а третья церковь — Рождества Пречистой Богородицы — была поставлена за Повенецким заливом.

По преданию, «...уединенный терем узницы был построен нарочно и был он очень тесен». Стоял «... в близком расстоянии от церкви, с северной стороны, рядом стояла караульня московских приставов, все было окружено забором. Сгорел ли терем при пожаре погоста или разобран за ветхостью неизвестно»^[9].

От терема царицы Марфы уцелел один фундамент, «...складенный из больших булыжных камней, окруженный забором. Фундамент — квадратный, в окружности 264 сажени». К 1858 г. «внутри этого квадрата стояли две церкви».

От Москвы до Толвуя около 1200 верст. Дорог практически не было, летом добирались по воде, зимой налаживали санный путь, а в межсезонье сообщение было крайне затруднительным. На отдаленность погоста и понадеялся Борис Годунов. А главное, какой вред можно ждать от глупой бабы. В этом состояла роковая ошибка царя. Ксения была тихой лишь для вида. На самом деле по честолюбию, энергии и коварству она дала бы фору самой Марфе Посаднице. Кстати, именно она, а не Михаил, царствовала в Москве в 1613–1619 гг. до приезда Филарета.

В Толвуй Марфа прибыла в сентябре или октябре 1601 г. Она имела большую свободу передвижения и посещала не только местные церкви, но и ездила к Спасу на остров Киж, в Сенную Губу и за Онего-озеро в Челмужу. Сохранилось предание, что в Челмуже ее угостили сигом, который позже стал ее любимым рыбным блюдом. Скромной инокине удалось вывезти в Толвуй много денег и драгоценностей. Она пожертвовала большой вклад в обе местные церкви и тем расположила к себе духовенство.

Увы, благотворительность не стала единственным занятием Марфы. Она создала в Обонежской пятине целую систему фельдсвязи. Нет, я не шучу. Ее возглавили толвуйский поп Ермолай Герасимов и его сын Исаак. Главными агентами стали толвуйские крестьяне братья Гаврила и Клим Бледуновы с отцом Еремой, Поздей, Томило и Степан Тарутины и другие.

Всего около 20 человек.

Местный поп и завербованные крестьяне имели лошадей и лодки, и, как и все местные жители, пользовались полной свободой перемещения по обширному полупустынный краю. Два пристава, отряженные боярской думой следить за Марфой, беспробудно пьянствовали. Ксения Шестова еще в Москве хорошо владела грамотой, а ее муж Федор Никитич (Филарет) позже получил славу лучшего в России шифровальщика. Он лично разработал несколько хитрых шифров^[10].

Куда же шли письма из Толвуя? В 1614 г., когда «агентура» получила большие награды, Марфа объявила: «При Борисе Годунове, при его самохотной державе, злокозненным его умыслом, мать наша Великая Государыня старица инока Марфа Ивановна была сослана в Новгородский уезд, в Обонежскую пятину, в Егорьевский погост, в заточение, и тот поп Ермолай, памятуя Бога и свою душу и житие православного христианства, матери нашей Великой Государыне иноке Марфе Ивановне непоколебимым своим умом и твердостью разума служил и прямил и доброхотствовал во всем и про отца нашего здоровье проведывал. И матери нашей Великой Государыне старице Марфе Ивановне обещал и в таких великих скорбях в напрасном заточении во всем вспомогал». Остальным агентам были даны отдельные грамоты с примерно таким же содержанием.

Поневоле возникает риторический вопрос: чтобы «проведать о здоровье» мужа, сколько нужно гонцов — один или двадцать? Ну, послал поп Ермолай сына Исаака в Антониев-Сийский монастырь. Узнал Исаак о здоровье, передал весточку, вернулся с ответом. Радуйся, опальная монашка, и сиди — помалкивай, чтобы никто приставам не донес. Кстати, и пробыла Марфа в Толвуе всего-то около двух лет.

Нет, агентурная сеть была создана совсем не для этого. «Фельдсвязь» была установлена не только с Антониево-Сийским монастырем, но и с Костромой, и с Москвой.

Судя по всему, именно Марфа на первых порах руководила «самозванческой интригой». Кому как, ни ей могла прийти в голову идея использовать в качестве самозванца Юшку Отрепьева — ее родню. Пафнутия же Ксения Шестова не могла не знать еще в бытность его в Троицком Павло-Оборском монастыре. Да и с Пафнутием — архимандритом Чудова монастыря — она не могла не встречаться как на официальных церемониях, так и в романовских теремах в Москве. Итак, все сходится.

Впрочем, не исключено и участие в заговоре, причем на самой ранней стадии, и поляков. Под большим подозрением оказывается канцлер и

великий гетман литовский Лев Сапега. Первый раз он приезжал послом в Москву еще в царствование Федора Иоанновича. Еще тогда он писал гетману Кристофу Радзивиллу, что разные его информаторы сходятся в одном: большая часть думных бояр и воевод стоит за Романова, меньшие чины, особенно стрельцы и чернь, поддерживают Годунова. Второй раз Лев Сапега прибыл в Москву 16 октября 1600 г. и уехал почти через год, в августе 1601 г. Через десять дней после приезда Сапега и другие члены посольства были свидетелями ночного штурма царскими стрельцами романовского подворья. В посольском дневнике, а также в донесении королю Сигизмунду Сапега и его товарищи весьма положительно отзываются о братьях Никитичах, называя их «кровными родственниками умершего великого князя». (Ляхи не признавали царский титул Федора).

Сапега уехал из Москвы крайне озлобленным на царя Бориса. Позже в Вильне Сапега перед русскими послами, приехавшими на ратификацию, говорил королю Сигизмунду: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слышали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирье нет, а на докончанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился». То есть Сапега начал торговаться, мы, мол, признаем Бориса царем, а вы, мол, признайте Сигизмунда шведским королем. На что московские послы резонно отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало... Нам лишь ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл). Теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего».

Это был страшный удар по самолюбию короля и королевского посла. После прибытия Гришки Отрепьева в Польшу Лев Сапега стал одним из наиболее активных его покровителей. Таким образом, есть большая вероятность того, что Сапега стал соучастником заговора Пафнутия и романовской клиентуры. Об этом предположительно писал церковный историк Д. Лавров: «В это время польским послом в Москве был Лев

Сапега, и Отрепьев, состоя при патриархе, мог войти в сношение с ним и убедиться, что в Польше можно найти себе поддержку»^[11]. То же утверждает в 1996 г. и Д. Евдокимов^[12].

Наличие треугольника Пафнутий — Романовы — Сапега сразу же снимает все загадки и противоречия в истории самозванческой интриги.

Глава 4. В игру вступают ясновельможные паны

Итак, Марфа, Филарет и Пафнутий придумали самозванческую интригу. Но как материализовать ее? Русский народ, вопреки мнению позднейших романистов и историков, напрочь забыл об угличской драме. И явление самозванца в любом русском городе не только не приведет к бунту, но и будет мгновенно пресечено. И тут сработал естественный рефлекс отечественного заговорщика всех времен — «заграница нам поможет».

Правда, в большинстве случаев от «заграницы» проку было мало. Не помогла они ни Святополку Окаянному, ни Колчаку с Деникиным и Врангелем, ни старгородскому «Союзу меча и орала», да и нынешним «демократам» не очень-то помогает.

Не стал бы исключением и чернец Григорий, если бы он бежал бы не на запад, а на север к шведам или на юг к турецкому султану или персидскому шаху. В любом случае он стал бы лишь мелкой разменной монетой в политической игре правителей означенных стран. В худшем случае Отрепьев был бы выдан Годунову и кончил жизнь в Москве на колу, в лучшем — жил бы припеваючи во дворце или замке под крепким караулом и периодически вытаскивался бы на свет божий, дабы немного пошантажировать москвитов.

Но Гришке сказочно повезло — он попал на большую воровскую «малину» («яму»). Называлась эта «малина» Речью Посполитой, а местные авторитеты (воры в законе) — ясновельможными панами.

Юрий Мнишек. Гравюра Л. Килиана

В Речи Посполитой монархия была выборной, а власть короля — номинальной. Увы, подробный рассказ о ситуации в Польше выходит за рамки нашей темы, а интересующихся читателей я отсылаю к своим более ранним работам^[13].

Здесь же отмечу, что польские магнаты фактически были независимыми государями в своих владениях. Они создавали частные армии, зачастую более мощные, нежели королевское войско (без ополчения). Паны могли годами воевать с соседними государствами притом, что у короля с оным государством был «вечный» мир. Так, семейство Вишневецких с 1590 г. по 1603 г. воевало с Россией за города Прилуцк и Сиетино.

После целого ряда приключений Гришка Отрепьев попал под «опеку» прожженного жулика сандомирского воеводы Юрия Мнишека. В ходе ряда авантур в 50–60-х годах XVI века пан Юрий сказочно разбогател, но к 1603 г. он разорился и был вынужден продать часть владений и вернуть часть долгов на сумму 28 тысяч злотых.

Чтобы выйти из затруднительного положения, Мнишек нашел одно лишь средство — выгодно выдать замуж своих дочерей. Он не давал за ними приданого, но, тем не менее, находил им богатых и покладистых мужей. Его старшая дочь Урсула вышла замуж за старосту Кременецкого Константина Константиновича Вишневецкого, вполне способного поддержать своего бедствующего тестя.

В 1603 г. младшей дочери Юрия Мнишека Марине исполнилось 18 лет. О ее жизни до встречи с самозванцем нам ничего неизвестно, за исключением того, что она приняла первое причастие в Самборском монастыре бернардинцев.

Вопреки легендам, Марина не была красавицей. Польский историк Казимир Валишевский писал: «Марина была похожа на воеводу [отца]: тот же высокий лоб, ястребиный нос и острый подбородок; но тонкий рот и плотно сжатые губы, которые были как будто созданы не для приманки поцелуев, неприятно дополняли сходные черты. И только довольно красивые, продолговатые, словно миндалины, глаза и грациозно выгнутые брови несколько смягчали это сухое, черствое лицо»^[14]. Вдобавок Марина была тщедушна, ее рост составлял где-то 153–155 см.

Марина Мнишек. Неизвестный польский художник. XVII век

Внешность, плюс долги, а главное, репутация отца не позволяют нам думать, что Марина:

«...у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала».

(А. С. Пушкин. «Борис Годунов»)

Мнишек был готов сплавить дочь кому угодно. И вдруг произошло событие, которое круто изменило не только жизнь кланов Мнишеков, но и всю историю польско-русских отношений.

Само собой разумеется, старый жулик не мог упустить случая сделать свою дочь московской царицей.

Самозванец прекрасно понимал, что он него хотят. Он тайно принимает католичество и подписывает четыре договора: один — с королем Сигизмундом III и три — с Юрием Мнишеком о выплате

огромных сумм и передаче десятков русских городов полякам. Как писал историк Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украинах...»^[15]. Цитата приведена умышленно, дабы автора не заподозрили в предвзятости. Первоначально местом сбора частной армии Мнишека был Самбор, но затем ее передислоцировали в окрестности Львова. Естественно, что это «рыцарство» начало грабить Львовских обывателей, несколько горожан было убито. В Краков из Львова посыпались жалобы на бесчинства «рыцарства». Но король Сигизмунд вел двойную игру, и пока воинство Мнишека оставалось во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Любопытно, что польские историки оправдывают поход этого сброда на Москву. Тот же Казимир Валишевский писал: «В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился еще в европейских нравах, и частный почин если и не получал более или менее официальной поддержки заинтересованных правительств, всегда пользовался широкой снисходительностью»^[16].

Смутное время. Худ. С. Иванов

К моменту перехода русской границы в армии Мнишека было 1000–1100 польских гусар, сведенных в роты по 200 сабель в каждой, 400–500 человек польской пехоты, от 2000 до 3000 казаков и до 200 «москалей», то есть беглых русских.

13 октября 1604 г. войско самозванца переправилось за Днепр и стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастырскому острогу.

Пока мы говорили лишь о действиях самозванца и поляков. А как реагировал на это царь Борис? Начнем с того, что царь при первых же известиях о самозванце сразу установил личность самозванца и инициаторов авантюры. Немедленно к русским воеводам в пограничные городки и на сопредельные территории польским магнатам были посланы грамоты, извещающие о побеге инока Григория (в миру Юшки Отрепьева) и его самозванстве. Другой вопрос, что грамоты были составлены безграмотно, и давали возможность сторонникам Лжедмитрия оспаривать их содержание.

На Боярской думе царь прямо объявил, что подставка самозванца — это дело рук бояр. Эта фраза стала хрестоматийной и кочует из одной книги в другую, но, увы, пока никто из историков не попытался выяснить, кого

конкретно имел в виду Борис. В целях пропаганды царю было выгодно объявить Лжедмитрия ставленником польских панов или иезуитов. Ведь и те, и другие ему помогали, и действовал самозванец в их интересах. «Внешнее» происхождение самозванца было на руку московским властям, с учетом неприязни русского народа к полякам и иноземцам вообще.

Однако Борис выбирает самый невыгодный в пропагандистском плане вариант — своим недругам внутри и вне страны он показывает, что измена проникла в высшие эшелоны власти. Значит, Борис знает, о чем говорит, и знает поименно устроителей смуты. Во все времена и во всех странах за такими обвинениями следовали репрессии. Но никаких репрессий на бояр и князей не последовало. Ни жестоких — с виселицами, колесами и колами, ни мягких — ссылок в деревню, отстранения от должности или лишения чинов.

Как же так? Знать тех, кто предал царя, предал государство, навел на страну ляхов, и оставлять их на руководящих постах? Тут могло быть лишь два варианта — или царь Борис сошел с ума или бояре — организаторы самозванческой интриги, уже не играли никакой роли в управлении государством. Тогда ими могли быть только Романовы с родственниками. Они и так были наказаны. Большинство братьев Никитичей умерло в ссылке, а старший брат уже давно не был Федором Никитичем, а был иноком Филаретом. Правда, Иван Грозный вытаскивал из монастырей и казнил многих вельмож, принявших постриг. Но Борис был умнее и прекрасно понимал, что, скажем, четвертование, Филарета ничего уже не исправит, но сильно повредит престижу царя в глазах народа. Поэтому Борис и не стал уточнять, кто именно затеял дело с самозванцем. Бояре же, надо думать, правильно поняли Годунова, и не стали задавать глупых вопросов. Расставим точки над «i» — в конце 1604 г. большинство бояр не любило Бориса, но, с другой стороны, в Москве не было бояр, любивших Романовых и желавших их возвращения.

Наши историки до сих пор не могут толком ответить на вопрос — почему беглый монах с четырьмя-пятью тысячами разношерстного войска мог успешно воевать с лучшими воеводами и огромными ратями Московского государства? Болтовня о том, что народ де не любил царя Бориса, не мог простить ему отмены Юрьева дня, надеялся на доброго царя Дмитрия и т. д., право, несерьезна. Она годна лишь для сентиментальных девиц, да интеллигентов-образованцев, охотно распевающих: «... кавалергарда век недолог...», но не представляющих, чем кавалергард отличается, к примеру, от гусара. На самом деле никого из народа, то есть крестьян, посадских и т. п., кого современные историки понимают под

народом, ни в войске самозванца, ни у царских воевод не было. И там, и там воевали профессионалы — дворяне, боевые холопы, стрельцы, гусары, казаки и др.

Династию Годуновых погубила недооценка противника и полнейшая безграмотность в стратегии войны, как царя, так и его воевод.

Посмотрим на карту. Кратчайший путь из Польши в Москву лежит через Смоленск, Вязьму и Можайск. Ареной всех предшествующих русско-польских войн традиционно была смоленская земля. По этому маршруту в 1609 г. двинулся на Русь король Сигизмунд, в 1610 г. — Жолкевский, в 1611 г. — Ходкевич, в 1618 г. — королевич Владислав, а в 1812 г. — Наполеон.

Однако в 1604 г. Лжедмитрий и Юрий Мнишек пошли кружным путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300–350 километров южнее, чем это обычно делали завоеватели, шедшие с запада на Москву. Сделано это было не случайно. На берегах Десны и Сейма еще со времен Ивана III строились многочисленные крепости и остроги, предназначенные для защиты южного «подбрюшья»

России как от поляков, так и от крымских татар. Естественно, что сидеть в маленьких гарнизонах было скучно, шансов на чины и награды было мало. Туда отправляли опальных и проштрафившихся дворян и стрельцов. Дисциплина в крепостях и острогах была низкая, жалованья на жизнь не хватало, и служилые люди часто промышляли разбоем.

В XIX веке в районах засечных линий XVI–XVII веков возникали курьезные ситуации. Вот, к примеру, приговорят местные власти крестьянина-однодворца к наказанию плетьюми, а тут бежит его жена и машет какой-то древней грамотой. Тут и выясняется, что сей мужик — прямой Рюрикович или Гедиминович, и пороть его никак нельзя. Замечу, что тут нет ничего удивительного. Молодой княжич в чине рынды мог быть в украинном^[17] городе сотником. А через два года его вызывали в Москву, производили в стольники и оставляли при дворе или отравляли в небольшой город воеводой. Но, увы, частенько княжича и забывали: умер влиятельный отец или дядя, или весь род в опалу попал. И вот сотник на всю жизнь застревает в украинном городе, женится на дочке сотника, а то и простого стрельца. И пошло-поехало, и после ликвидации крепости в XVIII веке потомки княжича становятся обывателями или крестьянами-однодворцами.

Появление же царевича Дмитрия для большей части служилых было манной небесной. А серьезно, каким другим способом они могли получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые

татары и не менее злые ляхи и переселиться в хоромы в Москве?

Находясь в четырехугольнике Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, самозванец мог спокойно проигрывать сражения, нести сколь угодно большие потери и... продолжать войну до бесконечности. Ведь оружие и порох Лжедмитрий свободно получал из Польши, оттуда же шли толпы грабителей-шляхтичей. С Дона и Днепра к Лжедмитрию шли казаки. Наконец, в упомянутом четырехугольнике хватало и русских служилых.

Русскому командованию вести борьбу с самозванцем в четырехугольнике было бесперспективно. Но не будем корить Бориса Годунова за невежество в военной стратегии, когда подобные глупости совершали и наши военачальники XIX–XX веков. Наши политики до сих пор не способны понять, что не всегда ответный удар целесообразно наносить в том же месте и теми же средствами, что и агрессор. Во многих случаях куда эффективней нанесение асимметричного контрудара.

Подобная возможность была и у Годунова. В феврале 1605 г. герцог Карл Зюдерманландский (правитель Швеции, с марта 1607 г. — король Карл IX) предложил царю Борису наступательный союз против Польши. Годунову надо было опередить герцога Зюдерманландского и заключить со Швецией союз еще в 1604 г. При этом ни под каким видом не следовало пускать шведские войска в Россию, как это сделал позже Василий Шуйский. Шведы давно зарились на Лифляндию, Курляндию и другие земли, принадлежавшие Речи Посполитой. И для наступления туда у шведов был превосходный плацдарм в Эстляндии. Кроме того, шведы имели сильный флот, который мог произвести десант в любой точке польского побережья. Царь Борис же, выставив небольшой заслон против Лжедмитрия, мог бы с основными силами идти из Смоленска на Оршу, Минск, Гродно и далее... Разгром Польши был бы неизбежен. Минусом этого предприятия было бы серьезное усиление шведского королевства, что было бы нежелательно, но вполне терпимо, так как шведы никогда не собирались идти на Москву, да и Швеция, став протестантской страной, из орудия папской экспансии на Восток давно уже превратилась в непримиримого врага католицизма. Плюсом было бы приобретение пограничных земель Речи Посполитой, заселенных русскими православными людьми. А голова Отрепьева стала бы мелкой разменной монетой в переговорах победителей и побежденных.

И это не фантазии автора, а объективная реалья. Вторжение поляков в Россию и глупость Бориса отсрочили польско-шведскую войну до 1621 г.

13 апреля 1605 г. в три часа пополудни царь Борис закончил трапезу и поднялся из-за стола. Внезапно у него хлынула кровь изо рта, ушей и носа.

После двухчасовой агонии царь скончался. По обычаю его постригли в монахи под именем Боголепа.

Судя по всему, царь умер от апоплексического удара. Но среди современников распространились слухи об убийстве или самоубийстве Годунова. Исключить вероятность отравления царя нельзя, хотя тут напрашивается естественный вопрос — кто это сделал. Если бы умер кто-нибудь другой, то тогда, разумеется, отравителем объявили бы царя Бориса. Тут же никто из современников и позднейших историков не приводит имен подозреваемых. Версию самоубийства следует исключить. Борис всю жизнь трогательно заботился о своей семье. Неужели он мог решить оставить ее на произвол судьбы в столь сложный момент? Заметим, момент был сложный, но не критический. Если бы Борис выздоровел, то война с самозванцем затянулась бы на неопределенный срок.

О смерти царя Бориса бояре объявили народу лишь на следующий день и немедленно начали приводить жителей к присяге. Текст присяги достаточно любопытен: «Государыне своей царице и великой княгине Марье Григорьевне всея Руси, и ее детям, государю царю Федору Борисовичу и государыне царевне Ксении Борисовне». Форма присяги была та же самая, что и царю Борису: повторено обязательство не хотеть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И к вору, который называется князем Димитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылаться ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по свое мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Димитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть».

Из самого текста присяги видно, насколько непрочно было положение новой династии. На всякий случай первой помянута царица Марья Григорьевна, хотя царевичу Федору было уже 18 лет. Современники писали о Федоре, что он хотя «был молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». Однако царю Федору Борисовичу явно не хватало решительности. Корону и жизнь можно было спасти, окажись на его месте восемнадцатилетний Александр Невский или Петр I.

Присяга новому царю в Москве прошла спокойно. Также без затруднений присягнули в Новгороде, Пскове, северных городах, Поволжье и Сибири, то есть везде, кроме района театра военных действий. Однако чувствовалось, что московская знать не намерена поддерживать Федора.

Главной надеждой царя Федора стал талантливый воевода Басманов.

Назначение его в большой полк вызвало негодование родовой знати. Второй воевода полка правой руки князь М. Ф. Кашин-Оболенский отказался подчиняться приказу царя Федора, он «бил чалом на Петра Басманова в отечестве и на съезд не ездил и списков не взял».

Поначалу войско дружно присягнуло царю Федору Борисовичу, но вскоре Катырев и Басманов потеряли управление над армией. Воеводы Василий и Иван Васильевичи Голицыны отказались подчиняться им и начали агитацию в пользу самозванца.

7 мая в лагере правительственных войск под Кромами вспыхнул мятеж. На помощь мятежникам подошли войска самозванца. Некоторое число дворян и простых ратников бежало в Москву, остальные присягнули самозванцу.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и разбил лагерь в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы самозванца дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в сопровождении казаков проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту самозванца, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Дмитрия Шуйских и других, окольных и граждан московских. Лжедмитрий напоминал в ней о присяге, данной его отцу, Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопределенных выражениях), прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты».

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Димитрия в Угличе? Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты, толпа ворвалась туда и захватила царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, будучи боярином. К дому был приставлен крепкий караул.

Во время пребывания в Польше и северских городах России Лжедмитрий ни разу не упомянул о своей матери Марии Нагой, заточенной в Горицком Воскресенском женском монастыре под именем инокини

Марфы. Теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал о ненависти инокини Марфы к Годуновым и поэтому рассчитывал на ее признание.

Самозванец велел разыскать Нагих или их родственников. Нашли лишь отдаленного родственника Марии Нагой дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в постельничии, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с эскортом был экстренно направлен в Горицкий монастырь.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа признала сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной или утопленной по дороге. В Горицком монастыре хорошо помнили судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного.

Присяга на имя вдовы Грозного была рассчитана на эмоции малограмотных людей. Как могла царствовать монахиня, даже если она и была 20 лет назад седьмой женой царя Ивана?

Из текста присяги самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты добывать ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и т. д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Димитрием Углицким, в текст присяги вводился новый пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федкой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Самозванцу было неудобно являться в Москву, пока там находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лжедмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним судилище и приписав ему чудовищные преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, так за что же их казнить?

Однако время поджимало, и самозванцу пришлось пойти на мерзкое с точки зрения морали и глупое в политическом отношении убийство. В Москву была послана специальная карательная комиссия в составе князя В. В. Голицына, члена путивльской «воровской» думы В. М. Мосальского и дьяка Б. Сутупова. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

Прибыв в столицу, комиссия немедленно начала чинить расправу над

противниками самозванца. Начали с патриарха Иова — его принудительно лишили сана патриарха и сослали в Старицкий Успенский монастырь.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданное от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В. В. Голицыным и отряд стрельцов. Голицын, Мосальский, дворяне Молчанов и Шерефединов и несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Через несколько минут на крыльцо вышел Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что Голицыну никто их москвичей не поверил. Но утверждать, что народ оцепенел от ужаса, узнав о преступлении, и впал в безмолвие, нет никаких оснований. История — не драматический театр. Большинство населения восприняло убийство царской семьи как должное или отнеслось к нему безразлично.

Что касается дочери Годунова Ксении, то ее, видимо, не додушили. Князь Мосальский взял ее к себе в дом, и некоторое время держал взаперти, а затем отдал самозванцу «для потехи».

Глава 5. Торжество Лжедмитрия I

20 июня 1605 г. Гришка Отрепьев торжественно въехал в Кремль. Там он по старинному обычаю пошел по соборам, слушал молебны. Во время молебнов поляки сидели на лошадях, трубили в трубы и били в бубны, и это не понравилось москвичам.

Вопреки легендам, никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и сказал несколько слов, которых от него все ждали. Обливаясь слезами, Лжедмитрий припал к гробу Ивана Грозного и громко объявил, что «отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор».

Обойдя соборы, Лжедмитрий направился в тронный зал и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли строем с развернутыми знаменами под окнами дворца.

Собравшиеся по требованию Димитрия в Успенском соборе Кремля иерархи православной церкви единогласно избрали патриархом рязанского архиепископа Игнатия, грека, бывшего раньше архиепископом на Кипре и пришедшего в Россию в царствование Федора Иоанновича. Игнатий был первым русским иерархом, признавшим самозванца. Игнатий был также единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного царя».

24 июня Игнатия возвели в патриархи. Обратим внимание на даты. Царь повелел собрать собор 21 июня, а через три дня патриарх был избран. Надо ли говорить, что этот «собор» представлял не русскую православную церковь, а иерархов Москвы и ее окрестностей.

Лжедмитрий I. Неизвестный польский художник. XVII век

Новый патриарх разослал по всем областям грамоты с известием о восшествии Димитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению, причем предписывал молиться за царя и за царицу-мать и, чтобы «возвысил господь бог их царскую десницу над латинством и бусурманством».

Говоря о церковной политике царя Димитрия, стоит заметить, что он немедленно вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия и сделал его митрополитом Крутицким и Сарским, вторым лицом после патриарха в церковной иерархии. Так Гришка отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато поставленный Борисом архимандрит Чудова монастыря был отправлен в ссылку.

Бесследно исчезли также несколько иноков Чудова монастыря. Понятно, что имена их всех и судьбу установить сейчас невозможно. Но уже знакомый нам монах Никодим, постриженный в Чудовом монастыре в октябре 1595 г., сразу же бежал из монастыря. Монах бежал через непроходимые леса на север — в Богоявленский монастырь, что стоял в 11 верстах от города Онеги и прозывался Кожеезерским (в современном произношении — Кожеозерским). Странное название этого монастыря объяснялось тем, что он стоял на берегу озера, очертания которого

напоминали расстеленную шкуру (или, как говорили тогда, «кожу»).

Что заставило старца бежать? Ведь он был любимцем Пафнутия, но не бежал, когда царь Борис сместил и сослал его покровителя. А вот теперь, когда Пафнутий стал вторым лицом в церковной иерархии, ударился в бега. Ответ может быть один — он узнал в царевиче инока Григория и решил спасти свою жизнь.

Рассказывая об успехах самозванца, мы позабыли о родичах нашего главного героя — Романовых. Мы оставили монаха Филарета (Федора Никитича Романова) в Антониево-Сийском монастыре. Там за Филаретом наблюдал пристав Богдан Воейков, который регулярно слал в Москву отчеты о поведении опального инока.

Филарет вел себя довольно тихо, конфликты с приставом Воейковым носили мелкий, чисто бытовой характер. Так, Филарет говорил приставу: «Не годится со мною в келье жить малому. Чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». На что Воейков писал в своем донесении царю Борису:

Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взяли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: «Отнюдь со мною старец ничего не говорит». Если малому вперед жить в келье у твоего государева изменника, то нам от него ничего не слышать. А малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: «Бояре мне великие недруги. Они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды». Да он же про твоих бояр про всех говорил: «Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного. Один у них разумен Богдан Вельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж». Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: «Со мною ничего не разговаривает. Только когда жену вспоминает и детей, то говорит: „Малые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай она туда завезена,

куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает. Много они мне мешают: дай господи слышать, чтобы их ранее бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою. А братья уже все, дал бог, на своих ногах“».

На это донесение царь Борис отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было. Если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и прихожих людей ни о чем не разговаривал. Малому у него в келье быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходить молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался».

В итоге из кельи Филарета «малого» вытурили, а вместо него поселили старца Иринарха, чтобы тот приглядывал за ссыльным. Надо ли говорить, что новый сосед-старец не понравился Филарету, и, видимо, от некоторых утех с «малым» пришлось отказаться. Тем не менее, вел себя Филарет тихо и богобоязненно.

Но вот до Антониево-Сийского монастыря дошли слухи о походе Лжедмитрия на Москву, и смиренный инок Филарет буквально начинает скакать от радости.

В начале 1605 г. пристав Воейков шлет несколько доносов в Москву о бесчинствах Филарета, и жалобы на игумена монастыря Иону, который смотрит на них сквозь пальцы.

В марте 1605 г. царь Борис делает игумену Ионе строгое внушение: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Иринарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Иринарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел. А живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду!“ Нынешним великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в

церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал...»

Далее Борис требовал, чтобы Иона укрепил ограду вокруг монастыря и ни под каким видом не допускал контактов Филарета с посторонними людьми.

Обратим внимание на фразу Филарета: «Увидите, каков я вперед буду!» Кем же видит себя смиренный монах — царем или патриархом? Да и откуда такая спесь взялась? Ну, допустим, услышал он об успехах самозванца, так что же из того? Ну, придет Лжедмитрий, какой-нибудь Стенька или Емелька, и станет бояр вешать да топить, не вникая в их свары и обиды. Тут Филарет выдает себя с головой. Он прекрасно знает, что идет на Москву не просто его бывший холоп Юшка, а его «изделие». Другой вопрос, что он недооценивает польское влияние. У его «изделия» теперь совсем другие кукловоды.

Фразу «Увидите, каков я вперед буду» цитируют в своих трудах все наши историки от Соловьева до Скрынникова и...оставляют ее без комментариев. Один Валишевский (поляк, не боится задеть гордость великороссов) заметил по сему поводу: «В этом заключаются важные указания, которым не хватает, может быть, только подтверждения некоторых уничтоженных или слишком хорошо спрятанных документов. И, если они не подверглись уничтожению, без сомнения, уже недалек тот день, когда не побоятся их обнародовать».

Увы, большевики, придя к власти, начали за здоровье — приступили к опубликованию секретных царских договоров времен Николая II, предали гласности довольно много документов, касавшихся революционного движения и репрессий властей. Но позже курс сменился, и до сих пор масса документов XVI–XVII веков лежит в секретных хранилищах.

В начале июля 1605 г. в Антониев-Сийский монастырь прибыли посланцы самозванца и с торжеством повезли Филарета в Москву.

30 июля Димитрий короновался. По обычаю после коронации приближенных царя ожидали награды. Естественно, прежде всего были награждены поляки и верные самозванцу русские худородные дворяне типа Басманова. Кое-что получили и бояре. Федор Мстиславский получил вотчину в Веневе, прощенный Василий Шуйский — волость Чаронду, Богдану Вельскому вернули все его старые вотчины, конфискованные Борисом Годуновым.

Особое внимание самозванец уделил своим «родственникам». Так,

Михаил Нагой получил боярство, чин конюшего и большие подмосковные вотчины Годуновых. Но больше всех получили Романовы. Скромный инок Филарет возведен в сан ростовского митрополита. А прежний ростовский митрополит Кирилл Завидов был без объяснения причин попросту согнан с кафедры. Причем, нет никаких сведений, что Кирилл мог чем-то прогневать самозванца. За что же такая милость простому монаху? За то, что он с начала 1605 г. перестал вообще ходить на службы? Неужто за познания в ловчих птицах и собаках?

Димитрий дал самую высшую церковную должность Филарету. Сделать монаха сразу патриархом было бы слишком, да и на том месте уже сидел послушный Игнатий. А крутицким митрополитом был, как мы уже знаем, старый знакомый Гришки Пафнутий.

Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Не был обойден и единственный сын Филарета — девятилетний Миша Романов стал стольником. Замечу, что возведение даже двадцатилетнего князя Рюриковича в чин стольника на Руси было событием экстраординарным.

Даже тела умерших в ссылке Никитичей по царскому указу были выкопаны, доставлены в Москву и торжественно перезахоронены в Новоспасском монастыре.

Многие наши историки утверждают, что Лжедмитрий пожаловал Романовых как своих родственников, чтобы таким образом подтвердить свою легитимность. Такой взгляд не выдерживает критики. Ну, во-первых, настоящему Димитрию Романовы и родственниками не были. Попробуйте в русском языке найти степень родства Федора Никитича и Димитрия Ивановича! Мало того, именно царь Федор, сын Анастасии Романовой, упрятал Димитрия со всей родней в ссылку в Углич, а бояре Романовы во главе с Федором Никитичем с большим усердием помогали царю. Да и не в этом дело. Зачем самозванцу лишний раз напоминать народу, что есть живые родственники царя Федора, которые за неимением лучшего могут стать претендентами на престол. Увы, на этот вопрос ни один наш историк дать ответа не может.

Мало того. Зачем давать Романовым власть и вотчины? Неужели самозванец так глуп, что думает, что гордый и честолюбивый Федор Никитич станет его верным холопом? А ведь чины и вотчины могли так пригодиться польским и русским сторонникам Лжедмитрия. Вот они бы и стали навсегда преданными холопами царя Димитрия I.

Наконец, чем черт не шутит, ведь Романовы могли и опознать Юшку Отрепьева, который пять лет назад жил у них на подворье.

Из всего этого можно сделать лишь один логичный вывод — бояре Романовы были в сговоре с заговорщиками церковными, главой которых предположительно был Пафнутий. Теперь Отрепьеву пришлось платить по счетам. Был ли удовлетворен наградами честолюбец Федор Никитич? Конечно, нет, но качать права было рано. Пока Романовы рассматривали полученные чины, вотчины и другие блага как промежуточную ступеньку для дальнейшего подъема вверх. Теперь Федору и Ивану Никитичам казалось, что еще чуть-чуть, и московский трон станет собственностью их семейства.

8 мая 1606 г. состоялось торжественное венчание царя Дмитрия и Марины Мнишек. Замечу, что в коронации Марины и свадьбе принимали участие, соответственно своему чину, ростовский митрополит Филарет, боярин Иван Никитич Романов и юный стольник Миша Романов. Впоследствии сей факт старательно замалчивался царскими историками. Мало того, на соборе 1620 года патриарх Филарет публично клеймил патриарха Игнатия за отступление от православных обрядов при причащении и коронации католички, но ни словом не обмолвился об участии в этих процедурах митрополита Филарета.

Сразу после приезда Марины Василий Шуйский организывает настоящий заговор. Во главе заговора становятся он сам, Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. К ним присоединяется и крутицкий митрополит Пафнутий.

Последние минуты жизни Лжедмитрия Первого. Худ. К. Вёниг. 1879 г.

Для сохранения единства, необходимого в таком деле, бояре решили первым делом убить расстригу, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». К заговорщикам примкнуло несколько десятков московских дворян и купцов.

В светлую ночь с 16 на 17 мая 1606 г. бояре-заговорщики впустили в город около тысячи новгородских дворян и боевых холопов. На подворье Шуйских собралось около двухсот вооруженных москвичей, в основном дворян. С подворья они направились на Красную площадь. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на

Новгородском дворе, и разом заговорили все московские колокола. Толпы народа, вооруженные чем попало, хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот бояр и дворян в полном вооружении.

Дворяне-заговорщики объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». Толпа бросилась громить дворы, где жили поляки. Между тем Шуйский во главе двух сотен всадников въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой — меч. Остальное достаточно хорошо известно: самозванец был убит, а Марине удалось спастись. Последнее было сделано с помощью бояр-заговорщиков.

Глава 6. Кто привел панов в Москву?

19 июля 1610 г. в Москве произошел государственный переворот. Группа бояр и дворян свергла царя Василия. Шуйский был насильственно пострижен в монахи.

Еще 17 июля Захар Ляпунов и группа дворян стали требовать «князя Василия Васильевича Голицына на государстве поставить». Тут впервые всплыли Романовы и предложили возвести на престол четырнадцатилетнего Михаила Федоровича, сына Филарета. Однако большинство бояр не устраивал ни тот, ни другой. В конце концов, Боярская дума постановила отменить выборы царя до сбора в Москве представителей «всей земли».

По старой традиции Боярская дума создала нечто типа политбюро для управления страной. В его состав вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Обратим внимание: двое из семи новых правителей России принадлежали к роду Романовых. Речь идет об Иване Никитиче Романове и князе Борисе Михайловиче, женатом на Анастасии Никитичне Романовой. Замечу, что обоим пожаловал боярство Лжедмитрий I.

В народе это правительство прозвали «семибоярщиной». От населения потребовали даже принести особую присягу семибоярщине. В крестоприводной записи говорилось: «Все люди били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам бог даст государя».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых проблем целовали крест семибоярщине. В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами вел агитацию в пользу Тушинского вора. Боярин Мстиславский заявил, что сам он не хочет быть царем, но также не хочет видеть царем кого-либо из бояр, и что надо избрать государя из царского рода. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому, чтобы тот немедленно шел к столице с королевскими войсками. Гетман 20 июля вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». К князю Мстиславскому «с товарищи» Жолкевский прислал грамоту с щедрыми обещаниями боярам. Мстиславскому «с товарищи» давно хотелось избавиться от царской власти — опал, казней,

изъятия вотчин, и жить подобно польским магнатам, эдакими полунезависимыми правителями в своих землях.

Лжедмитрий II — Тушинский вор

Польский король Сигизмунд III. Худ. П. П. Рубенс

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел Тушинский вор. Лжедмитрий II решил договориться с поляками и дать им отступное. «Вор» обещал сразу же по вступлении на престол заплатить королю 300 тысяч золотых, в королевскую казну в течение последующих десяти лет выплачивать ежегодно по 300 тысяч золотых, а королевичу Владиславу также в течение десяти лет ежегодно платить по 100 тысяч золотых.

Самозванец пообещал отвоевать у шведов всю Ливонию и передать ее Польше, а для войны со шведами выставить 15-тысячное войско. Что же до Северной земли, то Лжедмитрий пообещал лишь вести в дальнейшем об этом переговоры.

Послы самозванца первоначально приехали к Жолкевскому в Хорошево и объявили гетману о цели своего посольства к королю. Гетман уклонился от переговоров с ними, но разрешил ехать к Сигизмунду под Смоленск.

Между тем переписка Жолкевского с боярами переросла в прямые переговоры. Переговоры затянулись, главным препятствием стал вопрос о вере Владислава. Патриарх Гермоген сказал боярам свое мнение об избрании королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то я вас благословляю. Если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской вере, и да не будет на вас нашего благословения».

Во время переговоров с боярами Жолкевский получил новые королевские инструкции. Москва должна была разом присягнуть Сигизмунду и его сыну Владиславу. Таким образом, король хотел стать фактическим правителем России. Гетман скрыл от бояр содержание королевской инструкции и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства заставляли его спешить.

Гетман объявил боярам, что принимает только те условия, которые утверждены королем и на которых целовал крест Салтыков с товарищами под Смоленском. Все же остальные условия, предъявленные боярами в Москве, в том числе и то, что Владислав примет православие в Можайске, будут переданы на рассмотрение королю. Бояре согласились.

27 августа москвичи торжественно присягнули королевичу Владиславу. В двух богато убранных шатрах, поставленных на середине дороги между польским станом и Москвой, в первый день присягнуло десять тысяч человек. Жолкевский от имени Владислава присягнул в соблюдении условий договора. На следующий день люди присягали в Успенском соборе в присутствии патриарха Гермогена. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать королевичу Владиславу. Члены семибоярщины писали в этих грамотах, что, так как советные люди из разных городов не приехали на Земской собор, то Москва присягнула Владиславу на том, чтоб ему быть государем в православной вере греческого закона.

Гетману Жолкевскому с королевскими войсками удалось оттеснить от Москвы силы Тушинского вора, после чего гетман стал настаивать на

быстрейшей отправке послов к королю, что давало ему повод удалить из Москвы людей, способных стать претендентами на московский престол. Так, Жолкевскому удалось уговорить Василия Васильевича Голицына возглавить посольство. Гетман льстил ему, говоря, что такое важное дело должно быть совершено именно таким знаменитым человеком, как Голицын, и уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича.

Следующим наиболее вероятным кандидатом Жолкевский считал стольника Михаила Федоровича Романова, но тому было 14 лет, и по московским обычаям того времени Михаил никак не мог быть включен в посольство.

Тогда гетман постарался, чтобы духовенство в посольстве представлял его отец Филарет. Таким образом, Жолкевский получал двойную выгоду, удаляя из Москвы опытного интригана и главу клана Романовых, который в стане короля стал бы заложником на случай, если Михаила попытаются избрать на царство. Между московским и тушинским патриархами еще с 1606 г. установились напряженные отношения, и Гермоген с удовольствием включил Филарета в посольство.

Хотел ли ехать сам Филарет? Увы, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос. С момента отречения Шуйского от престола Филарет вел двойную игру. Внешне он был сторонником Владислава, а втихомолку пытался посадить на престол сына. Во всяком случае, и Филарет, и Михаил, как положено, целовали крест королевичу Владиславу, что дало повод через четверть века польскому королю Владиславу IV справляться у русских послов о здоровье «нашего подданного Михаила Романова».

Московская «семибоярщина», чувствуя непрочность своей власти, предложила Жолкевскому ввести войска в Москву. Как писал Р. Г. Скрынников, «инициативу приглашения наемных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов».

В ночь с 20 на 21 сентября польские войска тихо вошли в Москву. Часть поляков, вместе с Жолкевским, разместилась в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Чтобы обеспечить коммуникации с Польшей по приказу гетмана полки заняли города Можайск, Борисов и Верею.

Военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты и медали с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправлялись запросы по

политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т. п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписаны они были не Владиславом, а Сигизмундом. Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. И действительно, с начала 1611 г. в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Руси.

Первым из поляков, понявшим, что русский народ никогда не примет Сигизмунда, стал Жолкевский. Он шел в Москву, чтобы сделать русским царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его сын вырос бы русским человеком, и вполне вероятно, что шведская династия на сотни лет прижилась бы на Руси (Сигизмунд был этническим шведом, а не поляком). Но претензии Сигизмунда на московский трон заведомо обрекали семитысячный отряд поляков на гибель. Во всем польском войске это понимал лишь Жолкевский. Как мы уже знаем, буйные паны влезли в Москву вопреки воле гетмана. Теперь ему ничего не оставалось, как уехать.

В начале октября 1610 г. Жолкевский покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». По приказу короля Жолкевский взял с собой бывшего царя Василия и его братьев Дмитрия и Ивана Шуйских. Вместо себя Жолкевский оставил Александра Гонсевского, который незадолго до этого сам себя произвел в русские бояре.

11 декабря 1610 г. Тушинский вор отправился на охоту на зайцев. Его сопровождал шут Кошелев и татарская (касимовская) стража. Внезапно Петр Урусов ударил «царя» саблей и рассек ему лицо. Другой татарин отрубил «царю» голову. Шута татары пощадили, а сами отправились в степь в направлении Крыма, грабя все по дороге.

Кошелев прискакал в Калугу к «царице». Марина находилась на последних днях беременности. Тем не менее, она бегала по улицам и кричала о мщении. Но мстить было некому, убийцы были уже слишком далеко, зато казаки перебили две сотни касимовских татар, служивших самозванцу.

Вечером 11 декабря в Калугу привезли обезглавленное тело самозванца. Труп пролежал в холодной церкви более месяца, и народ ходил смотреть на него и на голову, лежащую рядом. Затем тело похоронили в Троицком соборе. В вещах Лжедмитрия II нашли талмуд, письма и

различные бумаги, написанные на еврейском языке. Это подтвердило давние толки о его происхождении.

Теперь воровское войско лишилось знамени. Тушинские бояре князь Григорий Шаховской и атаман Иван Заруцкий решили бежать из Калуги, но казаки удержали их силой. Через несколько дней Марина родила сына. По «деду» его называли Иваном. Казаки немедленно провозгласили его царем. Петр Сапега предложил Марине с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно отказалась. Марина хотела быть только московской царицей, или никем. За неимением нового «Димитрия» Марина затащила к себе в постель казака Заруцкого, который таким образом из пленника превратился в вождя тушинцев.

Смерть столь ничтожной личности, как Тушинский вор, имела огромное политическое значение. Теперь единственным реальным претендентом на московский престол был королевич Владислав. Однако его еще никто из русских в глаза не видел. Все грамоты от его имени писал отец. Король Сигизмунд не позволял Владиславу принять православие. Переговоры под Смоленском зашли в тупик. С гибелью Лжедмитрия II теряло всякий смысл пребывание королевских войск в России. Ведь король-то пришел, якобы, наводить порядок, и Жолкевского бояре звали в Москву, чтобы тот спас их от Тушинского вора. Теперь «вор» мертв, большая часть его воинства разбежалась. «Воренка» Ивана, лежащего в пленках, никто всерьез не принимал.

С момента гибели «вора» изменился характер войны в России. До этого шла гражданская война, в которую на первом этапе вмешались польские паны, а на втором — польский и шведский короли. На третьем же этапе война становится национально-освободительной, одной из важнейших составляющих которой была борьба православия против католицизма.

По словам современника, как только Москва узнала, что «вор» убит, русские люди обрадовались и стали между собой обсуждать, как бы всем объединиться против «литовских людей», чтобы выгнать их с земли Московской всех до одного, на чем крест целовали. В большинстве русских городов, как присягнувших Лжедмитрию II, так и присягнувших Владиславу, было безвластие. Из города в город шли грамоты, но теперь содержание их было иное. Раньше уговаривали друг друга не спешить присягать тому, кто называется Димитрием, ибо тушинцы грабят присягнувшие города. Теперь же города убеждали друг друга встать за православную веру и вооружиться против поляков. Первыми подали голос жители смоленских волостей, опустошенных поляками. Они написали

грамоту к остальным жителям Московского государства, называли их братьями, но братство это было не народное, не государственное, а религиозное: «Мы братья и сродники, потому что от святой купели святым крещением породились».

Результатом этого стал созыв первого и второго ополчений Прокопия Ляпунова и Дмитрия Пожарского.

Глава 7. Князь Дмитрий Пожарский

Прежде чем начать рассказ о Первом и Втором ополчениях, стоит рассказать о его руководителях Прокопии Петровиче Ляпунове и Дмитрие Михайловиче Пожарском. Это тем более важно, так как отечественные историки склонны исказить их образ, низводя их до рядовых представителей дворянства.

Дело в том, что до начала Смуты рязанские дворяне Ляпуновы были бедны, и это дало повод многим историкам зачислить их в худородный дворянский род.

На самом же деле Ляпуновы — природные Рюриковичи. Их род происходит от великого князя Ярослава Всеволодовича. Любопытно, что три его старших сына стали общерусскими святыми — Федор Новгородский, Александр Невский и Михаил Хоробрит^[18]. Младший же сын Ярослава Константин ничем не отличился и в святые не попал, а с 1238 г. по 1255 г. правил Галицко-Дмитровским княжеством. Сейчас Дмитров — это небольшой городок на канале им. Москвы, добираться до него от Москвы всего час на электричке. А современный Галич — это райцентр Костромской области в 121 км к северо-востоку от Костромы. Однако в XIII–XV вв. Галич не уступал, а то и превосходил по своему военно-политическому значению соседнюю Кострому.

Преемником Константина Ярославича стал его сын Давид. После смерти Давида в 1280 г. его княжество распалось на Дмитровское княжество, которое досталось сыну Давида Федору, и Галицкое княжество, доставшееся другому сыну Борису.

А далее сохранились летописные источники, противоречащие друг другу. По одной из версий последним галицким князем стал Дмитрий, сын Ивана Федоровича, то есть правнук Давида, а по другой — Дмитрий Борисович, внук Давида.

Так или иначе, но последний галицкий князь Дмитрий (то ли Иванович, то ли Борисович) стал в 1363 г. жертвой происков жадных московских бояр. Московскому князю Дмитрию Ивановичу в ту пору было 13 годков от роду, и за него правили бояре. Конечно, в те годы на Руси не было «тинейджеров». Двенадцатилетних княжон выдавали замуж, а 12–14-летние князья водили на врага рати. По суздальским летописям и по тевтонской рифмованной хронике выходит, что исход битвы на Чудском озере в 1242 г. решил четырнадцатилетний князь Андрей (а не Александр!)

Ярославич, командовавший «кованной суздальской ратью». Но князь Дмитрий был трусоват и слабоволен, за него и потом многое решали бояре и попы.

И вот обнаглевшие бояре, воспользовавшись «замятней» в Золотой Орде, где каждый год объявлялся новый хан, стали творить на Руси форменный беспредел. Только в 1363 г. они силой согнали с престола Дмитрия Галицкого и стародубского князя Ивана Федоровича. Любопытно, что тут разом пострадали предки двух героев Смутного времени — Прокопия Ляпунова и князя Дмитрия Пожарского (прямого потомка стародубских князей).

Дмитрий Галицкий и Иван Стародубский побежали за помощью к Дмитрию Константиновичу Суздальскому, который в 1363 г. получил ханский ярлык на Великое княжество Владимирское, но был выбит из Владимира московскими войсками. Но Дмитрий Константинович решил капитулировать перед Москвой и даже выдать свою дочь Евдокию за Дмитрия Московского (еще не Донского).

Тогда несчастный Дмитрий Галицкий бежал в Господин Великий Новгород. Там никогда не выдавали беглецов ни Москве, ни Орде. Данных о жизни Дмитрия в Новгороде не сохранилось. Если бы у него была достаточно сильная дружина, он смог бы стать служилым новгородским князем. Но таковой у Дмитрия не было, и он поступил на службу к новгородскому архиепископу и стал командовать его дружиной — «владычным полком».

Следует заметить, что проглоченный московскими князьями Галич вскоре стал им комом в горле. По духовному завещанию Дмитрия Донского в 1389 г. Галич с волостями вновь был преобразован в удельное княжество и отдан его сыну Юрию. Согласно тому же завещанию после смерти сына Донского Василия Юрий должен был стать великим князем московским. Но после смерти Василия I московские бояре и вдова Василия Софья Витовтовна, понадеявшаяся на помощь своего отца великого князя литовского Витовта, нарушили завещание Дмитрия Донского и передали власть девятилетнему Василию Васильевичу. Результатом этого стала тридцатилетняя война на Руси, в ходе которой Галич воевал с Москвой, Василий Васильевич был ослеплен, а сын Юрия Галицкого уже известный нам Дмитрий Шемяка отравлен в Новгороде.

Но вернемся к предкам Ляпунова. Сын Дмитрия Галицкого Василий и внук Борис служили архиерейскими боярами или, как их тогда называли, софийскими дворянами.

Три сына Бориса Васильевича — Дмитрий Борисович Береза, Семен

Борисович Осина и Иван Борисович Ива — сделались родоначальниками дворянских фамилий Ивиных, Осининых и Березиных.

Внук Семена Осины Иван, служивший при архимандрите Пимене, получил прозвище Ляпун и стал родоначальником этой известной фамилии.

Сын Ляпуна Семен покинул Новгород и отправился в Рязань. Детали этого переезда нам неизвестны. Но нетрудно догадаться, что отъезд Семена Ивановича был связан с разгромом Великого Новгорода Иваном III.

9 января 1480 г. за некую «крамолу» Иван Страшный^[19] приказал схватить новгородского архиепископа Феофила, а через две недели его в оковах отправили в Москву. Архиерейских бояр частично казнили, а частично разослали по «низовым городам», подвластным Москве.

Таким образом, Семен Иванович бежал, спасая свою жизнь и свободу. Выбор у него был небольшой — Литва или Рязань, поскольку на остальной Руси уже хозяйничала московская администрация. Что же касается Великого княжества Рязанского, то в конце XV в. Москва, используя силу и династические браки, сумела сделать его своим вассалом. Однако учинить расправу с рязанцами, как с новгородцами, вятичами и др., Иван III не решался. Рязанское княжество граничило с Диким полем, откуда почти ежегодно приходили крымские татары. Поэтому перегнуть палку и сделать рязанцев союзниками татар Москве было крайне рискованно.

Семен Ляпунов и его дети Илья Большой и Илья Меньшой стали дворянами рязанских князей Василия Ивановича, правившего с 1464 г. по 1483 г., его сына Ивана (1483–1500 гг.) и внука Ивана. Но в 1519 г. рязанский князь Иван Иванович был вызван в Москву великим князем Василием III и посажен в тюрьму. Правда, в августе 1521 г. Ивану Ивановичу удалось бежать в Литву, но с независимостью Рязанского княжества было покончено навсегда.

Ряд историков XIX–XX вв. считали, что Ляпуновы были хундорскими дворянами, получившими дворянство в начале XVI в. и лишь в конце XVII в. написавшие себе родословную, восходящую к князю Дмитрию Галицкому. Получается любопытная ситуация — официальные историки слепо верят, что от простого дружинника Ивана Кобылы, который в летописи упомянут всего один раз, пошли несколько десятков знатных родов, включая Романовых, а вот Ляпуновых без всякого основания объявляют самозванцами. На мой взгляд, придумать столь логичную и исторически грамотную родословную в XVII в. не по силам было даже дьякам посольского приказа, а не то что провинциалам дворянам Ляпуновым.

Служба удельным рязанским князьям практически ничего не дала Ляпуновым. Они не получили вотчин и не стали рязанскими боярами. Видимо, это связано с консерватизмом древних рязанских боярских родов, не желавших пускать чужаков в свою среду.

Первое упоминание о Ляпуновых на московской службе относится к 50-м годам XVI в. В это время велась «Дворовая тетрадь» — список состава государева двора царя Ивана IV. В ней среди так называемого «выбора» по Рязани записаны отец и дядя Прокопия — Иов и Петр Ляпуновы дети Ильина. Илья — это уже упомянутый выше Илья Большой, сын переехавшего в Рязань Семена.

Затем Ляпуновы встречаются в грамоте 1560/61 г. В ней Иов и Петр Ляпуновы дети Ильина упоминаются как «послухи» (свидетели) совершенной сделки. Под 1582/83 годом Петр Ляпунов упоминается в разрядах в качестве воеводы в Чебоксарах.

Мы не встретим фамилии Ляпуновых в списках пострадавших от террора Ивана Грозного. Зато во второй половине XVI в. мы видим возрастание агрессивной активности этого рода. У Петра Ильича Ляпунова было пять сыновей: Александр, Григорий, Прокопий, Захарий и Семен. Александр активно способствовал всесильному в последние годы царствования Ивана Грозного дьяку Андрею Шереметеву в «насильном завладении» им вотчиной рода Шиловских селом Шилово. Замечу, что действовали они тогда в союзе с боярами Шуйскими.

После смерти Грозного рязанские дворяне Ляпуновы и Кикины выступили в роли заводчиков в бунте в Москве 2 апреля 1584 г., направленного против боярина Богдана Вельского. И опять Ляпуновы выступали союзниками Шуйских.

Любопытно, что в 1595 г. Захар Ляпунов, назначенный быть становым головой вместе с дворянином Кикиным, заместничал, отказался и уехал со службы. Собственно, он был прав. По понятиям того времени он — Рюрикович, не в пример какому-то Кикину. Рязанскому воеводе было велено взять Ляпунова из его поместья и скованного привезти в Переяславль-Рязанский, бить батогами перед всеми людьми, посадить в тюрьму и потом отправить на службу с приставом.

В связи с казацкими разбоями на Дону и Волге в 1600–1602 гг. царь Борис категорически запретил продавать казакам оружие. Тем не менее, оно продолжало поступать и на Дон, и на Волгу. Царь «велел спросить детей боярских рязанцев: кто на Дон к атаманам и казакам посылал вино, зелье, серу, селитру и свинец, пищали, панцири и шлемы и всякие запасы, заповедные товары? Отвечали: был слух, что Захар Ляпунов вино на Дон

казакам посылал, панцирь и шапку железную продавал. Захара за это высекли кнутом»^[20].

Побитый в очередной раз Захар затаил обиду на царя Бориса и по наущению бояр в 1604 г. ездил в Краков к королю Сигизмунду с просьбой помочь самозванцу, то есть беглому монаху Григорию.

В мае 1605 г. под Кромами Прокопий с братьями и отрядом рязанцев целовал крест самозванцу.

После убийства Лжедмитрия 117 мая 1606 г. рязанские воеводы Григорий Федорович Сунбулов и Прокопий Петрович Ляпунов отказались присягать Василию Шуйскому. Замечу, что они были не одни, так поступило свыше 20 русских городов.

Прокопий Ляпунов и Сунбулов примкнули к восстанию Ивана Болотникова. Но 16 ноября 1606 г. конный отряд из 500 рязанцев во главе с Прокопием пришел в Москву и принес присягу Василию Шуйскому. По такому случаю царь велел звонить в колокола и стрелять из пушек.

Однако Шуйский оказался слишком слабым правителем, и Ляпуновы примкнули к его врагам.

17 июля 1610 г. Захар Ляпунов с большой толпой москвичей подошел к царскому дворцу и начал обличать Шуйского: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Шуйский уже привык к подобным сценам и, не видя в толпе знатных людей, закричал на Ляпунова: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят», и вынул было нож, чтоб еще больше пострадать мятежников. Но Захара Ляпунова трудно было испугать, крики и угрозы только раззадоривали его. Ляпунов был высоким и сильным мужчиной и, увидев угрожающее движение Шуйского, закричал ему: «Не тронь меня: вот как возьму тебя в руки, так и сомну всего!»

Но за Ляпуновым никто не пошел, наоборот, толпа стала пятиться назад. Надо полагать, за спиной Шуйского появились вооруженные люди. Первая попытка свержения царя Василия провалилась.

19 июля того же года состоялась вторая попытка. Захар Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским и с Михаилом Аксеновым и другими, позвав с собой монахов Чудова монастыря, пошли к Василию Шуйскому и велели ему принять монашеский сан. Но для бывшего царя одна мысль отказаться навсегда от престола была невыносима, особенно теперь, когда обстоятельства складывались в его пользу. Шуйский отчаянно сопротивлялся, поэтому Ляпунов и еще

несколько человек держали его во время пострига, а князь Тюфякин произносил за Шуйского монашеские обеты, бывший царь же всё твердил, что не хочет пострижения.

Так был свергнут царь Василий, а управление Московским государством перешло к так называемой «Семибоярщине», которая попыталась передать корону пятнадцатилетнему польскому королевичу Владиславу. Однако его отец король Сигизмунд III пожелал царствовать сам и сделать Московское государство придатком Речи Посполитой, наподобие Малороссии. Москва была занята интервентами.

И тогда Прокопий Ляпунов поднимает Рязань против интервентов. Вслед за Рязанью к Ляпунову присоединяются и другие города. Его рать получила среди историков название первого ополчения.

Еще больше дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского. Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишённого честолюбия. Вообще такого исправного служаку-бессребреника — совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону.

Вот, к примеру, что писал о Пожарском знаменитый историк Иван Егорьевич Забелин: «Это был человек малоспособный. Он не совершил ничего необыкновенного, действовал зауряд с другими, не показал ничего, обличающего ум правителя и способности военачальника. Его не все любили и не все слушались. Он сам сознавал за собою духовную скудность»^[21].

Так что нам волей-неволей придется разобраться с родословной Дмитрия Михайловича.

К началу XVI века князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки. Пожарскому не было нужды вписывать в родословную бродячих немцев («пришел из прусс») или татарских мурз, приезжающих на Русь основать православный монастырь («Сказание о Чете»). Не было нужды князьям Пожарским прилепляться к знатным родам по женской линии. Родословная князей Пожарково-Стародубских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее.

В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб-на-Клязьме с областью. С конца XVI века Стародуб стал терять свое значение, и к началу XIX века

это уже было село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

Стародубское удельное княжество было сравнительно невелико, но занимало стратегическое положение между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, и село Мугреево входило в состав Стародубского княжества.

Иван Всеволодович стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича Василий получил в удел волость с городом Пожар (Погара)^[22] в составе Стародубского княжества.

Современные исследователи-краеведы Н. В. и Э. В. Фроловы^[23] утверждают, что первоначальный удел князей Пожарских находился на юго-западе Стародубского княжества, в нынешней Ковровском районе Владимирской области. Он включал в себя земли от современного поселка Мелихово и деревни Федотово до деревни Иваново-Эсино, а также села Павловское и Новое и, возможно, деревню Старая и смежные земли южнее.

Согласно меновой грамоте 1440–1470 гг., князь Федор Данилович Пожарский приобрел у князя Михаила Ивановича Голибесовского, по прозвищу Гагара, села Троицкое и Никольское. Затем князья Пожарские поменялись большей частью своего первоначального удела с родственниками — князьями Ряполовскими, получив село Мугреево с землями по реке Лух. Но после 1500 года вотчина село Троицкое^[24] снова перешло во владение князей Пожарских.

По названию города Пожар (Погара) князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 год на царской службе состояли тринадцать стародубских князей: «Князь Ондрей да князь Федор княж Ивановы дети Татева. Князь Иван да Петр княж Борисовы дети Ромодановского. Князь Василей княж Иванов сын Ковров. Князь Иван Чорной да князь Петр княж Васильевы дети Пожарского. Князь Тимофей княж Федоров сын Пожарского. Князь Федор да Иван княж Ондреевы дети Большога Гундорова. Княж Федоров сын Данила. Князь Федор да Иван княж Ивановы дети Третьякова Пожарского».

Иван Федорович Пожарский был убит под Казанью в 1552 г. Отец

нашего героя стольник Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем, беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Наши историки привыкли говорить о покорении Казани в 1552 г. На самом деле еще многие годы в Казанском крае шла жестокая борьба татарского населения против русских. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили старые княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае. Но юность его прошла недалеко от Суздаля в родовом гнезде — селе Мугрееве у реки Лух. Дмитрий стал вторым ребенком в семье, у него были старшая сестра Дарья и младший брат Василий. В 1587 г. скончался отец, Михаил Федорович, и все заботы о семье пришлось взять на себя матери Марии Федоровне, урожденной Беклемышевой.

Старинный дворянский род Беклемышевых вел свою родословную от некоего Гавриила, «мужа честна», выехавшего из Новгорода Великого из Прусского конца на службу в Москву к Василию I. Внук Гавриила Федор за что-то получил прозвище Беклемыш, и его потомков стали именовать

Беклемышевыми. Правнук Федора Беклемыша Иван Никитич Беклемышев-Берсень^[25] был очень близок к Ивану III. Так, в 1495 г. в Новгородском походе он имел должность постельничего великого князя. Беклемышев-Берсень был знаменитым дипломатом своего времени, ездил послом в Литву и Крым. Сравнительно небольшой чин — он был думным дворянином — не мешал ему играть важную роль как в международной, так и во внутренней политике Ивана III. Иван Никитич пытался стать советником и у Василия III, но тот вообще стал пренебрегать Боярской думой. Берсень позволил себе вступить в спор в Боярской думе с Василием III по поводу Литовской войны. Великий князь рассвирепел и заорал: «Поди, смерд, прочь не надобен ми еси!»

Заметим, что таких речей в думе никогда не позволял себе ни Иван III, ни тем более его предшественники. Берсень же попал в опалу, а в 1525 г. был по приказу Василия III обезглавлен на льду Москвы-реки. Однако на его потомство опала не была наложена.

Младший сын Берсения Федор Никитич выдал в 1571 г. свою дочь Ефросинью за Михаила Федоровича Пожарского. Уже в браке Ефросинья по каким-то причинам сменила свое имя на Марию.

Уже в девять лет Дмитрию Пожарскому довелось подписать деловую бумагу. После смерти мужа Мария Федоровна на помин его души отдала Суздальскому Спас-Евфимиеву монастырю деревню. Жалованная грамота была составлена от имени наследника, и Дмитрий поставил под ней свою подпись.

В конце 80-х годов XVI века Мария Пожарская переезжает в Москву. Она поселилась в своем деревянном доме на Сретенке напротив церкви Введения, близ Кузнецкого моста и недалеко от Пушечного двора. Причина переезда была проста — Дарья была на шесть лет старше Дмитрия, и ее, подобно пушкинской Татьяне Лариной, повезли на «ярмарку невест» в Москву. Там ее быстро выдали за князя Никиту Андреевича Хованского.

Многочисленный род Хованских относился к знати второго разряда. Родословную свою Хованские вели от второго сына великого князя литовского Гедимина Нарибута-Глеба, приехавшего в 1333 г. княжить в Новгород, а в 1408 г. сын Нарибута Патрикей приехал в Москву на службу к Василию I. Внук Патрикея Василий Федорович получил прозвище Хованский, которое и закрепилось за его потомством. Внучка Василия Хованского Ефросинья была выдана замуж за сына Ивана III князя Андрея и стала матерью Владимира Суздальского. Ефросинья и Владимир были убиты по приказу Ивана Грозного.

Дарья Пожарская в браке с Никитой Андреевичем Хованским родила

одного сына Ивана^[26]. Вскоре Дарья умерла, а Никита Андреевич женился вновь, однако через небольшой срок постригся в монахи под именем Нифонта. Иван Никитич Хованский стал боярином и умер в 1675 г. Он оставил после себя двух сыновей, но внуки мужского потомства не имели.

В историю вошел лишь племянник (по мужу) Дарьи Пожарской Иван Андреевич Хованский, по прозвищу Таратуй. Будучи начальником Стрелецкого приказа, он в ходе стрелецких бунтов в 1682 г. попытался захватить власть, но был обманом схвачен царевной Софьей Алексеевной и казнен без суда и следствия. Впоследствии Иван Андреевич стал героем знаменитой оперы М. П. Мусоргского «Хованщина».

Чтобы больше не возвращаться к семье Дмитрия Михайловича Пожарского, скажу, что сведений о судьбе его младшего брата Василия найти не удалось. Известно лишь, что он постригся в монастыре под именем Вассиана.

В 1593 г. пятнадцатилетний Дмитрий Михайлович Пожарский впервые прибыл на дворянский смотр. Борису Годунову не за что было гневаться на князей Пожарских, да и на другие рода Стародубских князей. С другой стороны, они не оказали особых услуг Борису, да и сам правитель, как мы уже знаем, предпочитал последовательное присвоение чинов служилым людям. В результате Дмитрий Михайлович был оставлен при царском дворе, ему присвоили звание рынды, а через пару лет — стряпчего. Стряпчих у царя Федора было около восьмисот. Стряпчие везде сопровождали царя — в церковь, в думу, в поход, на охоту и т. д. В церкви стряпчие держали шапку или платок, а в походе возили царский панцирь, саблю и др. Стряпчие выполняли различные поручения царя, например, посылались помощниками воевод в различные города или входили на вторых ролях в посольства. Напомню, что до Петра Великого в России военные и гражданские чины не различались, и, соответственно, чин стряпчего одновременно был военным, придворным и административным званием. Интересно, что стряпчие и стольники при дворе царя Федора Ивановича, а затем и царя Бориса Федоровича служили по полгода, а затем на полгода отпускались в отпуск, при этом большинство разъезжалось по своим имениям. Стольников к январю 1599 г. было 47, а к 1604 г. Годунов увеличил их число до 70.

Дмитрий Пожарский стал «стряпчим с платьем». В его обязанности входило под присмотром постельничего подавать туалетные принадлежности при облачении царя или принимать одежду и прочие вещи, когда царь раздевался. По ночам Дмитрий вместе с другими стряпчими нес караул на постельном крыльце государева дворца.

В Москве мать подобрала Дмитрию Михайловичу и невесту — Прасковью Варфоломеевну. Невеста была из небогатого и незнатного дворянского рода. Такой выбор Марии Федоровны Пожарской мне кажется непонятным, но, увы, мотивы его мы никогда не узнаем. Есть сведения, что Дмитрий Михайлович был счастлив в браке с Прасковьей Варфоломеевной, но не надо объяснять, что более знатное родство могло существенно помочь Пожарскому в 1612 г. Естественно, речь идет не о походе на поляков, а о предвыборной борьбе на соборе.

В 1602 г. царь Борис пожаловал в стольники Дмитрия Михайловича и Ивана Петровича Пожарских. Для двадцатичетырехлетнего князя Дмитрия это считалось неплохим началом карьеры. После всех конфискаций 60–70-х годов XVI века Дмитрий Пожарский был не богат, но и не беден. Как уже говорилось, в 1587 г. Дмитрий Михайлович Пожарский передал монастырю «по приказу отца своего» одну из стародубских вотчин — село Три Дворища. Тем не менее, за ним осталась Мугреевская вотчина близ Стародуба. Ему же принадлежали отцовские вотчины — село Медведково на реке Яузе, села Лучинское и Бодалово в Юрьевском уезде. От отца и деда Дмитрию Михайловичу досталось и приданное его матери Ефросиньи Беклемышевой село Берсенево Клинского уезда и село Лукерьино-Фомино Коломенского уезда, а также приданное его бабки Берсеновой село Марчукино Коломенского уезда.

Стольник Д. М. Пожарский по царскому указу был отправлен на литовскую границу.

В 1602 г. Мария Федоровна Пожарская по приказу царя Бориса была взята в царские палаты верховной боярыней при его дочери Ксении Борисовне. Боярыней же при царице Марии Григорьевне была назначена мать князя Бориса Михайловича Лыкова. Вскоре между Марией Пожарской и Евфимией Лыковой возник конфликт. Судя по всему, все началось с глупой бабьей ссоры. Обе дамы были вдовами — муж Евфимии Михаил Юрьевич Лыков был убит в Ливонии еще в 1579 г., поэтому в защиту матерей вступились их старшие сыновья Дмитрий Пожарский и Борис Лыков. Лыковы были Рюриковичи и вели свой род от князя Михаила Черниговского. Родоначальник рода Пожарских Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого, несомненно, был выше Михаила Черниговского, но в местнических тяжбах XVI–XVII веков учитывали и чины, полученные от московских князей членами данного рода. Между прочим, Борис Лыков был женат на родной сестре Федора Никитича Романова Настасье Никитичне, а Романовы к этому времени уже были в опале.

Тем не менее, Дмитрий Пожарский решил поместничать с Борисом

Лыковым и бил челом Годунову, чтобы царь «его, князя Дмитрия, пожаловал, велел ему с княж Борисовым отцом Лыкова, со князем Михайлом Лыковым, в отечестве дати и суд и счет».

Царь велел разобраться в споре Боярской думе, но обе стороны представили столько аргументов, причем, подтвержденных документально, что решить тяжбу стало практически невозможно. И тут Пожарский пишет политический донос на Лыкова. Донос, да и родство Бориса с Романовыми, сделали свое дело — Пожарский выиграл местнический спор. Борис Лыков был послан на воеводство в пограничную крепость Белгород. Мать Бориса Евфимию заставили покинуть царский двор и постричься в монастырь под именем Евфросиньи, где она и скончалась 9 июня 1604 г.

Через шесть лет Борис Лыков напишет донос царю Василию Шуйскому на Дмитрия Пожарского, где утверждает, что: «...прежде, при царе Борисе, он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрия, княгиня Марья, в то же время доводила царице Марье на мою мать, будто моя мать, съезжаясь с женою князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, рассуждает про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску».

Подлинник доноса Пожарского на Лыкова до нас не дошел, но и без него ясно, что Лыков врет. С какой стати Дмитрию Михайловичу порочить сразу нескольких именитых людей — князей Василия Васильевича Голицына и Василия Федоровича Скопина-Шуйского, которые были в чести у царя Бориса как до доноса на Лыкова, так и после? Для царя такая информация была очень важна, и тут не обошлось бы без крутых мер. Если бы обвинения подтвердились, то большая опала ждала бы Голицына и Скопина-Шуйского, по сравнению с которыми Лыков был просто мелкой сошкой. А если бы донос не подтвердился, то сам Пожарский отправился бы в окопах в места не столь отдаленные.

Так что если Пожарский и писал донос на Лыкова, то там, явно, не фигурировали Голицын и Скопин-Шуйский. Гораздо проще было притянуть Лыкова к его родственникам Романовым. Лыков же свой донос Василию Шуйскому пиал наобум — вдруг не будут искать грамоту Пожарского шестилетней давности, и солгал о клевете Пожарского на самых влиятельных лиц царствования Василия Шуйского.

А вообще, куда делась грамота Пожарского? Ведь подавляющее

большинство документов царствования Бориса Годунова дошло до нас в целостности и сохранности. Наиболее вероятна версия, что грамота была уничтожена при царе Михаиле Романове. Донос «спасителя отечества» на родственников царя Михаила был совсем некстати, и с ним поступили, как обычно поступали наши цари и вожди с особо скандальными документами.

Об участии Пожарского в войне с Лжедмитрием I документальных данных нет. Скорей всего он оставался в Москве при особе государя. Вместе со всеми москвичами Дмитрий Михайлович целовал крест царю Димитрию и остался стольником при его дворе.

Любопытно, что Борис Лыков сделал головокружительную карьеру при дворе Гришки Отрепьева. Самозванец произвел его в кравчие, а через несколько недель — в бояре.

В ночь на 17 мая 1606 г. Пожарский оказался в отъезде. Он был в родовом имении Мугреево и, соответственно, не участвовал в перевороте Василия Шуйского. Дмитрию Михайловичу как-то фантастически везло, а может наоборот, не везло, и он всегда оставался в стороне от всех переворотов. И новый царь его не наградил и не наказал. Василий Шуйский произвел «перебор» стольников, в ходе которого свыше ста человек были лишены этого звания. Пожарский же по-прежнему остался «вечным» стольником.

В конце 1607 г. под Москвой Пожарский многократно участвовал в боях с войском Ивана Болотникова. В июне 1608 г. Пожарский отличился при защите Москвы от войск Тушинского вора. Именно его конный отряд в ночь на 4 июня остановил поляков Рожинского на Ваганьковском поле.

В июле 1608 г. Пожарский впервые был назначен воеводой и стал командовать отдельным отрядом. В то время шла, как уже говорилось, непрерывная борьба царских войск и Тушинского вора за контроль над коммуникациями. Воровские воеводы попытались оседлать Коломенскую дорогу и перенаправить поток хлеба из южных областей из Москвы в Тушино. Результатом действий тушинцев стало новое резкое вздорожание хлеба в Москве, стоимость четверти^[27] ржи достигала семи рублей.

Воевода Пожарский приказал атаковать «литовских людей» у села Высоцкого (сейчас это город Егорьевск). Тушинцы были наголову разбиты и бежали, оставив Пожарскому обоз — «многую казну и запасы». При этом Пожарский поссорился с коломенским воеводой Иваном Пушкиным, который предпочел отсидеться в остроге и отказался дать ратников в помощь Пожарскому. В итоге через несколько недель после сражения Пожарскому пришлось судиться у царя Василия с нахально заместничавшим Иваном Пушкиным. Род Пушкиных имел столь же

«липовую» родословную, что и Романовы, а потянули на князя Рюриковича. Естественно, что царь отклонил их претензии, но драть их батогами, как в те времена было положено за оное преступление, не стал из-за шаткости своего положения.

Пожарского же царь пожаловал поместьем в Суздальском уезде, центром которого было большое село Нижний Ландех. В жалованной грамоте говорилось: «Князь Дмитрий Михайлович, будучи в Москве в осаде, против врагов стоял крепко и мужественно, и к царю Василию и к Московскому государству многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякие шатости».

Осенью 1608 г. тушинцы вновь взяли под контроль Коломенскую дорогу. Во главе их был атаман Сальков. Сальков и компания именовали себя казаками, но и он сам, и его отряд состоял из крестьян, бросивших свои семьи и занявшихся разбоем. Против Салькова царь Василий отправил отряд во главе с князем Мосальским. Но Сальков разгромил его. Неудачей закончился и поход на «воров» отряда думного дворянина Сукина. Тогда царь Василий отправил на Салькова Пожарского. Воевода стремительно атаковал «воров» у Владимирской дороги на реке Пехорке. Тушинцы были вдребезги разбиты, подавляющее большинство их было убито на месте. После битвы у Салькова осталось только тридцать человек. На четвертый день потрясенный атаман явился в Москву к царю Василию с повинной.

В 1609 г. царь назначил Пожарского воеводой в Зарайск. Город имел большое стратегическое значение. Первая зарайская деревянная крепость была построена в XV веке на мысу, образованном высоким берегом реки Осетр (правый приток реки Оки) и островом Бубнова. Старая крепость имела укрепления в виде земляного вала протяжением 1600 метров, усиленного тыном с пятью проезжими и восемью глухими башнями и глубоким рвом впереди. Каменная крепость Зарайск была построена в 1531 г. итальянским инженером Алевизом по приказанию великого князя Василия III для защиты Москвы от набегов крымских татар. Новый «каменный город» был расположен внутри старого деревянного и представлял собой четырехугольник с высокими (до 16 метров) башнями по углам и тремя проезжими башнями по сторонам. Протяженность каменной ограды составляла 750 метров, стены имели высоту 8 метров и толщину в 2,6 метра. Стены были сложены в нижней половине из тесаного камня, а в верхней — из кирпича. В 1608 г. крепость была взята тушинцами под началом Александра Лисовского, но позже отбита назад.

Памятник Дмитрию Пожарскому у стен Зарайского кремля. Фото А. Широкограда

В Зарайске Пожарский узнает о поражении русских под Клушино. Вскоре в Зарайск Прокопий Ляпунов прислал своего племянника Федора Ляпунова уговаривать Пожарского подняться против Василия Шуйского. Дмитрий Михайлович категорически отверг это предложение.

Через несколько недель на сторону Тушинского вора переметнулись жители Коломны и Каширы. Заволновалось и население Зарайска. Всем городом они пришли к воеводе просить его целовать крест «настоящему царю Дмитрию Ивановичу». Пожарский отказался и с несколькими ратниками заперся в зарайском кремле. Никольский протопоп Дмитрий ходил по стенам кремля и увещевал ратников умереть за православную

веру.

Грозные речи воеводы, молитвы протопопа и крепостные пушки, направленные на город, произвели должное впечатление на обывателей. Дело кончилось уговором воеводы с горожанами: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить». Уговор был скреплен крестным целованием.

Восстановив в Зарайске спокойствие, Пожарский отправил отряд ратников в Коломну и выбил оттуда сторонников Тушинского вора.

Во время свержения Василия Шуйского и начала правления семибоярщины Пожарский безвыездно находился в Зарайске и его окрестностях. Пожарский отказался целовать крест королевичу Владиславу и выжидал дальнейшее развитие событий. Прокопий Ляпунов из Рязани начал рассылать грамоты с призывами собрать ополчение и идти на Москву. Теперь царь Василий отрекся от престола, и свободный от присяги Дмитрий Михайлович со спокойной совестью поддержал Ляпунова.

Сигизмунд решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину большой отряд поляков и запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и отправился в столицу. Есть основания полагать, что Дмитрий Михайлович прибыл в Москву не один, а с отрядом «ратных людей». Ну а что произошло в столице, мы уже знаем.

Глава 8. Смерть Прокопия Ляпунова

В пятницу 22 марта 1611 г. разведка донесла полякам, что к Москве приближается десятитысячный отряд ополчения под командованием стольника Андрея Просовецкого. Гонсевский выслал против него конницу Зборовского и Струея. Просовецкий, потеряв в бою около двухсот казаков, отступил и засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и отошли в Москву.

24 марта к Москве подошло все ополчение во главе с Ляпуновым. Русские расположились близ Симонова монастыря, обставив себя вокруг гуляй-городами, то есть укреплениями из телег и различных деревянных заграждений.

Гонсевский вывел польское войско из Москвы и подошел к русским гуляй-городам. Но Ляпунов не принял бой. Тогда Гонсевский послал немецких наемников атаковать русских, но те были отбиты с большим уроном. Отбив немцев, русские стрельцы перешли в контратаку. Польская конница спешила и открыла стрельбу по русским. Все это время русская конница не выходила из-за обозов, но когда поляки начали отступать к Москве, русские вышли из обоза, поляки остановились, чтобы дать им отпор, тогда русские опять ушли в обоз. Поляки двинулись к Москве, русская конница снова вышла из обоза и начала преследование поляков. Интервенты едва успели войти в Москву, и больше уже из нее не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города. Ляпунов встал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким — напротив Воронцовского поля, костромские и ярославские воеводы — у Покровских ворот, Измайлов — у Сретенских ворот, князь Мосальский — у Тверских. 6 апреля русским удалось овладеть большей частью Белого города.

Со времен бегства из Тушина Лжедмитрия II «гулял» по Руси отряд Яна (Петра) Сапеги. Жили сапеженцы, как и положено, грабежом и никому не подчинялись. Сапега заводил флирт с Лжедмитрием II в Калуге, а после смерти самозванца начал флиртовать с Ляпуновым, предложив сражаться вместе против поляков «за веру православную». Неразборчивый в средствах Ляпунов принял предложение Сапеги, но стороны не сошлись в цене — уж больно много требовал пан Сапега.

Ян Петр Сапега. Рис П. Иванова

И вот в начале мая Сапега с отрядом появился у стен осажденной Москвы и стал лагерем на Поклонной горе. Представители Сапеги явились к Ляпунову и опять стали торговаться, и опять не сошлись в цене. Тогда у гонористого пана разыграл польский патриотизм, и он с боем прорвался в Москву. Однако проку от Сапеги было мало. С одной стороны, в Москве назревал голод, и кормить сапеженцев было накладно. С другой стороны, шайки разбойников, в которые превратилась частная армия Сапеги, могли окончательно разложить польский гарнизон. Поэтому Гонсевский не возражал, когда через несколько дней Сапеге наскучила Москва, и он отправился «гулять» дальше, прихватив с собой несколько сотен поляков из войска Гонсевского. Позже некоторые русские историки, включая С. М. Соловьева, гадали, «зачем он (Гонсевский) себя ослабил таким образом?» Да его и спрашивать никто не стал! Договорились паны ротмистры с Сапегой и ушли со своими ротами.

Король Сигизмунд отправил к Москве небольшой отряд под командованием ротмистров Кишки и Конецпольского. Поляки же, засевшие в Москве, стали распускать слухи, что к ним на помощь идет гетман

Ходкевич с большим войском. В знак радости поляки открыли большую стрельбу из ружей и пушек. Настрелявшись «в белый свет» и думая, что нагнали страху на Москву, поляки вечером 21 мая разошлись по домам и спокойно заснули. Но русские под стенами столицы не спали. За три часа до рассвета они тихо приставили лестницы и полезли на стены Китай-города. Полякам с большим трудом удалось отбить атаку на Китай-город. Однако в ходе упорного боя русские окончательно очистили от поляков Белый город.

Утром 23 мая Ляпунову сдались немецкие наемники, оборонявшиеся в Новодевичьем монастыре. По версии Казимира Валишевского казаки Заруцкого после сдачи монастыря изнасиловали всех монахинь, включая инокиню Ольгу (Ксению Годунову), а затем отправили их во Владимир. После этого русские периодически приближались к стенам Кремля и Китай-города и дразнили поляков: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою, идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла. Идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку», (кишка по-польски колбаса), еще кричали: «Радуйтесь, конец польский приближается!»

Королю Сигизмунду действительно было не до Москвы, он предпринимал отчаянные попытки покончить, наконец, со Смоленском.

12 апреля послам под Смоленском объявили, что на следующий день их отправят в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын объясняли, что у них нет инструкций ехать в Польшу, и даже нет средств на это путешествие. Рано утром им было велено садиться на речные суда. Когда русские стали садиться на суда, польская охрана перебила всех слуг и захватили все посольское имущество. Послы на трех судах под конвоем были отправлены вниз по Днепру.

Первоначально русские послы были заключены во владениях пана Жолкевского в местечке Каменки, а когда поляки сдались в Москве, Филарета и Голицына отправили подальше в замок Мальборг (Мариенбург).

Между тем силы гарнизона и жителей Смоленска иссякали. В городе свирепствовала цинга. Современники утверждали, что к концу осады из восьмидесяти тысяч жителей осталось не более восьми тысяч. Из Смоленска к королю перебежал некий Андрей Дедешин, который указал на слабые места в стене. Король велел построить там несколько осадных батарей. После нескольких дней бомбардировки стены рухнули. Ночью 3 июня 1611 г. поляки полезли в пролом. Начался бой на городских улицах. Смоленск горел. Несколько сотен горожан заперлось в соборной церкви

Богородицы вместе с архиепископом Сергием. В собор ворвались поляки, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошел им навстречу. Какой-то пан ударил Сергия саблей по голове. Поляки начали в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беляницын взял свечу и полез в подвал собора, где хранилось 150 пудов пороха. Как писал современник: «И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, вверх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шейн был взят в плен, где подвергся жестоким пыткам. После допроса его отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

Взятие Смоленска вскружило голову королю. Вместо похода на Москву он немедленно распускает свою армию и едет в Варшаву. Видимо, на это решение повлияло и безденежье короля — наемникам нечем было платить. Но главным фактором все же была эйфория!

Осада Смоленска поляками

29 октября 1611 г. король устроил себе в Варшаве триумф по образцу

римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовал рыцарство. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик смотрел сурово исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине — пристав. Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, держа шапки в руках. Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, поговорил о могуществе московских царей, последний из которых теперь стоял перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку, Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал. Жолкевский продолжал свою речь. Он говорил, что вручает братьев Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, и просил отнестись к ним благосклонно. И братья Шуйские в ответ опять низко кланялись. Когда гетман закончил речь, Шуйских допустили к королевской руке. По словам современников, это было великое зрелище, вызывающее удивление и жалость. Тут в толпе панов послышались голоса, требовавшие отомстить Шуйскому как виновнику смерти многих поляков. Юрий Мнишек требовал мести за свою дочь. Братьев Шуйских заключили в Гостыньском замке в нескольких верстах от Варшавы.

Василия Шуйского поляки держали в тесной камере над воротами замка. К нему не допускали ни братьев, ни русских слуг. Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. 12 сентября 1612 г. Василий умер, пять дней спустя умер его брат Дмитрий. Поляки объявили, что князья Шуйские умерли естественной смертью. Однако факты говорят об умышленном убийстве братьев. Василию Шуйскому едва исполнилось 60 лет, а Дмитрий был на несколько лет его моложе. Тела покойных похоронили тайно, и никто не знал, где находятся их могилы.

Младшего брата Ивана поляки пощадили, он говорил позже: «Мне вместо смерти наияснейший король жизнь дал». Ивана Шуйского ждала судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое имя и происхождение. Отныне он звался Иваном Левиным. Расходы на его содержание составляли три рубля в месяц, имевшиеся при нем дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Слухи об убийстве братьев Шуйских достигли России. Московские летописцы нисколько не сомневались, что братья Шуйские погибли в Литве

«нужной» (насильственной) смертью.

В 1619 г. князь Иван Иванович Шуйский при обмене пленных возвратился в Россию. Там он вступил в брак с княжной Марфой Владимировной Долгоруковой, родной сестрой первой жены царя Михаила Федоровича. Увы, его брак, как и у его братьев Василия и Дмитрия, был бездетным. Иван занимал довольно видное место при дворе и заведовал Московским судным приказом. За что-то он получил прозвище Пуговка. Умер И. И. Шуйский в 1638 г. На нем пресекся знатный род Шуйских.

Останки царя Василия, его жены и брата в 1620 г. были перевезены в Варшаву и торжественно погребены в католической часовне. На месте этой часовни игрою случая в XIX веке была построена православная церковь. В 1635 г. после заключения Поляновского мира король Владислав отослал останки Василия, его жены и брата в Москву. Там Василий и Дмитрий Шуйские были окончательно погребены в усыпальнице московских правителей — Архангельском соборе.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили подавляющее большинство панства, что Москва окончательно покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил в Варшаве: «Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники — все в руках короля».

Однако победа не только не способствовала усилению королевской власти в Польше, наоборот, участники недавно подавленного рокоша Гербут, Стадницкий и другие начали готовить очередной мятеж. Они вошли в переписку с Гавриилом Баторием, племянником знаменитого польского короля Стефана Батория, и пригласили его занять польский престол.

Между тем польский гарнизон в Москве оказался в очень сложном положении. Поляки и их сторонники типа Федора Андропова окончательно разграбили царскую казну. Денег и драгоценностей было в избытке, но их нельзя было есть. Как писал Конрад Буссов, сидевший в Кремле вместе с поляками, «из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских...Польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают *chimica artr* [химически], но все-таки они не могут насытить голодный желудок. Через три месяца [после прихода Ляпунова] нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, то есть 15 медных грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а

караваи хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов отнял у поляков Белый город. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти».

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля, имевших мощные каменные укрепления. У ополчения не было достаточного числа осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Поэтому русские ополченцы решили взять поляков измором, а пока занялись решением политических проблем.

Наиболее важной проблемой было командование ополчением. В нем практически не оказалось знати. Среди руководителей ополчения были два боярина — Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий, но боярство их было липовое: в бояре их произвел Тушинский вор. Прокопий Ляпунов имел более низкое звание — думный дворянин, но он получил его законным путем. По уму и энергии Ляпунов существенно превосходил обоих «тушинских бояр». После долгих споров решено было сделать главными воеводами ополчения всех троих. Такое решение существенно ослабило ополчение, как с военной, так и с политической точки зрения.

В апреле 1611 г. Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой привели ополчение к присяге, в которой говорилось: «Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся; очистить Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землей».

В ополчении возник постоянно действующий Земской собор. Собором было выбрано «правительство», которое, естественно, возглавили три главных воеводы ополчения. В противовес бездействующим московским Приказам при ополчении были созданы свои Приказы (нечто вроде современных министерств).

Власть «подмосковного правительства» признали 25 городов, в том числе Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский, Ростов, Кострома, Вологда, Калуга и Муром.

К сожалению, ни Земской собор, ни «правительство» не смогли не только предложить достойного кандидата на московский трон, но даже определить порядок избрания царя.

Прокопий Ляпунов оказался в чрезвычайно сложном положении. Он

прекрасно понимал, что его, простого рязанского дворянина, никогда не выберут в цари. Выбирать на престол кого-нибудь из бояр, сидевших в Москве, то есть фактических врагов ополчения, не хотели ни Ляпунов, ни большинство ополченцев.

Трубецкой активно лез в цари, но ему тоже не хватало знатности, да еще не было ни ума, ни способностей. К трону рвался и «боярин» Заруцкий. Лихой казак хотел получить шапку Мономаха через постель. Заруцкий поселил свою «подругу» Марину Мнишек в Коломне и часто навещался к ней. Свою же законную супругу «боярин» упек в монастырь. Заруцкий понимал, что агитация за себя самого или даже за Марину вызовет возмущения ополчения. Поэтому он через подставных лиц начал агитировать за «воренка» Ивана, сына Марины и Тушинского вора.

Узнав о планах Заруцкого, патриарх Гермоген немедленно разразился «обличениями». Он написал несколько грамот к воеводам ополчения, чтобы они не выбирали на царство «проклятого Маринкина паньина сына». На всякий случай патриарх продублировал это предостережение в грамотах в Нижний Новгород, Казань и другие города, добавив призыв «отвергнуть воренка», если казаки выберут его на царство «своим произволом».

В такой ситуации Ляпунов решил вступить в сношения со шведским королем, чтобы прозондировать возможность взведения на престол его сыновей — старшего Карла-Филиппа или младшего Густава-Адольфа. К шведам поехал воевода Василий Иванович Бутурлин.

Вблизи Новгорода состоялись переговоры Бутурлина со шведским командующим Делагарди. Бутурлин заявил: «Мы на опыте своем убедились, что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Поэтому вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов.

А между тем в Новгороде происходили явления, которые давали Делагарди надежду легко овладеть им. По шведским данным сам Бутурлин, ненавидевший поляков и подружившийся с Делагарди еще в Москве, дал ему теперь совет занять Новгород. По русским данным между Бутурлиным и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским Большим было несогласие, мешавшее последнему принять деятельные меры для безопасности города. Бутурлин общался со шведами, торговые люди возили к ним всякие товары, и когда Делагарди перешел Волхов и стал у Колмовского монастыря, то Бутурлин продолжал контактировать с ним и здесь.

В довершение всего, между ратными и посадскими людьми не было единогласия.

8 июля 1611 г. Делагарди попытался взять Новгород штурмом, но понес большие потери и вынужден был отступить. К шведам попал в плен Иван Шваль — холоп дворянина Лухотина. Шваль знал, что город плохо охраняется, и обещал провести туда шведов. И действительно, в ночь на 16 июля холоп провел шведов через Чудинцовские ворота так, что никто этого не заметил. О присутствии шведов в городе стало известно только тогда, когда они напали на сторожей.

Первое сопротивление шведы встретили на площади, где находился Бутурлин со своим отрядом. Но сопротивление это было непродолжительным — вскоре Бутурлин отступил за стены города, а его казаки и стрельцы ограбили все встретившиеся им на пути лавки и дворы под тем предлогом, чтоб добро не досталось шведам.

Было еще сильное, но бесполезное сопротивление в двух местах. Стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Анфиноген Голенищев, Василий Орлов и казачий атаман Тимофей Шаров с отрядом из сорока казаков решились защищаться до последнего. Шведы уговаривали их сдаться, но они предпочли погибнуть за православную веру. Софийский протопоп Аммос заперся на своем дворе с несколькими новгородцами, они долго отбивались от шведов, перебив многих из них. Аммос был в это время под запрещением у митрополита Исидора. Митрополит служил молебен на городской стене, видел подвиг Аммоса, заочно простил и благословил его. Шведы, озлобленные сопротивлением, подожгли двор протопопа, и он погиб в пламени со своими товарищами: ни один не отдался живой в руки шведам.

Это были последние защитники Новгорода. Митрополит Исидор и князь Одоевский, видя, что ратных людей нет в городе, послали договариваться с Делагарди. Первым условием была присяга новгородцев шведскому королевичу. Делагарди со своей стороны обязался не разорять Новгород и был пущен в кремль. До прибытия королевича новгородцы должны были повиноваться Делагарди.

В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 г. в Ивангороде появился «вор» Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Ивангороде на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом

Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Ивангород своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Ивангород, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

Идея возвести на престол шведского королевича вызвала яростное сопротивление казаков. Им куда интереснее было иметь на престоле своего царя, например, того же «воренка» с регентом Заруцким или даже самого Заруцкого. А поведение шведов в Новгороде давало возможность разыграть «патриотическим чувствам казачества».

Не меньшее раздражение казачества вызвали и попытки Ляпунова наладить хоть какое-то подобие дисциплины в ополчении. Воровские казаки из ополчения грабили села и города в ближнем и дальнем Подмосковье с не меньшей жестокостью, чем запорожцы или частные армии польских панов.

Возмущенный грабежами и убийствами мирных граждан воевода Матвей Плещеев поймал 28 казаков и велел их утопить. Однако подоспевшие их товарищи отбили осужденных. Мало того, казаки собрали круг и начали высказывать претензии руководству ополчения. Ляпунов разгневался, решил покинуть лагерь ополчения и уехать в Рязань. По приказу Заруцкого казаки нагнали его у Симонова монастыря и уговорили остаться. Заруцкий боялся, что в Рязани Ляпунов начнет сбор нового и уже однородного дворянского ополчения.

Поляки хорошо знали все происходившее в лагере осаждающих. Гонсевский понимал, что ополчение держится на Ляпунове, а казаков с Трубецким и Заруцким он не боялся. И «староста московский» решил устроить провокацию. Во время одной из стычек поляки взяли в плен донского казака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина. Заварзин захотел освободить товарища и вступил в переговоры с Гонсевским, предлагая выкуп. Гонсевский воспользовался этим случаем и велел написать подложную грамоту от имени Ляпунова. Грамота была адресована во все города России. Там говорилось: «Где поймают казака — бить и топить, а когда, бог даст, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим».

Подделка была отдана освобожденному казаку, а тот, вернувшись к своим, отдал грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братьею, казаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин ответил: «Теперь мы его, блядского сына, убьем!»

22 июня 1611 г. казаки собрали круг, зачитали письмо и потребовали на круг главных воевод. Трубецкой и Заруцкий на круг не поехали. Ляпунов тоже отказал посланному за ним атаману Сергею Карамышеву. Тогда круг направил к Ляпунову двух детей боярских: Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов поехал к казакам в сопровождении нескольких дворян.

Когда Ляпунов вошел в круг, атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал грамоту воеводе грамоту. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». В ответ Карамышев ударил воеводу саблей. Ляпунова пытался защитить дворянин Иван Никитич Ржевский, но озверелые казаки изрубили саблями обоих.

Заметим, что ни Трубецкой, ни тем более Заруцкий не пытались не только защитить Ляпунова, но даже соблюсти приличия после его смерти. Три дня изрубленные тела Ляпунова и Ржевского валялись рядом с казацким острожком. Тела были сильно обезображены бродячими собаками. Лишь на четвертый день тела бросили в простую телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь и там захоронили без всяких почестей. Надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 7119 года июля в 22 день».

Убийство воеводы показало, что главные воеводы потеряли контроль над ополчением, а само ополчение из земской рати, вставшей на защиту отечества, превратилось в шайку разбойников.

Через несколько дней после убийства Ляпунова в ополчение из Казани доставили список с иконы Казанской богородицы. Руководство ополчения решило устроить торжественную встречу иконы. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казакам решили, что служилые люди хотят отличиться от них благочестием, и они начали оскорблять их. Вскоре казакам и этого показалось мало, и они пустили в ход сабли. Несколько десятков дворян и стрельцов было убито и ранено. Заруцкий и Трубецкой, как и в случае с Ляпуновым, принципиально не вмешивались.

После этого инцидента началось массовое бегство из ополчения дворян и других служилых людей. Наиболее богатые из дворян покупали у Заруцкого воеводства и другие должности и отправлялись на места службы наверстывать заплаченные деньги.

Под Москвой остались в основном воровские казаки и некоторое число дворян, привыкших к разбоям и разгульной жизни. Большинство из

них привыкло жить и ладить с казаками в Тушине и Калуге у Лжедмитрия II.

4 августа 1611 г. к Москве вновь подошло воинство Петра Сапеги, везшее с собой большой обоз с провиантом. Сапега атаковал казачьи острожки за Яузой, намереваясь прорваться в Китай-город через Яузские ворота. Однако казакам удалось отбиться от сапеженцев. Из Белого города пошли на вылазку поляки Гонсевского, и тоже были отбиты с большим уроном.

На следующий день Сапега напал на русских с Запада. Навстречу ему опять сделали вылазку осажденные. В Белом городе шли ожесточенные бои. Полякам удалось захватить Арбатские и Никитские ворота Белого города и беспрепятственно провести в Кремль обоз с продовольствием. Позже поляки — участники сражения — писали, что русские были чрезвычайно испуганы, и вечером 5 августа их можно было разгромить наголову. Однако когда Гонсевский попытался ввести в бой свежие хоругви^[28], стоявшие в Кремле, то они попросту отказались выходить из-под защиты стен.

Утром 6 августа Гонсевский и Сапега отдали приказ о генеральной атаке русских. И на сей раз несколько хоругвей отказались повиноваться. Гонсевскому пришлось дать отбой. Вскоре Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского.

В марте 1611 г. литовский гетман Карл Ходкевич с частью польских войск, дислоцированных в Ливонии, двинулся на Русь. Для начала он осадил Печерский монастырь.

Осада монастыря продлилась шесть недель. Поляки семь раз ходили на приступ и были отбиты. Из Риги доставили несколько тяжелых осадных орудий, среди которых были большие стенобитные пушки «Самсон» и «Баба». Башни и стены крепости были повреждены бомбардировкой, но осажденные не сдавались. В конце концов, Ходкевичу пришлось снять осаду с монастыря и двинуться к Москве.

Заруцкий и Трубецкой знали о походе гетмана и решили взять Москву до его прихода. 15 сентября осаждающие начали бомбардировку Китай-города. Каленые ядра и мортирные бомбы вызвали сильный пожар. Ополченцы пошли на штурм и ворвались в Китай-город, однако вскоре были выбиты польскими хоругвями, вышедшими из Кремля.

По ряду причин Ходкевич задержался и подошел к Москве только в конце октября. Ходкевичу удалось прорваться в Москву. Однако доставленные им запасы продовольствия были незначительны. Пожары же 15 сентября в Китай-городе уничтожили большую часть продовольствия и

особенно фуража.

Пан Ходкевич был опытным полководцем и, правильно оценив ситуацию, счел за лучшее ретироваться из столицы. Он зазимовал в монастыре в Рогачеве в 20 верстах от Ржевска.

Бояре, сидевшие в Кремле, видели, что только прибытие Сигизмунда с войском может их спасти. В начале октября они направили к королю новое посольство, в которое входили князь Юрий Никитич Трубецкой, Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Яков. В грамоте к Сигизмунду говорилось, что новое посольство отправляется потому, что старые послы, как писал сам король, действовали не по тому наказу, который был им дан, ссылались с калужским вором, с осажденными в Смоленске, с Ляпуновым и другими изменниками. Эта грамота начиналась словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Аресений архиепископ архангельский и весь освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольные и т. д. Среди подписантов были, разумеется, и Романовы — боярин Иван Никитич и стольник Михаил Федорович. Патриарху Гермогену на подпись грамоту не дали, да он никогда и не согласился бы подписать грамоту, в которой бояре называли себя подданными польского короля.

Посольство должно было доставить радость королю. Бояре согласились практически со всеми его условиями. Но, увы, это посольство представляло не русское государство, а несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Сигизмунд же не шел под Москву не потому, что ждал боярского приглашения, а потому, что не имел возможности идти. Его удерживали происки панов-рокошан и масса иных обстоятельств, но главное — у него не было денег. Создалась патовая ситуация: Гонсевский не мог долее удерживать Москву, Заруцкий и Трубецкой не могли взять Москву, король не мог выручить Гонсевского. Сложившуюся ситуацию могла кардинально изменить лишь новая сила. И эта сила не замедлила появиться.

Глава 9. Минин поднимает Нижний Новгород

Тяжело раненный Дмитрий Пожарский несколько недель лежал у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, а затем отправился долечиваться в свою вотчину Мугреево. А тем временем сосед Дмитрия Михайловича по суздальским имениям стольник Гришка Орлов попытался захватить вотчины Пожарского. Сам Гришка во время московского восстания был на стороне поляков. Узнав об участии Пожарского в восстании и его тяжелом ранении, Орлов тут же накатал грамоту на имя польского короля: «Наияснейшему великому государю Жигимонту, королю польскому и великому князю литовскому, и государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси бьет челом верноподданный вашие государские милости Гришка Орлов. Милосердные великие государи! Пожалуйте меня, верноподданного холопа своего, в Суздальском уезде изменничьим князь Дмитриевым помещенцом Пожарского, селцом Ландехом Нижним з деревнями; а князь Дмитрий вам государем изменил, отъехал с Москвы в воровские полки, и с вашими государевыми людьми бился втепоры, как на Москве мужики изменили, и на бою втепоры ранен. Милосердные великие государи! Смилуйтеся, пожалуйте».

Прошение это Гришка подал Гонсевскому, а тот приказал Мстиславскому выдать стольнику жалованную грамоту. Боярская дума немедленно известила крестьян Нижнего Ландеха об их новом владельце: «И вы б все крестьяне, которые в том селе и в деревнях и в починках живут и на пустошах учнут жити, Григория Орлова слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили».

В Мугрееве воевода узнал об осаде Москвы первым ополчением, о кознях казаков против Ляпунова и о его гибели, о массовом уходе дворян и служилых из ополчения.

Наступил самый критический момент Смутного времени. Первое ополчение разлагалось. Чтобы спасти Россию, нужна была новая сила и новый вождь.

Летом 1611 г., когда Ляпунов был еще жив, архимандрит Троицкого монастыря Дионисий разослал грамоты в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, где говорилось: «Православные христиане, вспомните истинную православную

христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронova и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве. Где святые божии церкви и божии образы? Где иноки, сединами цветущие? Инокнии, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

6 октября 1611 г. монахи Троицкого монастыря опять разослали грамоты по городам с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за православную христианскую веру, никаких запасов не пропускать и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель...»

Троицкие грамоты публично зачитывались на площадях и в церквях русских городов. Так было и в Нижнем Новгороде. Там их зачитал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамот закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «Что же нам делать?» И тут раздался громкий голос: «Ополчаться!» Это сказал земской староста Кузьма Минин Сухорук.

К Кузьме Минину хорошо подходят слова кардинала Мазарини об Оливере Кромвеле: «Такие люди, как удар молнии, о ней узнают, когда она поражает...»

До нас дошли лишь скудные сведения о жизни Кузьмы Минина до 1612 г. Ко времени выступления в Спасо-Преображенском соборе ему было около 50 лет.

Кузьма родился в многодетной семье балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. Предположительно, отец Мины перебрался в Балахну из-за Волги, где жили его предки-крестьяне. Сам же Мина владел несколькими деревнями на луговой стороне Волги близ устья впадающей в нее реки Узолы. В записи Писцовой книги 1591 г. дворцовой Заузольской волости говорится: «Деревня Протасьева Щекина на Микольском истоке, деревня Сорвачева на речке на Чуди, деревня Лютикова Казариновская за балахонцем за посадским человеком за Минею за Анкудиновым». При этих деревнях было около четырнадцати десятин пахотной земли и семь десятин

хоромного леса. Надо ли говорить, что Мина Анкудинов слыл одним из богатейших жителей Балахны.

Солевой промысел приносил Мине большой доход. Он был совладельцем большой «рассольной трубы» (промысла) Каменка.

Предание гласит, что Кузьма Минин был крещен в Никольской церкви — первой каменной церкви в Балахне, которая сохранилась до наших дней. А недалеко от церкви есть озерцо, вокруг которого Кузьма посадил ветлы.

По архивным данным историки установили, что у Кузьмы было два старших брата — Федор и Иван, и два младших — Сергей и Бессон. Проезжая в Нижний Новгород, Мина Анкудинов, вероятно, оставил старшим сыновьям Федору и Ивану все хозяйство, принадлежавшее ему в Балахне. Историк Игорь Александрович Кирьянов нашел в синодике Спасо-Преображенского собора несколько упоминаний о Федоре Минине, где он именуется то Федькою Мининым, то Федором, то Федькою Мининым сыном Анкудиновым.

Воззвание Кузьмы Минина к нижегородцам. Худ. А. Д. Кившенко. XIX век

Судя по ссылкам Писцовой книги 1674–1676 гг. на Писцовую книгу Балахны 1628 г., Федор Минин был совладельцем четырех рассольных труб, включая варницы Прибыток и Каменку, совместно с братом Иваном

владел варницами Новик и Налет, двумя лавками в Большом ряду, двумя лавочными местами в Рыбном и Щепетильном ряду на балахнинском торге. А в трубах Каменка, Лунитская, Большая Золотуха и Пospelовская за ними было 875 бадей рассола.

Все это позволяет сделать однозначный вывод об огромном богатстве Мининых. Но самое интересное, что совладельцем принадлежавшей Федору Минину рассольной трубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский!

Так что, прежде чем стать товарищами по второму ополчению, Минин и Пожарский были товарищами в добыче и продаже соли.

Кузьме было около двенадцати лет, когда он с отцом переехал из Балахны в Нижний Новгород. Они поселились на посаде Благовещенской слободы у старинного мужского монастыря. Дом Кузьмы Минина стоял «на горе на всполье», сейчас это место называется Гребешком.

Летом 1597 г. в Нижнем Новгороде произошла страшная катастрофа — мощный оползень снес богатую Печерскую обитель. Как писал местный летописец: «...В третьем часу ночи... В нижнем Нове-Граде в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажень на 50, а инде и больши... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на берегу на сухе, сажень двадцать от воды и больше. И после того как поникла гора, пошли из горы ключи великие...»

Монастырь был восстановлен нижегородцами на новом месте. Вот тогда мог внести первые вклады в его строительство Мина Анкудинов, ставший через некоторое время иноком этого монастыря под именем Мисаил.

После ухода отца в монастырь Кузьма Минин вместе с братьями продолжает его дело. Кроме доли в рассольных трубах брата Федора у Кузьмы была своя мясная лавка на нижегородском торгу и скотобойня. Имел Кузьма и большой дом в городе, хотя семья его была невелика — жена Татьяна Семеновна, да сын Нефедий.

Сочетание богатства и честности у Кузьмы Минина вызвало уважение горожан, которые избрали его земским старостой. Земской староста фактически был посредником между властями в лице городского воеводы и московской администрации и горожанами. Основной функцией земского старосты был сбор налогов с населения, что, естественно, давало рычаг управления как в отношении горожан, так и в известной степени в отношении воеводы.

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было несколько «царей», законность большинства воевод становилась сомнительной, а власть их уменьшалась. Соответственно, существенно возрастала роль земского старосты.

Большинство наших историков считает Минина неграмотным. Основано подобное мнение на том, что в грамотах за Минина «прикладывал руку» князь Пожарский. Но это могло быть данью этикету, и связано с низким социальным статусом Минина, а может, он просто не мог подписываться правой рукой, вспомним его прозвище — Сухорук. Солепромышленники были одной из самых богатых категорий купцов, и вряд ли Мина Анкудинов не захотел учить своего сына грамоте.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Ефимьев. В 1606 г. царь Василий специальной грамотой потребовал от всех попов Нижнего Новгорода «спасского протопопа Саввы слушати, на собор по воскресеньям к молебнам и по праздникам к церквам приходить». Савва мог наказывать любого из попов и даже «сажати в тюрьму на неделю».

Савва, встав в соборе перед святыми воротами, обратился к пастве со словами: «Увы нам, чада мои и братия, пришли дни конечной гибели — погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своем умыслили Московское государство разорить и непорочную веру в латинскую многопрелестную ересь обратить!.. Из-за грехов наших попускает господь врагам нашим возноситься. Прекрасный град Москву оные еретики до основания разрушили и москвичей всеядному мечу предали. Что сделаем, братия, и что скажем? Не утвердиться ли нам в единении и не стать ли насмерть за веру христианскую, чистую и непорочную, и за святую соборную и апостольскую церковь во имя богородицы, ее честного успения и за многоцелебные мощи московских чудотворцев. О том и грамота просительная из Троице-Сергиева монастыря...»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», то послышались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?» Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ. Начали сбор денег.

Пришла вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставлю себе». Кто не хотел давать деньги добровольно, у того брали силой.

Кузьма Минин оказался прекрасным организатором и, как сейчас говорят, «крепким хозяйственником». Но стать главой ополчения ему не позволяло происхождение и незнание ратного дела. Ополчению нужен был вождь. Старый нижегородский воевода Александр Репнин пошел было в первое ополчение, но там себя ничем не проявил, а после убийства Ляпунова купил себе у Заруцкого воеводство в Свияжске.

Минин предложил пригласить воеводой Дмитрия Михайловича Пожарского. Как воевода Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник Пожарский ни разу не нарушил верность царю. Он был предан последовательно Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Пожарский не присягал ни Тушинскому, ни Псковскому воям, равно как и королю Сигизмунду, и королевичу Владиславу.

Очень важно было и то, что Пожарский находился рядом с Нижним в селе Мугреево. Наконец, не последнюю роль сыграло и личное знакомство Кузьмы Минина с князем.

По призыву Минина и Ефимьева горожане единодушно решили позвать на воеводство князя Пожарского. Несколько раз посылали нижегородцы гонцов к князю Пожарскому с просьбой возглавить ополчение, но он отвечал отказом. Это было связано, с одной стороны, с этикетом — на Руси не было принято соглашаться с первого раза (вспомним, как отказывался от престола Годунов, и далее мы узнаем, как ломал комедию Михаил Романов), а с другой стороны, Дмитрий Михайлович хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец, в Мугреево было отправлено большое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. Там же был соратник воеводы сын боярский Ждан Петрович Болтин и богатые нижегородские купцы. Тут Пожарский вынужден был согласиться и сказал: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Послы сказали, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что Пожарский ответил: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин также сначала отказывался, чтобы нижегородцы согласились на все его условия.

«Соглашусь, — говорил он, — если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре, чтобы не только отдавать свои имения, но и жен и детей продавать. Кузьма взял подписанный приговор и отправился с ним к князю Пожарскому, пока нижегородцы не передумали.

Денег на ополчение нижегородцы собрали довольно много. Но профессиональных военных почти не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось свыше трехсот служилых людей (дворян, детей боярских и боевых холопов), а сейчас их осталось менее пятидесяти. Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывало свыше двух тысяч дворян из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Смоленские дворяне были с детства привычны к оружию. И это не традиционное преувеличение. Русский царь и польский король могли десятилетиями быть в мире, но ни одного года не обходилось без нападения грабителей-шляхтичей на пограничные смоленские земли.

Еще до вторжения в Россию армии Сигизмунда царь Василий велел смоленским служилым людям отправиться на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. После разгрома русских войск у Клушина смоляне остались без командования и без средств, поскольку в их имениях уже бесчинствовало польское коронное войско.

Как уже говорилось, семибоярщина боялась своего народа, а особенно русских ратников. Еще до московского восстания бояре под предлогом защиты окраины по частям распихали по дальним городам почти всех московских стрельцов. А смоленские дворяне вызывали у семибоярщины особое опасение. Кнута у бояр не было, и они вспомнили о прянике. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах смоленским дворянам были выделены довольно приличные поместья. Однако Иван Заруцкий и его казаки сами зарились на эти богатые земли и отправили администраторам уездов и крестьянам грамоты, в которых постановление семибоярщины было объявлено незаконным, а имения смолянам велено не отдавать. Дело дошло до столкновений смолян с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подоспела грамота Минина с предложением дворянам идти в ополчение, и большинство их откликнулось на этот призыв.

В Мугреево к Пожарскому начали съезжаться смоляне. Князь двинулся в Нижний Новгород уже в сопровождении нескольких сотен дворян, по пути к нему присоединилось еще несколько отрядов. В Нижний Новгород

торжественно вошло уже целое войско, причем войско профессиональное, состоящее из дворян и их боевых холопов. Все горожане высыпали на улицы встречать славного воеводу. Они приветствовали его радостными криками. У Спасского собора в кремле Пожарского ждали «лучшие» люди — протопоп собора Савва, архимандрит Феодосий, воеводы князь Василий Андронов Звенигородский и Андрей Семенович Алябьев, дьяк Василий Семенов, стряпчие Иван Биркин и Василий Юдин и, конечно же, руководители ополчения — Кузьма Минин и Ждан Болтин.

Минин и Пожарский. Худ. А. В. Тыртов. 1859 г.

В тот же день ополченцам было роздано жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне — по 40 рублей, стрельцы — по 30 рублей, остальные — по 20 рублей. Заметим, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал на поход 20 рублей. Деньги были немалые, а для ведения войны требовалось во много раз больше. Поэтому нижегородцы разослали по всем городам грамоты: «...междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди,

умыслили Московское государство разорить, и бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москву были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми.... идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы свею землю о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим.... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Содержание грамот было фактически манифестом второго ополчения. Минин и Пожарский открыто заявили всей стране, что они не только хотят избавить Русь от поляков и литовцев, но и наведут в стране порядок — «никакого дурна никому делать не дадим». Хотя Заруцкий и Трубецкой не были поименно названы, ни у кого не было сомнения, как к ним относятся вожди второго ополчения. Как писал историк С. М. Соловьев, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

Нижегородские грамоты произвели большой эффект по всей стране. В Нижний чуть ли не ежедневно приходили отряды из Коломны, Рязани, с юго-запада Руси и из сибирских городов. К ополчению присоединилась и часть московских стрельцов, разосланных по городам семибоярщиной. В ополчение со своими дружинами пришли и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Лопата, Иван и Роман Пожарские, дети Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде у Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 г. отлили первые пушки. Богатые купцы Никитовы, Лыткины, Доцанниковы и другие передали Минину несколько тысяч рублей. Одни только промышленники Строгановы дали на ополчение 4660 рублей.

К удивлению нижегородцев, в помощи отказала Казань. Там власть сосредоточилась в руках дьяка Никанора Шульгина, который сам претендовал на роль спасителя отечества.

Шульгина активно поддерживал его сват — богатый горожанин Амфилахий Рыбушкин. Монахи Троице-Сергиева монастыря отправили специальную грамоту Шульгину и Рыбушкину, где потребовали от них поддержать ополчение Минина и Пожарского. Те игнорировали просьбу монахов. Тогда троицкие власти вызвали к себе Пимена — отца Амфилахия Рыбушкина, который был архимандритом старицкого Богородицкого монастыря, и «за измену сына томили его тяжкими трудами — заставляли печь хлебы» и т. д.

Д. М. Пожарский. Художник Е. Павлов. 1812 г.

Поляки и семибоярщина узнали о созыве второго ополчения, когда князь Пожарский еще был в Мугрееве. Я здесь впервые упомянул термин «второе ополчение», введенный историками в употребление еще во второй половине XIX века, которые первым ополчением именовали войско Ляпунова, а позже Трубецкого, а вторым — ополчение Минина и Пожарского. Как-либо помешать сбору второго ополчение ни семибоярщина, ни поляки не могли за неимением свободных войск. Боярской думе оставалось лишь вести психологическую войну — рассылать грамоты, обличающие вождей второго ополчения. Бояре начали уговаривать Гермогена, чтобы он написал туда грамоту и запретил поход на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. От твердо заявил: «Да будут благословенны те, кои идут на очищение

Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

До января 1612 г. воевода Пожарский прославился знанием тактики и личной храбростью. Возглавив ополчение, он с первых дней показал себя незаурядным стратегом и искусным политиком. Кузьма Минин во всем безоговорочно поддерживал воеводу. Оба вождя понимали, что идти прямо к Москве на соединение с Заруцким и Трубецким — это повторить судьбу Ляпунова и погубить второе ополчение.

В январе 1612 г. Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздалью, осажденному польскими отрядами. В дальнейшем князь предполагал сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Мало того, в Суздале предполагался созыв Земского собора, на котором были бы представлены все русские земли. Земской собор должен был решить вопрос об избрании царя: «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всюю землей выберем на Московское государство государя, кого нам бог даст».

Пожарский правильно оценил ситуацию. Война Нижегородского ополчения с поляками — это элемент бесперспективной гражданской войны, так как за ополчением стоит лишь земская власть Нижнего Новгорода. А когда за ополчением будет стоять государственный аппарат во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа. Царь же должен быть избран Земским собором представителями всех городов Руси, а не пьяными казаками, выдвинувшими уже десятка два самозванцев. Понятно, что на Земском соборе, проходящем под охраной ополчения Пожарского, и речи не будет о псковском Лжедмитрии или воренке Марины Мнишек. Теоретически могли быть рассмотрены лишь два варианта: избрание заморского королевича и выборы князя Рюриковича. Первый вариант был маловероятен — уж очень всем памятен случай с королевичем Владиславом. А если выбирать своего, русского, то кого? Шуйские в польской темнице, Голицыны, Мстиславские, Романовы также в руках поляков, и те их даже на собор не выпустят. Тушинский боярин Трубецкой силен лишь в окружении казаков, о нем и речи не будет. Таким образом, решение собора нетрудно предугадать.

Это прекрасно понимали и в подмосковном казачьем лагере. Реакция последовала незамедлительно. На Суздаль были срочно брошены казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Польские войска отошли без боя, и Суздаль был занят казаками. Таким образом, прямой путь Пожарскому к Москве был закрыт. Конечно, дворянское ополчение без труда могло выбить казаков из Суздаля, но начинать войну с первым ополчением было нецелесообразно в военном, а главное, в политическом

отношении. Поэтому Пожарский решил двинуть рать в обход Москвы по Волге.

Между тем осложнилась обстановка на севере Руси. 8 июля 1611 г. самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскова шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Ивангород. 4 декабря 1611 г. Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем.

Вождем первого ополчения давно требовался кандидат на престол. Многие казаки, не говоря уж о дворянах, не любили Заруцкого и не желали «воренка» Ивана Дмитриевича. Поэтому в Псков срочно была послана делегация казаков во главе со сподвижником Тушинского вора Казарином Бегичевым. В Пскове Казарин только взглянул на самозванца, как закричал во всю мочь: «Вот истинный государь наш калужский!» 2 марта 1612 г. по предложению Ивана Плещеева первое ополчение присягнуло Псковскому вору или, как его иногда называют историки, Лжедмитрию III.

Узнав о намерении Пожарского двинуть войско на Москву в обход, Трубецкой и Заруцкий решили опередить его и захватить Ярославль, тем самым преградить путь Пожарскому по Волге и отрезать ополчение от русского Севера. К Ярославлю с атаманом Андреем Просовецким двинулся большой отряд воровских казаков.

Пожарский среагировал немедленно и выслал к Ярославлю мобильный отряд под началом Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Основные же силы ополчения торжественно двинулись в поход из Нижнего Новгорода в день Великого поста 23 февраля 1612 г. В Балахне, первом городе на пути ополчения, жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам.

Плещеев был «липовым боярином», получившим сей чин у Тушинского вора. Позже он пошел в первое ополчение, но после убийства Ляпунова покинул его. Под Москвой Плещеев вдоволь насмотрелся на казацкие бесчинства и безоговорочно встал на сторону Минина и Пожарского.

Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник Владислава, не пожелал впустить в город ополчение. Но жители ударили в

набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось спасти Шереметева, которого горожане хотели казнить. По просьбе костромичей Пожарский назначил им нового воеводу князя Романа Ивановича Гагарина, который несколько недель до этого уже воеводствовал в Костроме. Гагарин отличился в войне с Болотниковым, однако потом переметнулся к Лжедмитрию II в Тушино. «Воровские» нравы его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, который был вынужден прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых отозвался на призыв Минина и вступил в ополчение.

В Ярославле власть была в руках престарелого боярина Андрея Куракина и дьяка Михаила Данилова. К ним присоединился приехавший из первого ополчения стольник Василий Бутурлин. Весть о присяге первого ополчения Псковскому вору и прибытие отряда Лопаты произвели должное впечатление на Куракина, и он счел за лучшее присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки второго ополчения. В первых числах апреля 1612 г. основные силы ополчения под колокольный звон вступили в Ярославль.

Глава 10. «Ярославское правительство»

Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанская администрация была вынуждена признать власть Минина и Пожарского и отправить к ним большой отряд ратников.

4 апреля 1612 г. в Ярославль пришла грамота из Троице-Сергиева монастыря. Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злему воровскому казачьему заводу затеяли под Москвою в полках крестное целованье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Димитрием; боярина князи Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от казаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам, и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми, и над теми врагами, которые завели теперь смуту. И вам бы положить на своем разуме о том: может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у вседержителя, да отвратит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам порухи не сделали. Нам известно, что замосковские города — Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, сто в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали, ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его казакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите придти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду».

В этой грамоте также говорилось о страдальческой кончине патриарха Гермогена: «В изгнании нужне умориша».

Я специально подробно привожу грамоту монахов, которую никак не

комментировали ни Соловьев, ни другие историки. А ведь суть грамоты — «соберитесь в одно место, где бог благословит» и выберите царя. А где может бог благословить, указано ниже: «...поспешите придти к нам в Троицкий монастырь». Понятно, что монастырское начальство крайне обеспокоено, как бы Земской собор не собрался в Ярославле и не выбрал бы царя без них. А Дионисий и Палицын очень хотели провести собор в Троице-Сергиевом монастыре. Там вполне могло случиться и чудо — явился бы Сергей Радонежский и указал бы достойного кандидата на престол. Кроме того, у монахов были вполне земные аргументы: крепкие стены и большие пушки Троицы. Наконец, недалеко было и первое ополчение, и троицкие монахи надеялись контролировать ситуацию, играя на противоречиях руководителей ополчения. Надо ли говорить, что Минин и Пожарский не попались в ловушку для дураков. Они и не подумали идти в Троицу, а призыв монахов выбрать «пастыря» использовали в своих грамотах, рассылаемых по стране.

Священномученик Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси (1530–1613). Икона XIX века

7 апреля из Ярославля по городам пошли грамоты, где говорилось: «Бояре и окольные, и Дмитрий Пожарский, и стольники и дворяне большие и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князя, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкарники и всякие служилые и жилацкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, Бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (далее следовало перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и последовавшего за этим буйства казаков). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы, и казаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке, желая бояр, дворян и всех лучших людей обить, именье из разграбить и владеть по своему воровскому казацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавлен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы все православные христиане общим советом, согласились со всею землею, обет богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылатся? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему совету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, и с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощадя своего именья, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь изо всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье».

Под грамотой стояло 49 подписей, причем Дмитрий Михайлович

Пожарский оказался на десятом месте, а Кузьма Минин — на пятнадцатом. Подписи под официальными документами в те времена и сейчас ставятся не по алфавиту, а по должностям подписантов. И вот это десятое место, на котором стоит подпись Пожарского, обязательно обыгрывается всеми без исключения авторами, писавшими о Пожарском. Одни пытаются умалить роль воеводы, другие считают это доказательством особой скромности и отсутствием честолюбия. Например, Дмитрий Евдокимов^[29] объясняет десятое место князя тем, что «будучи человеком скромным, Пожарский не желал выпячиваться сверх меры».

Так почему же Дмитрий Михайлович оказался на десятом месте? Воевода вполне мог поставить себя и на первое место, но решил поскромничать. Однако эта «скромность» была сродни его многочисленным отказам принять командование над ополчением. Да и к тому же он был просто стольником, а в психологическом плане в письме к горожанам лучше начинать с подписей бояр, благо мало кто знал, как это боярство было получено. Наконец, как можно написать «выбрать бы нам общим советом государя», и сразу же подпись — Пожарский. Это прямая заявка на престол. А по обычаям того времени надо спрятаться и долго ждать, пока тебя упроят взять шапку Мономаха.

Таким образом, порядок в подписях под грамотой не отражал ни реальной власти, ни чинов, ни «породистости» подписантов. Дело в том, что во втором, как, впрочем, и в первом ополчении не было ни одного боярина, возведенного в этот чин Грозным или Годуновым. Подавляющее большинство чинов было присвоено Тушинским вором, а в отдельных случаях и Василием Шуйским. Но по конъюнктурным причинам Минин и Пожарский, принимая людей в ополчение, формально сохраняли их чины, включая боярские, невзирая на то, кто их дал.

Первая подпись под грамотой принадлежала боярину Василию Петровичу Морозову. Он был потомком беспородных московских бояр. Родоначальник Морозовых Иван Мороз жил в середине XIV века, происхождение же его неизвестно. Василий Петрович Мороз был в 1601 г. произведен царем Борисом в окольничие. В 1608 г., будучи казанским воеводой, он присягнул Лжедмитрию II, за что и получил «тушинское боярство».

Вторая подпись принадлежала боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову. Рюриковичи Долгоруковы вели свой род от князя Ивана Андреевича Оболенского, получившего прозвище Долгоруки. В роду Долгоруковых до начала смуты не было ни одного боярина. Тимофей Иванович Долгоруков был окольничим, а его сын Владимир в начале

Смутного времени служил воеводой в Пронске. Боярство он получил в 1608 г. от Лжедмитрия II, позже служил семибоярщине, а от них переметнулся к Минину. Забегая вперед, скажу, что дочь Т. И. Долгорукова в 1624 г. стала женой царя Михаила, но через несколько месяцев умерла.

Третья подпись была Федора Васильевича Головина. Головины вели свой род от знатного византийца Комнина, по какой-то надобности захавшего в Москву. Никаких документальных подтверждений эта «липа» не имеет. Настоящим родоначальником Головиных является дворянин Иван Ховрин, служивший при Иване III. Ф. В. Головин был одним из тех, кто впустил в 1610 г. поляков в Кремль.

Четвертым подписался князь Иван Большой Никитович Одоевский^[30], пятым — князь Василий Пронский, шестым — князь Федор Федорович Волконский-Мерин, седьмым — Матвей Плещеев, восьмым — стольник князь Алексей Михайлович Львов, девятым — Мирон Андреевич Вельяминов-Зернов.

Как видим, среди первых девяти подписантов нет ни знати, ни настоящих бояр. Естественно, что все они имели свои интересы, обладали в большей или меньшей степени честолюбием, но ни один из них не годился даже в руководители ополчения, не то, что в кандидаты на престол. Это и подтвердила их судьба — после 1613 г. никто из них не сделал значительной карьеры, если не считать именитого тестя Тимошу Долгорукова, после которого возникла легенда, что девицы Долгоруковы приносят несчастья царям^[31].

Надо ли говорить, что если бы Минину и Пожарскому удалось собрать собор в Ярославле, то все девять добрых молодцев-подписантов стали лишь хорошей декорацией для единственной кандидатуры на престол — Дмитрия Михайловича Пожарского.

Созыв собора в обстановке смуты и хаоса — дело не недель, а долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, было создано земское правительство, управляющее уже большей частью России.

По указанию Минина и Пожарского в Костроме, Суздале, Устюжне, Угличе, Переславле-Залесском, Белоозере, Тобольске, Ростове, Владимире, Кашине, Твери, Касимове были сменены воеводы, на место которых были поставлены верные люди. В Ярославле возникли учреждения типа министерств: Поместный приказ (им руководили дьяки Г. Мартемьянов и Ф. Лихачев), Разрядный приказ (А. Варев и М. Данилов), Большой дворец (Н. Емельянов), Монастырский приказ (Т. А. Витовтов и Н. Дмитриев), Посольский приказ (С. Романчуков). Сибирскими территориями стал

ведать С. В. Головнин, а Новгородской четвертью — сначала В. Юдин, затем — А. Иванов.

Козьма Минин. Гравер Г. А. Афанасьев

До нас дошло множество документов, изданных Приказами по финансовым, административным, местническим и иным делам. Например, Приказ Большого дворца — 16 июня 1612 г. по наказу стряпчему Матусову было велено «доправить с Белоозера с посада и с уезда все четвертные доходы». Грамота от 8 апреля 1612 г., подписанная Пожарским о ненарушении тарханских грамот, пожалованных прежними государями Кириллову монастырю. Грамота от 26 мая 1612 г. на Верхотурье о взыскании с торговых людей денег и хлебных запасов на жалованье сибирским служилым людям. Таких грамот — сотни. Впервые за много лет Смуты на русской земле начал устанавливаться порядок.

В Ярославле был устроен Денежный двор, и началась чеканка монеты. Земское правительство вступает в переговоры с зарубежными странами.

Значительную роль в правительстве играл Кузьма Минин.

Нижегородский мещанин получил необычный и внушительный титул — «Выборный всею землей человек». Минин даже обзавелся собственной печатью, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с креслом стояла амфора. Все это символизировало смысл деятельности Минина — собрание и хранение государственной казны.

Разумеется, кроме светской власти должна быть власть и духовная. Для созыва Большого собора нужно было время, а пока был создан Духовный совет, во главе которого был поставлен бывший ростовский митрополит Кирилл. Тот самый Кирилл, которого без особых оснований сместил с митрополии Гришка Отрепьев, дабы поставить туда своего благодетеля Филарета Романова. С 1606 г. Кирилл проживал в Троице-Сергиевом монастыре. Выбор Кирилла не был случаен. В начале 1612 г. в Москве от рук поляков принял мученическую кончину патриарх Гермоген. Филарета Романова, гостившего у польского короля, ни патриархом, ни митрополитом в Ярославле не считали. По церковному обычаю следующим по старшинству после патриарха считался крутицкий митрополит Пафнутий, сидевший в Кремле с поляками. Далее шел новгородский митрополит, но новгородский митрополит Исидор был в шведском плену. За ним следовал казанский митрополит Ефрем, но он был крайне необходим в Казани, а далее следовал по старшинству ростовский митрополит. Таким образом, в Ярославле была организована и своя церковная власть, и под рукой был почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Для поднятия боевого духа ополчения Минин и Пожарский успешно использовали провоз через Ярославль иконы Пречистой Богородицы Казанской. В 1611 г. казанские ратники привезли ее под Москву в войско Ляпунова, а теперь везли по Волге в Казань. В Ярославле было организовано несколько молебнов у иконы, и с нее местные богомазы сделали список (копию). Этот список и отправили по Волге в Казань, а подлинник стал главной святыней ополчения. По свидетельству летописца, «ратные ж люди велию веру начата держати к образу Пречистыя Богородицы...»

Ратная икона «Благословение Преподобным Иринархом, затворником Борисоглебским, православного русского воинства, народных героев — вождей и спасителей Отечества — Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 году»

Ярославское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен Ивана III. Но с другой стороны новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий

Михайлович Пожарково-Стародубский».

ши Дамиръс" поѣско
рѣиѣ прилоѣи

Печать и подпись князя Д. М. Пожарского

Деятельность ярославского правительства начала приносить плоды. Даже отдаленные области Поморья и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

В мае 1612 г. в Ярославле возникла «моровая язва». Умерло несколько десятков ополченцев. Часть дворян, не спросясь у воеводы, покинула город и отправилась в свои поместья. По приказу Пожарского были выставлены заставы с казаками, никого не выпускавшие из Ярославля.

Ополченцы и ярославцы дали обет для избавления от мора в один день построить церковь Спас Обыденный. Приступили к постройке в ночь на 24 мая, и уже вечером началось освящение. В тот же день воевода Пожарский с крестным ходом прошел от главного собора до городских ворот, а затем обошел все крепостные валы.

И диво — мор действительно прекратился столь же внезапно, как и начался. Чудесное избавление Ярославля от мора не могло не усилить веру ополченцев в правоту своего дела и поднять авторитет их вождя.

В отношении первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой удалось избежать не только войны, но даже и официального разрыва между ополчениями. С другой стороны, по всей стране рассылались грамоты с обличениями руководителей первого ополчения. С некоторой долей упрощения ситуации это можно представить так: Минин и Пожарский признавали власть первого ополчения только под Москвой и больше нигде. В места, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, посылались отряды дворян, которые выдавливали оттуда казаков, а кое-где и выбивали силой.

В апреле 1612 г. к Суздалью подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаману Просовецкому пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов подошел к Переславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В том же мае князь Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, но к остальным пришлось применить силу.

Чтобы очистить путь на север, Дмитрий Пожарский отправил в Пошехонье отряд Лопаты-Пожарского. Воровские казаки были выбиты из Пошехонья. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где засел воевода первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского.

Торжок и Владимир также подчинились «Совету всей земли», созданному в Ярославле.

Считая себя правителем государства, Пожарский взял в свои руки все внешнеполитические дела. Воевода прекрасно понимал, что у второго ополчения нет сил для одновременной войны с поляками и шведами, и решил выиграть время, вступив в переговоры со Швецией. Для этого 13 мая 1612 г. в Новгород был послан Степан Татищев с грамотами от Минина и Пожарского к митрополиту Исидору, новгородскому воеводе князю Ивану Большому Никитичу Одоевскому и шведскому воеводе Якобу Делагарди^[32].

В грамотах к митрополиту и воеводе Одоевскому содержались запросы о состоянии дел в Новгороде и о взаимоотношениях со шведскими оккупантами. В грамоте к Делагарди Минин и Пожарский писали, что если король шведский «даст брата своего на государство и окрестит его в православную христову веру», то второе ополчение поддержит его кандидатуру на русский престол.

19 мая Татищев отправился обратно в Москву с грамотами от Исидора, Одоевского и Делагарди, которые обещали прислать своих послов в Ярославль. Вернувшись, Татищев сообщил, что в Новгороде от шведов «христианской вере никакой порухи и православным крестьянам разорения никакого нет, а живут по-прежнему безо всякое скорби», и что шведский принц Карл-Филипп ожидается вскоре в Новгороде по воле Новгородского государства.

Начало переговоров со шведами дало повод руководству второго ополчения разослать грамоты по украинским городам^[33], которые поддерживали псковского вора, Марину и ее сына: «Только вы от того вора отстанете и с нами будете в соединении, то враги наши, польские и литовские люди из Московского государства выйдут; если же от вора не отстанете, то польские и литовские люди Москву и все города до конца разорят, всех нас и вас погубят, землю нашу пусту и беспмятну учинят, и того всего взыщет бог на нас, да и окрестные все государства назовут вас предателями своей вере и отечеству, а больше всего, какой вам дать ответ на втором пришествии перед праведным судиею? Да писали к нам из Великого Новгорода митрополит Исидор и боярин князь Одоевский, что у них от немецких людей православной вере порухи и православным христианам разоренья нет, шведского короля Карла не стало, а после него сел на государстве сын его Густав Адольф, а другой сын его Карлус Филипп будет в Новгород на государство вскоре, и дается на всю волю людей Новгородского государства, хочет креститься в нашу православную христианскую веру греческого закона. И вам бы, господа, про то было ведомо, и прислали бы вы к нам, для общего земского совета, из всяких чинов человека по два и по три, и совет свой отписали к нам, как нам против общих врагов, польских и литовских людей стоять и как нам в нынешнее злое время безгосударственным не быть и выбрать бы нам государя всюю землею. А если вы, господа, к нам на совет вскоре не пришлете, от вора не отстанете и со всюю землею не соединитесь и общим советом с нами государя не станете выбирать: то мы, с сердечными слезами расставшись с вами, всемирным советом с поморскими, понизовыми и замосковскими городами, будем выбирать государя. Да объявляем вам, что 6 июня прислали к нам из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и всякие люди повинную грамоту, пишут, что они своровали, целовали крест псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете; о том же они писали и к вам во все украинские города».

Послал Пожарский грамоты и в далекую Сибирь с уведомлением о новгородских делах и с требованием прислать выборных для совета насчет избрания шведского королевича.

Переговоры со шведами и разосланные по русским городам грамоты с призывом ехать в Ярославль выбирать королевича могут навести на мысль, а не хотел ли действительно Пожарский посадить на московский трон принца Карла-Филиппа, брата нового шведского короля Густава II Адольфа? Начнем с того, что шведский принц был для Руси куда предпочтительнее королевича Владислава. Шведы почти сто лет, как отказались от крестовых походов на Русь. Карл-Филипп и его брат были протестантами, а не фанатиками-католиками, как Владислав и Сигизмунд. А у русских с протестантами всегда были куда менее напряженные отношения, чем с католиками.

В отличие от поляков король Карл IX и шведские феодалы не были агрессорами. Поначалу они добросовестно хотели помочь России. И за то, что Польша не была повержена, вина целиком и полностью лежит на Василии Шуйском и его окружении, а не на Карле IX и Якобе Делагарди. После свержения царя Василия, когда злейший враг Карла IX Сигизмунд попытался овладеть всей Россией, шведы предприняли наиболее разумную меру для обеспечения своей безопасности — попытались посадить на московский престол своего королевича, а в случае неудачи — захватить северные земли России. Захват Новгорода, Корелы, Ингерманландии и Кольского полуострова можно считать при желании агрессией, что и делали советские историки, но вполне резонно можно считать и созданием защитного барьера у шведских границ против агрессии Сигизмунда.

За приезд шведского принца в Россию Густав Адольф требовал часть северных русских земель. Кстати, эти земли уже контролировались его администрацией, и без большой войны шведов оттуда выбить было нельзя. Если бы молодой шведский принц принял православие, то он мог быстро обрусеть и стать хорошим правителем, во всяком случае, не хуже Миши Романова.

Таким образом, как шведский король, так и жители украинских и сибирских городов считали избрание Карла-Филиппа делом реальным и полезным для русского государства. Но совсем иного мнения придерживался Дмитрий Пожарский, водивший за нос и шведов, и своих соотечественников.

В середине июня 1612 г. в Ярославль прибыл проездом возвращавшийся с персидским посольством от шаха Аббаса посол австрийского императора Рудольфа II Юсуф Григорович. Он был принят

Пожарским. В ходе светской беседы всплыл как-то сам собой вопрос о кандидатуре на московский престол императорского брата эрцгерцога Максимилиана. Документально неизвестно, кто первым «сказал мяу» про Максимилиана, но вряд ли это мог сделать посол, не имевший на то санкции императора и отсутствовавший в Вене несколько лет.

Пожарский заявил Григоровичу, что русские Максимилиана «примут с великой радостью». Посоветовав послу возвращаться на родину морским путем через Архангельск, так как сухой путь через Литву был небезопасен, Дмитрий Михайлович передал с ним императору следующую грамоту: «Как вы, великий государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете рассудить, пригоже ли то дело Жигимонт король делает, что, преступив крестное целованье, такое великое христианское государство разорил и до конца разоряет, и годится ль так делать христианскому государю! И между вами, великими государями, какому вперед быть укрепленью кроме крестного целованья? Бьем челом вашему цесарскому величеству свою землю, чтоб вы, памятуя к себе дружбу и любовь великих государей наших, в нынешней нашей скорби на нас призрели, своею казною нам помогли, а к польскому королю отписали, чтоб он от неправды своей отстал и воинских людей из Московского государства велел вывести».

В тексте грамоты не было упомянуто о Максимилиане, но устно Григорович должен был передать официальное предложение Пожарского.

Историк С. М. Соловьев писал об этой грамоте: «Озабоченные великим и трудным делом, обращая беспокойные взоры во все стороны, нельзя ли где найти помощь, начальники ополчения вспомнили о державе, с которой прежние цари московские были постоянно в дружественных сношениях, которой помогли деньгами во время опасной войны с Турциею; эта держава была Австрия. Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде»^[34].

Теперь эти высказывания повторяет каждый, кто пишет о Пожарском, да еще и не ставит кавычек. На самом деле воевода не был столь неопытен. Заметим, что австрийские императоры издавна добивались союза с Россией против Польши. В 1514 г. император Священной Римской (Австрийской) империи Максимилиан I предложил Василию III частичный раздел Польши между Австрией и Московией так, чтобы к Австрии отошла Силезия, а к Московии — Киев с областью. Это было первое по времени предложение такого рода. Позднее они повторялись периодически. Так, к примеру, в 1572 г. император Максимилиан II обратился к Ивану Грозному с

предложением устроить полный раздел Польши. При этом Великую Польшу, Мазовию, Куявию и Силезию присоединить к Австрийской империи, а Литву и ее земли (Белую и Малую Русь и Подляшье) — к Московскому царству.

Итак, Пожарский пытался устроить Польше войну на два фронта (как в 1939 г.!) при довольно большой вероятности успеха. Однако по ряду причин, в том числе из-за турецкой угрозы, Рудольф II не выступил против Польши. Однако сам факт ведения переговоров ярославского правительства с австрийским императором был замечен в Польше и стал серьезным аргументом у радных панов против королевской войны с Россией.

А внутри страны толки о брате шведского короля и брате императора Священной Римской империи создавали Пожарскому большой пропагандистский эффект. Ну, предположим, собрали вожди ополчения в Ярославле собор представителей всех русских городов, а кандидатура одна — стольник Пожарский. А других нет, я уже говорил, сколь несерьезны были знатные лица, собравшиеся под знаменем второго ополчения. И получилось бы, что Пожарский избрал сам себя. А тут лучшие в Европе кандидаты — эрцгерцог и принц. Другой вопрос, если собор обнаружит у каждого из них принципиальные недостатки. Ну, тогда простите, по всей Европе искали, ничего лучшего не нашли, больше некому царем быть, как Дмитрию Михайловичу.

В июне 1612 г. из Новгорода Великого в Ярославль приехали послы игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, князь Федор Одоевский и несколько представителей дворян и посадских людей. 26 июня они предстали перед Пожарским и, по обычаю, начали речь с изложения причин Смуты: «После пресечения царского корня все единомысленно избрали на государство Бориса Федоровича Годунова по его в Российском государстве правительству, и все ему в послушании были; потому от государя на бояр ближних и на дальних людей, по наносу злых людей, гнев воздвигнулся, как вам самим ведомо. И некоторый вор чернец, сбежал из Московского государства в Литву, назвался....»

Тут видно, что послы хотели связать гнев Годунова на ближних и дальних людей с появлением самозванца, как причину со следствием. Упомянув о последующих событиях, о переговорах вождей первого ополчения с Делагарди, у которого с Бутурлиным «за некоторыми мерами договор не стался, а Яков Пунтусов новгородский деревянный город взятъем взял, и новгородцы утвердились с ним просить к себе в государи шведского королевича», послы уведомили, что этот королевич Карл-Филипп братом и матерью отпущен насовсем и теперь уже в дороге, и, надо

думать, скоро будет в Новгороде. Послы кончили речь словами: «Ведомо вам самим, что Великий Новгород от Московского государства никогда отлучен не был, и теперь бы вам также, учиня между собою общий совет, быть с нами в любви и соединении под рукою одного государя».

Вот тут то Пожарский и сменил тактику и тон: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а теперь из Великого Новгорода вы послы! Искони, как начали быть государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не бывал; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему», и сразу же перешел к тому, как обманчиво и непрочно избрание иностранных принцев: «Уже мы в этом искусились, чтоб и шведский король не сделал с нами так же как польский. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича, да через крестное целованье гетмана Жолкевского и через свой лист манил с год и не дал. А над Московским государством что польские и литовские люди сделали, то вам самим ведомо. И шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да до сих пор уже близко году, королевич в Новгород не бывал».

Князь Оболенский объяснил задержку королевича смертью отца, весть о которой застала его уже в дороге, а потом война с Данией задержала его на родине, и закончил так: «Такой статьи, как учинил над Московским государством литовский король, от Шведского королевства мы не чаем».

На что Пожарский решительно ответил, что, наученные горьким опытом, они признают королевича Карла-Филиппа царем только после прибытия его в Новгород и принятия православия. «А в Швецию нам послов послать никак нельзя, ведомо вам самим, какие люди посланы к польскому Жигимонту королю, боярин князь Василий Голицын с товарищами! А теперь держат их в заключение как полоняников, и они от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают», — закончил князь Пожарский.

Новгородские послы попытались уверить воеводу, что шведский король никогда не поступит, как Сигизмунд, так как видит всю бесполезность этого: «Учинил Жигимонт король неправду, да тем себе какую прибыль сделал, что послов задержал? Теперь и без них вы бояре и воеводы не в собраньи ли и против врагов наших, польских и литовских людей, не стоите ли?»

Интересен хитрый ответ Пожарского, где речь стольника искусно перемежается со словами правителя государства: «Надобны были такие

люди в нынешнее время: если б теперь такой столп, князь Василий Васильевич [Голицын. — А. III.], был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принял бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою приневолили». Это говорит стольник. «И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посыловать и государя не нашей православной веры греческого закона не хотеть». А это воля правителя!

Речь Пожарского произвели нужное впечатление на Оболенского, и он сказал: «Мы ль истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будем бить челом, чтоб он был в нашей православной вере греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл королевич не захочет быть в православной вере греческого закона, то не только с вами боярами и воеводами и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры государя не хотим».

Закончились переговоры тем, что Пожарский не захотел дать никаких обещаний шведам, но предложил послать в Новгород послом Перфилия Секерина, чтобы явный разрыв не настроил шведов против ополчения, да и потянуть время. По словам летописца, для того Секерина послали, чтобы не помешали «немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в думе не было, чтобы взять на Московское государство иноземца».

Вожди ополчения писали новгородцам: «Если королевич по вашему прощенью вас не пожалует и в Великий Новгород нынешнего года по летнему пути не будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении. А нам без государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя. А до тех пор, пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать».

Несколько слов стоит сказать и о составе Второго ополчения. Царские историки недаром называли его «дворянским», противопоставляя Первому казацкому ополчению. Правда, тут следует сделать небольшое уточнение. Так, грамоту Второго ополчения от 7 апреля 1612 г. подписали 48 человек, в том числе два боярина, получивших боярство при Василии Шуйском, один окольный, 9 князей, 29 дворян, 5 авторитетных дьяков, а также несколько торговых людей. Как видим, среди подписавших нет ни одного атамана, а тем более рядовых казаков.

Лишь в июне 1612 г. в Ярославле в состав Второго ополчения вошли 17 казачьих отрядов из Первого ополчения во главе со своими атаманами. В каждом отряде насчитывалось от 75 до 200 человек. Понятно, что это не повлияло на дворянский характер ополчения.

Казалось, еще немного, и Земской собор изберет славного воеводу царем, а митрополита Кирилла — патриархом. Со Смутой было бы покончено в течение нескольких месяцев. Вся история государства Российского могла пойти по другому пути.

Однако судьба распорядилась совсем иначе. В июле 1612 г. войско гетмана Ходкевича двинулось на Москву. Перед Пожарским и Мининым возникла роковая дилемма — идти к Москве означало своими руками погубить план спасения государства, который был уже на грани успеха. Под Москвой волей неволей придется сотрудничать с первым ополчением, признать его легитимность и делить плоды победы. А то, что из себя представляла публика из первого ополчения, Пожарский и Минин знали не понаслышке. Не было никакого сомнения, что воровские казаки и впредь будут источником смут и потрясений. Но, с другой стороны, стоять в Ярославле и ждать, пока Ходкевич разгонит казаков и деблокирует войско Гонсевского, тоже было нельзя. Это скомпрометирует второе ополчение и особенно его вождей. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и Пожарский приказал готовиться к походу на Москву.

Глава 11. Поход на Москву

Однако Пожарского в первом ополчении ждали не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его указанию в Ярославль отправились двое казаков — Обреска и Степан. Там им удалось вовлечь в заговор смолян Ивана Доводчинова и Шанду, а также рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом князя Пожарского. Заговорщики решили убить Пожарского, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля. В тесноте казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но промахнулся и попал в бедро стоявшего рядом ополченца Романа. Степана схватили, и на пытке он назвал своих товарищей, которые также во всем признались. Преступники были заключены в тюрьму. Позже часть из них отправили в Москву на «обличенье». Там они во всем покаялись и были прощены по просьбе Пожарского.

Понятно, с каким чувством после всего происшедшего Пожарский и ополченцы выступали в поход на Москву, где вместо союзников их ждали убийцы. Но откладывать поход было нельзя — приходили тревожные вести о приближении к Москве войска Ходкевича. Пожарский отправил передовые полки. Первым полком командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был подойти к Москве и, не входя в стан Трубецкого и Заруцкого, поставить себе особый острожек у Петровских ворот. Вторым полком командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этот полк должен был стать у Тверских ворот.

Была еще одна причина спешить к Москве — надо было спасти дворян и детей боярских, все еще остававшихся в первом ополчении, от казацкой расправы.

В свое время украинные города направили в первое ополчение своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой и постоянно подвергались оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Украинцы послали к Пожарскому в Ярославль дворян Кондырева и Бегичева с соратниками просить, чтобы ополчение отправлялось на Москву как можно скорее, чтобы спасти их от казаков. Когда посланцы увидели, в каком довольстве живут ратники второго ополчения, то не могли промолвить и слова от душивших их слез. Многие во втором ополчении лично знали Кондырева и Бегичева и теперь едва

узнавали их — так жалко они выглядели. Им дали денег и одежду и отправили назад с радостным известием, что ополчение выступает к Москве. Заруцкий и казаки узнали, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, и решили избить их. Дворянам удалось укрыться в полку Дмитриева, а остальные украинцы разбежались по своим городам.

Разогнав украинцев, Заруцкий решил преградить путь второму ополчению. Он отправил несколько тысяч казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала воровских казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Об этом стало известно в первом ополчении, и Заруцкий вместе с 2500 казаками в ночь на 28 июля бежал по Коломенской дороге. В Коломне жила Марина Мнишек с сыном. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну и ушел на Рязанщину, где обосновался в городе Михайлове.

Ходкевич подошел к Москве, но напасть на позиции первого ополчения не решился. В свою очередь Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая ввод войск Ходкевича. Гетман не сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел ротацию польского гарнизона в Кремле.

Александр Корвин Гонсевский со своим отрядом покинул Москву, а его место начальника гарнизона занял полковник Николай Струсь. Его отряд и оставшийся полк Осипа Будилы стали главной силой, отбивавшей вылазки казаков.

Обратим внимание, что речь идет о королевских войсках, а не о частных армиях польских магнатов. Но к 1612 г. и королевские войска, действовавшие в России, превратились в банды озверелых грабителей. Дабы избежать обвинений в предвзятости, приведу цитату польского историка Казимира Валишевского, пытавшегося в своем труде по возможности оправдать своих соотечественников. «Взбунтовавшись из-за задержки в выдаче обещанного рядовым жалованья или приняв участие в ссорах начальников, войска Гонсевского и даже Ходкевича с января 1612 г. перешли от конфедерации к дезертирству. Покружившись по московской территории, лучшие эскадроны вернулись в Польшу и там принялись с лихвой вознаграждать себя захватами из королевских, даже частных имений»^[35].

Разумеется, Гонсевский сбежал из Москвы не с пустыми руками. Под видом боярского залога в счет жалованья полякам за службу он забрал много драгоценностей из сокровищницы русских царей — иконы в богатых

золотых окладах, украшенные самоцветами, древние щиты и доспехи, оправленные черненым серебром стулья, сундучки с отборным жемчугом, меха, ковры и многое другое, а также прихватил литую серебряную печать Василия Шуйского. Не погнушался Гонсевский взять и царские регалии — царский посох, венцы Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Венец царя Бориса был украшен лазурным и синим сапфирами, доставленными с Цейлона, а также алмазами, рубинами и жемчугом. Венец Лжедмитрия I украшал необыкновенной величины и чистоты алмаз. Взял Гонсевский и чудесного единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу.

Московские бояре оказались бессильны помешать ляхам, да и сами они были не без греха. Казенный приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», и многим удалось скупить дорогие вещи за бесценок. Не без помощи бывшего кожевенника Федора Андронova Гонсевский нахватал себе дорогих тканей, золота и мехов из казны. Андронов и себя не обделил, присвоив дорогие ожерелья и цепи. Все в Кремле старались урвать сколько можно. Польское рыцарство забрало из казны для костела золотую статую Христа, но на самом деле «рыцари» раскололи ее на части и поделили между собой. Гонсевский выплачивал солдатам огромное жалованье — до трехсот рублей в месяц. В прежние времена столько выплачивалось думным боярам за год!

Взятые в счет жалованья драгоценности Гонсевский по договору с боярами не имел права вывозить из Москвы, но он вероломно пренебрег этим договором и, по сути дела, просто средь бела дня своровал сокровища. Какова же дальнейшая судьба этих сокровищ? Как распорядились ими ясновельможные паны?

Польский поручик Маскевич, бежавший из Москвы вместе с Гонсевским, писал в своем дневнике: «Вещи, данные нам в Москве залогом за стенную службу, мы хранили в целости; наскучив с ними возиться и желая лучше иметь наличные деньги, мы продавали их королю: он не хотел купить. Продавали императору христианскому, герцогам Бранденбургским, империи Немецкой, Гданьску, везде, где думали найти покупателей, и все напрасно. Наконец стали торговаться на них паны комиссары: давали 100 000, а 80 000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цену, если бы могли получить наличные деньги; но так как нам хотели заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать в Люблин, то мы и не решились, опасаясь обмана... Мы решились разделить их между собою: разломали две короны Федорову и Димитриеву, седло гусарское, оправленное золотом, с драгоценными камнями, и три единорога. Посох остался цел, его отдали вместе с яхонтом из короны, величиною в два

пальца, Гонсевскому и Дунковскому за стенную службу. В дележе мы участвовали все и почти все что-нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что следовало. Мне досталось: три алмаза острых, четыре рубина, золота на 100 золотых, единорога два лота...»

В конце июля главные силы второго ополчения выступили из Ярославля, отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Федора Ростиславича Черного и его сыновей Давида и Константина, взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных. Впереди войска, выступившего из Ярославля, попы несли икону Казанской богородицы.

Отойдя семь верст от Ярославля, ополчение остановилось на ночлег. Здесь князь Пожарский передал командование второму воеводе ополчения своему свояку князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, велел им идти в Ростов и ждать его там, а сам с небольшим конвоем поехал в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь помолиться у гробов своих предков — стародубских князей.

За это Пожарского критикует тот же Забелин. Да и современному читателю действия Пожарского покажутся суеверием или предрассудками. Между тем в начале XVII века поездка к прародительским гробам имела большое политическое значение. Кто припомнит, чтобы какой-либо иной воевода Смутного времени перед решающим сражением шел молиться к прародительским гробам? А вот московские великие князья и цари обязательно совершали оное деяние перед походом. А что сделал Лжедмитрий I, войдя в Москву? Тоже полез молиться в Архангельский собор к гробам московских правителей. И вот, следуя традиции, князь Дмитрий Пожарково-Стародубский отправился к гробам своих предков — правителей Руси Рюриковичей.

Князь недолго пробыл в Суздале и быстро нагнал войско в Ростове.

Двигаясь к Москве, Пожарский не забывал и о морально-политической работе в войсках. Воеводе срочно понадобился... замполит. Митрополит Кирилл, который не без успеха ранее выполнял эту функцию, по невыясненным причинам остался в Ярославле. Самый простой способ — это обратиться к властям Троице-Сергиева монастыря, тем более что монастырь лежал на пути войска. Те немедленно прислали бы «замполита» во второе ополчение.

Но Пожарскому нужен был не просто «свой замполит», а и духовный противовес троицкой братии. И вот 29 июля Пожарский от имени всего ополчения написал к казанскому митрополиту Ефрему: «За преумножение грехов всех нас православных христиан, вседержитель бог совершил

ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире; отнял у нас главу Московского государства и вождя людям, государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха московского и всея Руси; да и по городам многие пастыри и учителя, митрополиты, архиепископы и епископы, как пресветлые звезды, погасли, и теперь оставил нас сиротствующих, и были мы в поношение и посмех, на поругание языков. Но еще не до конца оставил нас сирыми, даровал нам единое утешение, тебя великого господина, как некое великое светило положил на свещнице в Российском государстве сияющее. И теперь, великий господин! немалая у нас скоробь, что под Москвою вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет; одна соборная церковь Пречистой богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует^[36]. И мы по совету всей земли, приговорили: в дому пречистой богородицы на Крутицах быть митрополитом игумену Сторожевского монастыря Исаии: этот Исаия от многих свидетельствовал что имеет житие по боге. И мы игумена Исаию послали к тебе, великому господину, в Казань, и молим твое преподобие всею землею, чтоб тебе, великому господину, не оставить нас в последней скорби и беспастырных, совершить игумена Исаию на Крутицы митрополитом и отпустить его под Москву к нам в полки поскорее, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении».

Однако данных о том, что крутицким митрополитом стал Исая, найти не удалось. Видимо, он так и остался претендентом.

В Ростове к Пожарскому привели гонца из подмосковного лагеря атамана Внукова. Тот рассказал о бегстве Заруцкого и просил князя идти как можно быстрее под Москву. Но главной целью миссии Внукова было выяснить отношения Пожарского к казакам, оставшимся под Москвой. Пожарский и Минин отнеслись к Внукову и приехавшим с ним казакам очень доброжелательно, дали денег и подарков и велели передать, что идут к Москве немедленно. И действительно, вслед за казацкими посланцами ополчение двинулось через Переславль-Залесский к Троице-Сергиеву монастырю.

14 августа ополчение подошло к Троице и стало лагерем между монастырем и Клементьевской слободой.

В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд поляков и запорожцев объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни Ходкевичу, ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию или, проще говоря, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев, как признали

власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому пришлось дать отряд из семисот конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но помощь опоздала — враги захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда ляхи и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

По пути в Троице-Сергиев монастырь в Переславле-Залесском второе ополчение нагнал английский наемник капитан Яков Шав (Шаву). Он предложил Пожарскому услуги двадцати офицеров и ста солдат-наемников, которые должны через месяц прибыть на английском корабле в Архангельск. Грамота, привезенная Шавом, была подписана в Гамбурге капитаном наемников Андрианом Фейгером, Артуром Эстоном, Яковом Гилем и Яковом Маржеретом.

В свое время Дмитрий Михайлович лично наблюдал, как Яков (Жак) Маржерет жег Москву и убивал горожан.

По приказу воеводы дьяки написали ответ наемникам: «Великих государств Российского царствия бояре и воеводы, и по избранию Московского государства всяких чинов людей, в нынешнее настоящее время того многочисленного войска у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Дмитрий Пожарский с товарищи. Объявляем Ондреяну Фрейгеру вольному господину города Фладора, Артуру Ястону из Турпала, Якову Гилю, начальным над войском, и иным капитанам, которые с вами... Мы государям вашим королям, за их жалованье, что они о Московском государстве радеют и людям велят сбираться нам на помощь, челом бьем и их жалованье рады выславлять. Вас, начальных людей за ваше доброхотство похваляем, и нашу любовь, где будет возможно, воздавать вам хотим. Потому удивляемся, что вы в совете с французенином Яковом Маржеретом, о котором мы все знаем подлинно: выехал он при царе Борисе Федоровиче из Цесарской области, и государь его пожаловал поместьем, вотчинами и денежным жалованьем; а после при царе Василии Ивановиче Маржерет пристал к вору и Московскому государству многое зло чинил, а когда польский король прислал гетмана Жолкевского, то Маржерет пришел опять с гетманом, и когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорили, выжгли и людей секли, то Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей, и награбившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлою Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Писано на

стану у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7120 [1612 г. — А. Ш.] августа месяца».

Вечером 18 августа ополчение Пожарского, не доходя пяти верст до Москвы, остановилось на реке Яузе. К Арбатским воротам были посланы разведчики, которым поручалось найти удобные места для устройства стана.

В течение ночи Трубецкой отправил несколько гонцов к Пожарскому с предложением приехать в стан первого ополчения для переговоров. Но соратники Пожарского хорошо помнили убийство Ляпунова и отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с казаками». На следующее утро, когда ополчение подошло ближе к Москве, Трубецкой сам прискакал к авангарду войска Пожарского и в личной беседе просил Дмитрия Михайловича встать вместе в одном остроге у Яузских ворот, но ответ был прежний: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать».

В итоге второе ополчение заняло позиции в Белом городе от северных Петровских ворот до Чертольских (Кропоткинских) ворот. Первое же ополчение по-прежнему занимало южную и юго-восточную части Москвы.

Глава 12. Освобождение столицы

Вечером 21 августа 1612 г. войско гетмана Ходкевича стало на Поклонной горе. Силы второго ополчения составляли немногим более десяти тысяч, а у Трубецкого осталось не более трех-четырёх тысяч казаков, которые были сосредоточены в районе Крымского двора, где сейчас находится Октябрьская площадь, а также за рекой Яузой. Пожарский опасался, что если Ходкевич решит ударить по войску Трубецкого, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал пятистам конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию недалеко от табора первого ополчения.

На рассвете 22 августа гетман форсировал Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Конница Пожарского контратаковала поляков. Некоторое время встречный бой кавалерийских лав шел с переменным успехом. Но вскоре подошла немецкая пехота, служившая у Ходкевича, и русская конница отступила.

После полудня гетман ввел в бой все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону вдоль остатков укреплений Белого города между Тверскими и Арбатскими воротами и упорно сопротивлялось. Осажденные в Кремле поляки пошли на вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля. По приказу Пожарского против них был брошен свежий полк стрельцов. Поляки понесли большие потери и бежали под защиту стен Кремля.

Битва продолжалась уже семь часов. Между тем войско Трубецкого на другом берегу Москвы-реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Отряд же, посланный Пожарским к Трубецкому, пошел на выручку своих. Трубецкой не хотел их отпускать, но отряд быстро переправился через реку. Этому примеру последовали и некоторые из казаков — атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!»

Поляки обожают лихие конные атаки, но удар с тыла быстро обращает их в бегство. Так было и в сентябре 1639 г., и при Суворове, так же дело кончилось и 22 августа 1612 г. Поляки ретировались к Поклонной горе.

Однако хитрый гетман задумал провести ночью четыреста возов с продовольствием в Кремль. Шестьсот конных поляков сопровождали воза,

а вел их русский стольник Григорий Орлов, сумевший пробиться к гетману из Кремля. Полякам удалось пройти мимо воинства Трубецкого и благополучно войти в Кремль. Правда, С. М. Соловьев утверждал, что в Кремль благополучно вошел лишь конвой, а обозы достались русским.

23 августа Ходкевич стоял на Поклонной горе без движения. Поляки из Кремля сделали небольшую вылазку.

На рассвете 24 августа Ходкевич двинулся на Трубецкого. Пожарский не решился переправить все свои войска через Москву-реку на помощь Трубецкому, в этом случае поляки легко захватили бы западную и юго-западную части Белого города. Поэтому он приказал переправиться через реку полкам воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые ранее занимали позиции на северном фланге от Никитских до Петровских ворот Белого города. Воеводы стали на правом фланге (у Крымского брода) и успешно отразили нападение поляков. Однако казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. После упорного пятичасового боя поляки прорвались к берегу Москвы-реки напротив собора Василия Блаженного. Большая толпа казаков вообще отказалась драться, заявив: «Они [то есть дворяне Пожарского. — А. III.] богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Минин послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицыну с большим трудом удалось уговорить казаков продолжить бой. Следует отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться моментом, поскольку он попытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль, но сотни повозок создали пробки в тесных и кривых улицах Замоскворечья.

Затем Палицын переправился через Москву-реку и направился в табор к казакам, расположенный у Яузских ворот. Там казаки преспокойно пьянствовали и играли в зернь. Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком: «Сергиев! Сергиев!» в конном строю переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг поляков.

Дело шло к вечеру, но битва по-прежнему шла с переменным успехом. Чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три сотни отборных дворян и приказал атаковать конную и пешую польские роты, стоявшие у Красных ворот. Поляки, увидев русскую конницу, бросились бежать, не приняв боя. Увидев бегущих, начали отступать и соседние роты. В свою очередь казаки и стрельцы Пожарского перешли в наступление в Замоскворечье. Бросив обоз, Ходкевич отступил, всеми силами стараясь

сохранить боеспособность хотя бы части своих войск. Первоначально поляки отошли к Донскому монастырю, а глубокой ночью перешли на Воробьевы горы. Там гетман простоял два дня. В Кремль Ходкевич послал лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуться с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него же осталось всего четыреста человек конницы (о пехоте там не говорилось). После чего остатки войска Ходкевича двинулись на запад по Смоленской дороге. Русские их не преследовали.

Поражение Ходкевича не сплотило ополчения, а наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал подчинения от Пожарского и Минина. Они же должны были являться к нему в стан за приказаниями. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино и так и остался стольником. Те же помнили Ляпунова, да и не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков пошли разговоры, что надо уезжать из-под Москвы и отправляться гулять по северным русским городам. Заводчики кричали, что казаки голодны, раздеты и разуты и не могут стоять в осаде, а под Москвой пусть богатые дворяне остаются.

Если бы воровские казаки провалились в тартарары, Минин и Пожарский, наверное, перекрестились бы, но допустить разорения северных городов они не могли.

Воспользовавшись конфликтом между Пожарским и Трубецким, отдельные воеводы решили вообще никому не подчиняться. Так, 12 сентября князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников и расположился отдельным лагерем, эдаким независимым полевым командиром.

Дело решил уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он созвал монахов для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как их упросить остаться под Москвой? Решили послать казакам в заклад в тысячу рублей на короткое время церковные сокровища, ризы, стихари, епитрахили саженные и написали казакам грамоту. Расчет Дионисия оказался правильным: суеверные казаки не решились брать в заклад церковные вещи. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клятвенно обещали все претерпеть, но не уйти от Москвы.

В свою очередь воеводы договорились встречаться на нейтральной территории на реке Неглинной.

В районе Пушечного двора, в Егорьевском монастыре и у церкви Всех

святых на Кулишках были построены осадные батареи, которые открыли круглосуточный огонь калеными ядрами и мортирными бомбами по Кремлю и Китай-городу. 20 сентября от каленых ядер начался сильный пожар, сгорело три дома во дворе князя Мстиславского, полякам с большим трудом удалось погасить огонь.

Пожарский и Трубецкой договорились перегородить Замоскворецкий полуостров глубоким рвом и палисадом от одного берега Москвы-реки до другого, чтобы исключить возможность провоза продовольствия полякам. Оба воеводы попеременно, день и ночь, следили за работами.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрасивает Николай Струсь, да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота... Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско все в Польше... Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству... А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить это, а вам стыдно, что вы вместе с ними сидели. Вам самим хорошо известно, что к нам идет много людей и еще большее их число обещает вскоре прибыть... А если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них».

21 сентября был получен ответ: «От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будилы, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества... Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того,

чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились.... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеству вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, — мы их уже хорошо знаем».

Это поляки, разграбившие Москву и пол-России, пишут про «честность»! Паны рокошане разглагольствуют о верности королю. Вот как только «ослы и байбаки» загнали поляков в Кремль и накостыляли Ходкевичу?! В таких случаях на Украине о поляках говорили: «Всравшись орет — наша берет!»

На самом деле хвастунишки-ляхи сильно голодали. Как писал участник осады поляк Осип Будила: «... ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не щадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел. Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось в взводе г. Леницкого, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного — гайдук из другого десятка жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места».

Некоторые историки обвиняют Сигизмунда в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Король действительно совершил много тактических и стратегических ошибок, главной из которых было столь долгое «сиденье» под Смоленском. Осенью же 1612 г. он делал все, что мог. Но у короля опять не было денег. Он не заплатил польскому рыцарству за три летних месяца, и оно разъехалось по домам, забыв о своих коллегах в Москве. В итоге Сигизмунду пришлось отправиться в поход лишь с двумя отрядами немецкой пехоты под началом капитанов

Денгофа и Урсенберга.

Сигизмунд надеялся на польскую кавалерию, находившуюся в Смоленске. Король вместе с сыном Владиславом прибывает в Смоленск, но панство отказывается выступить в поход, требуя больших денег.

Король двинулся из Смоленска на Москву через так называемые «царские ворота». Однако перед королем «царские ворота» сорвались с петель и загородили дорогу войскам. Королю пришлось выбираться из Смоленска окольным путем. Дорогой к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана, со своей частной армией в 1200 всадников. Король с войском прибыл в Вязьму в самом конце октября. Но к этому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ этого места в XX веке была построена гостиница «Москва») была устроена большая осадная батарея, которая открыла с 24 сентября интенсивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь осадная батарея, построенная первым ополчением у Никольских ворот.

21 октября поляки предложили русским начать переговоры и прислали к Пожарскому полковника Будилу. Однако переговоры затянулись, рыцарство требовало почетной капитуляции, то есть выпуска поляков из Кремля с оружием и т. п. Пожарский же был согласен лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казачи узнали о переговорах и решили, что их лишают части добычи. 22 октября без команды главных воевод они бросились к стенам Китай-города. Поляки не ожидали нападения и растерялись. Казаки ворвались в Китай-город и выбили из него ляхов. Среди убитых были знатные паны Серадский, Быковский, Тваржинский и другие.

Потеря Китай-города несколько сбивает спесь с поляков. Они вновь запросили переговоров. На сей раз переговоры велись у самой кремлевской стены. Поляков представлял полковник Струсь, а бояр, сидевших в Кремле, — князь Мстиславский, со стороны осаждающих были Пожарский и Трубецкой.

В начале переговоров бывший глава Боярской думы Мстиславский покался и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому. Для начала поляки попросили разрешения покинуть Кремль всем русским женщинам, русские воеводы согласились.

Вышедшие из Кремля боярыни и княжны пытались унести с собой драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Наиболее серьезный исследователь Смутного времени советский

историк Р. Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского с поляками: «После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто „литва“ держала бояр в неволе во все время осады Москвы»^[37].

Такой вывод маститого ученого, многие десятилетия занимавшегося историей Руси в XVI — начала XVII веков, представляется мне, мягко выражаясь, странным. О каком «огромном политическом выигрыше» могла идти речь? Какой такой «высший орган монархии» мог быть? Де-юре Боярская дума была совещательным органом при московских князьях, которые, начиная с Ивана IV, именовали себя царями. В Боярскую думу наряду с князьями Рюриковичами московские князья включали и безродных лиц, оказавших им различные услуги, в том числе и весьма сомнительные. Теперь род Ивана Калиты пресекся, и правителем России с точки зрения феодального права должен был стать князь Рюрикович, а не потомок беспородных бояр — холопов московских князей. Так несколько десятилетий назад во Франции сделали королем Генриха IV. Пусть он был гугенот, пусть владения его родителей были ничтожны, но он был королевской крови! Феодальное право было основано на прямом родстве по отцовской линии, и никакое иное родство или богатство не принималось в расчет.

Иван Грозный несколько десятилетий правил, игнорируя Боярскую думу, а подчас и издеваясь над ней. За годы смуты Боярская дума полностью себя скомпрометировала. Да и что такое боярство? Это чин, присваиваемый законным правителем страны. К 1612 г. в России практически не осталось бояр, которым этот чин присвоил Иван Грозный.

Кому-то дал боярство Борис Годунов, кому-то — Лжедмитрий I, кому-то — Василий Шуйский, а кому-то — Тушинский вор. Все они Боярской думой были признаны незаконными правителями. Тогда, соответственно, и все боярские чины получены незаконно. Разве генерал царской армии сохранял свои чины при переходе в Красную Армию? Я уж не говорю о генералах из власовской армии.

Рассмотрим ситуацию де-факто. Боярин — это соратник князя, приводящий в случае опасности князю свою дружину «конно людно и

оружно». Но в октябре 1612 г. у сидевшей в Москве знати не было никаких дружин, и они никого не представляли. Наоборот, большие батальоны были у Пожарского, а у Трубецкого их было куда меньше.

На мой взгляд, Пожарский допустил роковую ошибку, признав бояр «пленниками ляхов». Пожарский сам, своими руками, вытащил их из дерьма, вернул им вотчины, сохранил их драгоценности. И вот через несколько месяцев, вернув себе власть в вотчинах, воссоздав дружины, эти ничтожества вновь стали настоящими боярами. Так появилась третья сила (кроме первого и второго ополчений).

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишив их боярства и вотчин. А их земли и другое имущество следовало раздать освободителям Москвы — дворянам Пожарского и казакам. Надо ли говорить, что в этот момент князь Дмитрий стал бы кумиром подавляющего большинства казаков. А каждому, кто пожалел бы бояр и стал бы противиться секвестру, казаки просто перерезали бы глотку. Первое ополчение сразу прекратило бы свое существование. И совсем нетрудно угадать, кто был бы избран царем на соборе 1613 года.

Был и другой путь. Пожарский мог намекнуть своим людям, что бы те не очень мешали казакам нападать на бояр, выходящих из Кремля, а при необходимости даже помогли устроить самосуд. В этом случае «этикет» был бы соблюден, а последствия были бы те же, что и в первом варианте. Известны многочисленные случаи, когда на великих полководцев и государственных деятелей находило некое «затмение», и они совершали непростительные ошибки. Видимо, так произошло и с Пожарским.

И вот 26 октября (3 ноября по новому стилю) открылись Троицкие ворота Кремля, и на каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде вместе с поляками. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом и его матерью Марфой. Собственно, эта сцена стала хрестоматийной, и ее повторяют один в один все наши историки. Однако все историки по незнанию или иному умыслу забывают, что на следующий день из Спасских ворот Кремля вышел крестный ход православного духовенства, сидевшего в осаде вместе с поляками.

Впереди в сопровождении кучки монахов шел седой иерарх с крестом. Это был «черный кардинал» Смутного времени — крутицкий митрополит Пафнутий. За ним шли галасунский (архангельский) архиепископ Арсений и кремлевское духовенство.

Обратим внимание, что Пафнутий и другие духовные лица, видимо,

ожидали резню на Каменном мосту и пошли отдельно от бояр.

В тот же день, 27 октября (4 ноября) произошла капитуляция польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали Трубецкому, а остальных с полковником Будилой — второму ополчению. Казаки перебили большую часть доставшихся им поляков. Уцелевших поляков Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Поляки совершили столько зверств на русской земле, что властям малых городов не всегда удавалось защитить пленных от самосуда населения. Так, в городе Галиче толпа перебила всех пленных из роты Будилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой — ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Польских офицеров во главе с Будилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где взяли под строгий караул. Позже Будила напишет, что местные власти решили их всех утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.

Войдя в Кремль, ратники Пожарского и казаки Ляпунова ужаснулись. Все церкви были разграблены и загажены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах нашли разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее, воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания поляков начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, а Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы бояре разъехались по своим вотчинам. Михаил Романов с матерью уехали в свою вотчину село Домнино Костромского уезда.

Король Сигизмунд в Вязьме узнал о капитуляции польских войск в Москве. Там королевские войска соединились с отрядами гетмана Хоткевича и вместе двинулись осаждать укрепленный городок Погорелое Городище. Местный воевода князь Юрий Шаховский на требование сдачи ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше.

Основные силы поляков осадили Волоколамск, а конный отряд пана Адама Жолкевского двинулся к Москве. Жолкевский дошел до села Ваганьково, где был атакован русскими. Поляки были разбиты и бежали. В бою поляки захватили смоленского дворянина Ивана Философова.

Жолкевский велел допросить его и узнать, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство, полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», и все готовы помереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое дворянин сказал и самому Сигизмунду.

Потеряв надежду овладеть Москвой, король решил по крайней мере взять Волоколамск, который обороняли воеводы Иван Карамышев и Чемесов. Поляки трижды штурмовали город, но были отбиты. Третий штурм кончился вылазкой казаков под началом атаманов Нелюба Маркова и Ивана Епанчина. Казакам удалось отогнать ляхов и уволочь у них несколько пушек.

27 октября Сигизмунд приказал войску уходить в Польшу. По дороге от холода и голода поляки потеряли несколько сотен человек.

Глава 13. Земской собор или казацкий мятеж?

Зиму 1612/13 г. князь Пожарский провел в Москве. После освобождения столицы от поляков его влияние постепенно падало. Историки давно ломают копья в спорах — домогался ли Дмитрий Михайлович царского престола. Сторонники этой версии любят приводить показания дворянина Л. Сукина, который в 1635 г. утверждал, что «Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч». Противники утверждают, что де Сукин врал со злости на князя. Главным же аргументом против «воцарения Пожарского» служит миф о храбром, но наивном и глуповатом воеводе, который и помыслить не мог о царском венце. Хорошей иллюстрацией этого мифа стала народная песня, записанная в 40-х годах XIX века П. В. Киреевским:

Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися думу думати,
Как и взговорют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взговорют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взговорит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоян я такой почести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Федоровича».

Давайте зададим себе простой вопрос, почему никто из историков не отрицает полководческого таланта Пожарского, его блестящих способностей, как политика, так и дипломата? И вдруг зимой 1612 г.

Рюрикович Пожарский предлагает выбрать в цари малограмотного безродного подростка, всю жизнь прошедшего за бабскими юбками, из семейства изменников, активно участвовавшего во всех заговорах против государства Российского с 1600 г. Я уж не говорю о том, что Михаил, в отличие от Пожарского и большинства его ратников, целовал крест Владиславу, а его отец находился в польском плену.

Что же произошло, почему поглупел славный воевода? Может, его польским ядром контузило или шестопером по шлему съездили? Нет, Дмитрий Михайлович Пожарский активно участвовал в борьбе за престол. Почему же не осталось письменных свидетельств очевидцев о предвыборной борьбе Пожарского? Ну, во-первых, резонно предположить, что все такие документы были уничтожены по указу Михаила, а во-вторых, Москва — не Варшава и не Париж, громко обещать панам золотые за избрание на престол и произносить исторические фразы, что де Париж стоит мессы, не принято. Ни Годунов, ни Михаил ни разу не предлагали себя на престол, а наоборот, категорически отказывались от него. Соответственно, и Пожарский не мог нарушить традицию. Но, увы, он совершил две роковые ошибки. Во-первых, о чем уже говорилось, вошел в соглашение с боярами при капитуляции поляков, а во-вторых, не сумел удержать в Москве дворянские части из второго ополчения. В результате тушинским казакам угрозой применить силу, а в отдельных случаях и грубой силой удалось затащить на престол Михаила Романова.

Царь Михаил Федорович

Предположим, что Пожарский действительно был глупым служакой и на самом деле поддержал кандидатуру Михаила. Надо ли говорить, что об этом факте 300 лет тараторили бы романовские пропагандисты. Рисовались бы сусальные картинки и иконы, где седой воевода подает корону юноше с ангельским ликом. Увы, официальная пропаганда как-то невнятно говорит о позиции Пожарского на соборе. А теперь предположим, что Пожарский пытался «воцариться», но потерпел неудачу. Как должна была это отразить официальная историография? Вот, мол, лез князь Дмитрий на престол, а его поперли казаки-тушинцы и посадили Михаила? Тогда у многих возник бы резонный вопрос, а на каком основании Романовы оттерли от престола спасителя России, да еще и князя Рюриковича? Да и у меня самого, когда я в 5-м классе прочитал какую-то книжку о Пожарском, где рассказывалось,

как царь Михаил унижал князя, возникла мысль: а как Пожарский допустил, чтобы престол заняла столь ничтожная личность? Естественно, что самым популярным объяснением позиции Пожарского на соборе было то, что де по простоте души сам и отказался от престола.

Фрагмент памятника Тысячелетию России в Новгороде Великом. Классический пример фальсификации истории — Дмитрий Пожарский прикрывает Михаила Романова мечом, а Кузьма Минин преподносит ему шапку Мономаха. Фото А. Широкограда

Освобождение Москвы и отступление короля Сигизмунда дало возможность заняться созывом собора для избрания царя. В ноябре 1612 г. по всем городам были разсланы грамоты с приказом выслать выборных людей в Москву. В грамотах говорилось: «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви божии в прежнюю лепоту облеклись и божие имя

славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься о нем и людьми Божиими промышлять некому, без государя в досталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не стоит и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство много множится».

Заседания собора начались 6 декабря 1612 г., хотя к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Ход же заседаний собора уже три столетия вызывает споры историков. Официальные царские историки описывали елейную историю, как весь собор, умиляясь, избрал на царство Михаила Романова. Любые иные версии в XIX веке грозили Сибирью. В XX веке у историков-монархистов в эмиграции не было цензуры, но они так соскучились по сусальным картинкам «а ля святая Русь», что с восторгом повторяли сказки XIX века.

Что же касается «прогрессивных» историков конца XIX — начала XX века, то их в основном мало интересовали подробности собора. В своих политических интересах они выпячивали сам факт созыва собора и то, что царь Михаил обещал править, в дальнейшем опираясь на волю последующих соборов. Таким образом обосновывалась утопическая идея проведения государственных соборов в России второй половины XIX века — начала XX века.

Официальная версия событий хорошо изложена у Соловьева: «Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать из иностранных королевских домов, или своего природного русского, и порешили „литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Великий Новгород взял обманом“. Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовывали стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: „Кто принес такую грамоту, кто, откуда?“ В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: „Что это ты подал, атаман?“ — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. „О природном царе Михаиле Федоровиче“, — отвечал атаман.

Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем».

Наши церковные историки постарались «умертвить» Пафнутия еще в 1611 г. Но на их беду он был жив. Это обнаружено одним из лучших историков Русской Церкви профессором богословия Антоном Картуковым, который, находясь с 1919 г. в Париже, несколько десятилетий посвятил истории православной церкви и выпустил многотомный труд.

После смерти патриарха Гермогена митрополит крутицкий Пафнутий стал первым лицом в русской церковной иерархии. Он-то и руководил собором в первые месяцы. Лезть самому в патриархи ему не позволяли ни состояние здоровья, ни его прежние похождения. Естественно, Пафнутий не мог простить Пожарскому, что в июле 1612 г., будучи в Ярославле, тот пытался сделать митрополитом крутицким игумена Исаяю. И Пафнутию ничего не оставалось делать, как примкнуть к своим давним покровителям — Романовым. Перед самым приездом Михаила Романова в Москву Пафнутий умер, и встретил претендента на престол уже казанский митрополит Ефрем.

Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии 14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р. Г. Скрынников: «За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины»^[38].

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 г., но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И. Б. Черкасский, И. Н. Одоевский и Б. М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 г., а два последних — в декабре 1613 г. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Попробуем на секунду задуматься, как могли выбрать на престол в такой сложный момент шестнадцатилетнего юношу? Мне могут возразить, что Александр Невский разбил шведов на Неве, будучи 19 лет от роду, а через два года побил немцев на Чудском озере. На том же озере дрался и его младший брат Андрей, которому было 12–14 лет. И не просто дрался, а командовал собственной суздальской дружиной, которая по некоторым данным и решила исход битвы. Младший лейтенант Буона-Парте в 16–17 лет писал трактаты по баллистике и штудировал кодекс Юстиниана.

Но Михаил Романов не был ни Александром Невским, ни Бонапартом. Свои детские и отроческие годы он провел в ссылке в глухом селе в окружении двух теток, не считая крестьян. Потом Гришка Отрепьев вызвал девятилетнего отрока в Москву и произвел в стольники. Но и это ничего не изменило. Последние семь лет он безвылазно провел в Москве на своем подворье. Неужто почти за четыре века десятки ученых, изучавших Смутное время, не смогли найти не только ни одного поступка, но и ни одного слова, произнесенного стольником Михаилом Романовым. Увы, это был недалекий мальчик, который наблюдал за ходом российской истории из окна своего терема и покидал его, лишь отправляясь в церковь и в редких случаях для присутствия на официальных церемониях. Эдакая помесь русского недоросля Митрофанушки с Пу-И — последним императором Поднебесной империи.

Да представьте себе пятнадцатилетнего д'Артаньяна, де Бражелона или Петю Ростова. Мог ли кто-нибудь из них, находясь в осажденном городе, да еще имея звание, соответствующее полковнику или даже генерал-майору, не взять в руки саблю?

К тридцати годам Михаил был настолько серьезно болен, что не мог даже самостоятельно передвигаться, но в молодости он был достаточно крепок и силен, так, в двадцать лет он увлекался охотой на лосей и на медведей.

Михаил присягал королевичу Владиславу, так почему же ему, как верному подданному, не встать под знамена своего сюзерена? Почему на лихом коне не рвануться с польскими хоругвями навстречу гетману Ходкевичу? Не позволяют убеждения? Так беги же с острой саблей к Пожарскому! Благо, перебежчики, как русские, так и поляки, приходили в лагерь второго ополчения чуть ли не ежедневно. Не пускала мама, не пускали тетушки и нянечки — сиди, Миша, дома, читай псалтырь, дави мух на окнах или иными боярскими делами занимайся.

Так, может быть, избрание царем столь ничтожной личности было вызвано интересами большой политики? Как раз наоборот. Избрание

Михаила ставило Россию в крайне неблагоприятное положение. Ведь Михаил юридически был подданным королевича Владислава, в отличие от Пожарского, Трубецкого и ряда других князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В плену у поляков был митрополит Филарет — отец Михаила, что, естественно, давало большой политический козырь полякам в борьбе с Москвой. Наконец, избрание царем Михаила надолго лишило Россию главного духовного вождя — патриарха, поскольку Михаил и его мать желали в патриархи только Филарета. И это при том, что у Владислава «в кармане» был патриарх Игнатий, принявший уже тем временем унию.

О праве крови я уже говорил. В течение 700 лет даже в самом захудалом русском княжестве правили только природные князья Рюриковичи, а в Малой и Белой Руси — Гедиминовичи. Первым исключением стал Борис Годунов, да и то если забыть его происхождение от чингизида Чета. Вторым исключением стал Михаил Романов. Это дало право любому князю Рюриковичу утверждать, что у него больше прав на престол, чем у династии Романовых. По этому поводу любили шутить вождь русских анархистов Петр Кропоткин и диссидент князь Петр Долгоруков, оба князья Рюриковичи по происхождению, утверждавшие, что у них более прав на корону, чем у царей династии Романовых.

А был ли в 1613 г. альтернативный кандидат на престол?

К власти рвался Гедиминович Дмитрий Трубецкой. Но он был слабый политик и бездарный воевода. Если дворянство считало его казацким боярином, то казаки издевались и презирали его.

Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов — отец Михаила Романова). Из «Титулярника» 1672 г.

Боярин Федор Мстиславский «с товарищи» был изгнан вождями ополчения из Москвы и даже не участвовал в соборе.

Интересно, что в документах начала XVII века имеются намеки на то, что царства добивался и Иван Никитич Романов. Но, как уже говорилось, главой клана был Филарет, а он недолюбливал своего брата Ивана. Видимо, родня не поддержала Ивана Никитича.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее, уже после воцарения Михаила Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государству». Справедливость

обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвигению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из смуты было бы избрание государем славного воеводу, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича.

Однако против Пожарского сплотились все — и Пафнутий, и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворян рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина — голод, царивший в Москве зимой 1612/13 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмосковье остались толпы казаков, по разным сведениям их было от десяти до сорока тысяч. В Москве за Яузой возник целый казацкий город — Казачья слобода. Было и еще несколько казацких таборов под Москвой. Еще раз повторю, казаков не донских, не запорожских, а местных — московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали.

В конце октября 1612 г. Пожарский и Трубецкой решили рассчитаться с казаками. В ходе «разбора» было отобрано одиннадцать тысяч «лучших и старших казаков», которым раздали захваченные в Москве вещи, оружие и деньги (по 8 рублей на человека). Нескольким тысячам воровских казаков, входящих в различные никому не подчинявшиеся отряды, позволили строиться и заводить хозяйство в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Однако, как писал Авраамий Палицын, «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть, и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшеся блуду, питею и зерни, и пропивши и проигравши все свои имениа». То есть, за несколько дней все было пропито, проиграно и прогуляно с девицами из Лоскутного ряда. Казаки опять остались без средств. За годы смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалование и с песнями уйти в свои станицы. А местным воровским казакам куда идти? Да и наследили

они изрядно — не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насильовали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя? С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общалось в Тушине. Как мог Михаил Романов укорять казаков за преступления на службе у Тушинского вора? Да вместе же служили вору, и выполняли приказы твоего папаша тушинского патриарха и твоих родственников тушинских бояр.

Не будем забывать, что в «период избирательной кампании» Романовы и их родня Салтыковы направо и налево раздавали казакам деньги и землю. Так, к примеру, атаман Филипп Максимов получил большую сумму денег и поместье перед самым избранием Михаила.

И вот пятьсот вооруженных казаков, сломав ворота, ворвались к крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшему в то время обязанности местоблюстителя патриарха, — «Дай нам, митрополит, царя, государя на Россию, кому нам поклониться и служить и у ково жалованья просити, до чево нам гладною смертию измирати!»

Дворы Пожарского и Трубецкого были окружены сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот — воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки типа приведенной выше сказочки С. М. Соловьева.

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насильовать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали в Новгороде каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о казацком перевороте совпали между собой во всех деталях. Они говорили, что во время заседания Земского собора казаки и чернь ворвались в Кремль, набросились с ругательствами на членов боярской думы, обвинив их в том, что они выбирают царя, чтобы властвовать самим. Казаки будто бы повторили боярам легенду о том, что царь Федор Иоаннович, умирая, завещал престол Федору Никитичу Романову. Многие бояре, в том числе и родственники Михаила Федоровича, ссылались на молодость казачьего кандидата и его отсутствие в Москве. Попытка бояр

еще раз отложить выборы не удалась: «казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чине в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

С показаниями Чепчугова, Дурова и Пушкина поразительно совпадает текст «Повести о Земском соборе 1613 г.»: бояре будто бы предложили выбрать царя из числа восьми «вельмож боярских», но пришедшие на собор казачьи атаманы обвинили их в самовластии и выдвинули кандидатуру Михаила Федоровича Романова, ссылаясь на то, что именно его отцу «благословил посох свой» царь Федор. Иван Никитич Романов возразил на это: «Тот князь, Михайло Федорович, еще млад и не в полнеем разуме». Но казаки этому не вняли: «Но ты, Иван Никитич, стар, в полнее разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный и ты ему крепкий потпор будеши», и в тот же день заставили перепуганных бояр присягнуть Михаилу Федоровичу.

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Жак Маржерет, служивший в России со времен Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Замечу, что версию о казачьем перевороте поддерживал не только Скрынников, но и известный специалист по истории России XVI–XVII веков А. Л. Станиславский. В его монографии «Гражданская война в России XVII в.» глава, посвященная избранию царя, называется «Михаил Романов — казачий ставленник».

Любопытно, что большинство отечественных историков, начиная с Иловайского, утверждают, что донские казаки присягали Лжедмитрию I, Тушинскому вору и королевичу Владиславу, а затем и Михаилу Романову. Ни донские, ни волжские казаки, я уж не говорю о запорожских, никому из перечисленных персонажей не присягали, поскольку это противоречило казачьему менталитету. Вопрос о присяге московским царям впервые был поднят в 1632 г., но тогда казаки категорически отказались принимать ее.

Глава 14. Иван Сусанин — трагедия или водевиль?

О местопребывании инокини Марфы с сыном Михаилом и свитой в конце 1612 г. — начале 1613 г. историки спорят уже два века. То, что она поехала в район Костромы, вполне естественно: там были многочисленные вотчины Романовых и два надежных места, где можно было переждать лихолетье — город Кострома и Ипатьевский монастырь. Город и монастырь находились примерно в двух верстах друг от друга, но их разделяла полноводная тогда река Кострома.

Костромская крепость представляла собой довольно мощное фортификационное сооружение. Она состояла из Старого и Нового кремля, разделенных крепостной стеной. Укрепления обоих кремлей — деревянные с четырьмя проездными и восемью глухими башнями. Высота башен от 5 до 7 сажень (11–15 метров). Кремль расположен на возвышении и обнесен высоким валом, на котором находилась деревянная стена. Перед валом был ров с водой шириной до 8 сажень (17 метров) и глубиной около сажени.

Согласно описанию Костромской крепости 1679 г., там находилось пицалей — 26, тюфяков (примитивных гаубиц) — 3, железных казнозарядных пицалей — 4. Итого 33 артиллерийских орудия.

Читатель вправе спросить, а какое отношение к событиям 1613 г. может иметь опись артиллерии 1679 г.? Дело в том, что документов 1613 г. нет, а в описи 1679 г. сказано: «...от многих лет и от пожарного времени... тот городской наряд не чищен и в тех пицалах пыли и земли насорило». Никаких опасных событий в районе Костромы после Смуты не происходило, и можно с уверенностью 99,9 % утверждать, что часть «городового наряда», бывшего там к 1613 г., могла быть вывезена, но ни одной новой пушки туда так и не доставили. А вскоре по приказу Петра I Костромская крепость вообще была упразднена за ненадобностью.

Ипатьевский же монастырь был укреплен еще лучше, чем город Кострома. Еще в 1568 г. монастырь был обнесен каменной крепостной стеной. Протяженность стен составляла 243 сажени (518 м). Восточная стена примыкала к реке Костроме. Стены стоят на мощном фундаменте, уходящем на несколько метров в глубь земли. Фундамент построен из валунов, скрепленных известковым раствором. Высота стен в то время составляла около 6 метров, а толщина 2,1 метра. Они были выложены из

двух рядов кирпичной кладки, пространство между которыми заполнено бутом. Стены делились на два яруса. В верхнем ярусе находилась галерея боевого хода, вдоль которой равномерно располагались щелевидные бойницы и смотровые окна. В нижнем ярусе, в арочных углублениях, находились бойницы подошвенного боя, позволявшие максимально сократить «мертвую зону». Между ярусами бойниц находились варовые щели, позволявшие защитникам монастыря лить на противника горячий «вар», то есть смолу или кипяток непосредственно с галереи боевого хода.

С четырех сторон крепостная стена фланкировалась круглыми башнями. Каждая башня имела три уровня боя. Самый верхний имел, помимо щелевидных бойниц, еще и широкие круглые отверстия для установки пушек. Он также был снабжен машикулями (навесными бойницами), предназначенными для сокращения «мертвой зоны» у стен башни. Бойницы среднего яруса позволяли вести огонь по противнику как из небольших артиллерийских орудий, так и из ручного огнестрельного и метательного оружия (луков и арбалетов). Подобно стенам, башни имели бойницы подошвенного боя.

Чтобы взять такие твердыни, как Кострома и Ипатьевский монастырь, нужен был достаточно большой отряд осаждающих (не менее трех тысяч человек) с осадной артиллерией и как минимум несколько недель осады. Мне могут возразить и привести примеры, когда мощные крепости в 1605–1611 гг. сдавались небольшим конным отрядам. Да, действительно, такие случаи имели место, но только когда гарнизон или горожане решали поменять царя, например, Шуйского на Димитрия или наоборот.

Еще до начала Смуты Шестовы и Романовы имели в Костромской крепости «осадные дома», то есть собственные дома, где можно было отсидеться в случае нападения противника. Так что жить или защищаться в Домнине или в ином месте в своих вотчинах оба семейства не собирались еще до Смуты. Марфа с сыном могла проинспектировать свои вотчины, но жить там было опасно. Ряд историков считают, что Михаил и Марфа жили в Костромской крепости на своем осадном дворе и прибыли в Ипатьевский монастырь лишь для встречи «великого посольства» из Москвы. Другие утверждают, что жить в монастырь Романовы переехали лишь с началом Великого поста (февраль — начало марта 1613 г.), «дабы провести эти дни в уединении и молитве», тем более что сама Марфа была монахиней. Наконец, третья группа историков считает, что Романовы жили только в монастыре, а в Костроме если и бывали, то наездами. При этом документальных свидетельств о местопребывании Марфы и Михаила нет ни у кого.

Лично я присоединяюсь к третьей точке зрения. Дело в том, что жители Костромы вдоволь натерпелись лиха от тушинцев и люто их ненавидели. Соответственно, приезд в город жены и сына тушинского патриарха мог вызвать эксцессы. И наоборот, игумен и монахи Ипатьевского монастыря были верными тушинцами.

Любопытно, что на сторону Тушинского вора архимандрит Феодосий с братией перешли не по идеологическим причинам, а из-за «бабок». Царю Василию требовались деньги для войны с Болотниковым и Тушинским вором, и он имел неосторожность попросить их у Ипатьевского монастыря. Результат не заставил себя ждать, и в конце октября 1608 г. архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий и игумен соседнего костромского Богоявленского монастыря Арсений отправились в Тушино, где и принесли присягу Лжедмитрию II.

Понятно, что теперь монастырь оказался в полном подчинении у Тушинского патриарха. Следует заметить, что Филарет и Феодосий отлично ладили, и монастырь стал надежным оплотом тушинцев в Костромском крае.

Кострома поначалу была захвачена отрядом Лжедмитрия II. Но в начале декабря 1608 г. горожане подняли восстание. Местные тушинцы были перебиты, а их воеводу Дмитрия Мосальского-Городетского долго пытали, а затем, отрубив руки и ноги, утопили в Волге. (Марфе эта история была хорошо известна).

Тушинский царь отправил в Кострому карателей во главе с Эразмом Стравинским и Александром Лисовским. Поляки предали Кострому огню и мечу. Видимо, какая-то часть костромичей пыталась укрыться за стенами Богоявленского монастыря и там оказать сопротивление тушинцам. 30 декабря 1608 г. Богоявленский монастырь был захвачен и разорен отрядом Лисовского. При штурме погибли три иеромонаха, один иеродиакон и семь монахов. В это же время был разорен и разграблен Крестовоздвиженский монастырь в костромском кремле, при этом погибли его архимандрит Геннадий и десять человек братии.

В конце февраля 1609 г. костромичи вновь восстали, однако на сей раз тушинскому воеводе Никите Вельяминову удалось унести ноги в Ипатьевский монастырь. Но не менее двухсот тушинцев костромичи «посадили в воду», то есть попросту утопили в Волге.

В начале марта 1609 г. Никита Вельяминов написал в Тушино пану Сапеге следующее письмо о помощи: «...в Ипацком монастыре людей немного, да и те иные побиты и поранены, и лошади у них побиты ж».

В конце апреля 1609 г. к монастырю подошло войско Василия

Шуйского во главе с воеводой Давыдом Жеребцовым и приступило к осадным работам. В начале мая 1609 г. Вельяминов писал Сапеге, что к монастырю подошли на судах «воры Государевы изменники, многие люди, и дети боярские, костромичи и галиченя и нижегородские стрельцы, и с Вологды сибирьские стрельцы ж, и казаки, и галиченя и унженя и кологривцы и парфеньевцы и судайцы, многие мужики, а у них... воевода Давыд Жеребцов; и я на них, из Ипацкого монастыря, с дворяны и с детьми боярскими, с костромичи и галичаны, выходил и с ними бились, с первого часу дни да до вечера: и Божию, господине, милостию и Пречистые Богородицы и великих Чудотворцев молитвами, и Государевым счастьем, на том деле воров государевых изменников многих побили, и языки у них знамяна их воровские поимели...»

Битва закончилась ночью. Несмотря на упорное сопротивление, ратникам Жеребцова удалось закрепиться на правом берегу реки Костромы и начать осаду монастыря. «Интересно, что в это время переписку между Вельяминовым и Сапегой помогали поддерживать ипатьевские монахи. Нам, например, известны имена иноков Макария и Леонтия, доставлявших отписки костромского воеводы в стан Я. Сапеги под Троице-Сергиевым монастырем»^[39].

После сражения царские войска выкопали вокруг осажденного монастыря ров, поставили острог и укрылись за ним. Ров окружал монастырские стены «от реки от Костромы да до реки Костромы же». Все это время тушинцы предпринимали попытки вырваться из окружения.

Лжедмитрий II придавал важное значение Ипатьевскому монастырю. В мае 1609 г. он послал войско под командованием Александра Лисовского для деблокирования обители. Но Лисовскому не было суждено дойти до Ипатьевского монастыря из-за сопротивления местных жителей и отсутствия лодок для переправы через Волгу.

В августе, а по другим источникам, в сентябре 1609 г. монастырь сдался и был занят людьми Жеребцова.

Как тут не поразиться избирательности московских дьяков и летописцев! Осада Троице-Сергиевой лавры тушинцами в сентябре 1608 г. — январе 1610 г. известна чуть ли не по дням. А вот осада Ипатьевского монастыря, где монахи защищали «воров и литовских людей» практически неизвестна.

Зададим себе риторический вопрос: мог ли тушинский патриарх игнорировать осаду Ипатьевского монастыря, не посылать туда грамот с призывами к сопротивлению и т. д.? Явно, нет. Так куда же их подевали жулье — московские дьяки?

Но вернемся к бедной инокине Марфе. От дважды восставших против тушинцев костромичей ничего хорошего ждать не приходилось, зато в Ипатьевском монастыре среди братии, насмерть стоявшей за «царя Димитрия» и патриарха Филарета, опасаться было нечего.

Возможно, не стоило уделять столько внимания местопребыванию Марфы и Михаила в ноябре 1612 г. — начале 1613 г., если бы не возникновение в начале XIX века целой мифологии о подвиги крестьянина Ивана Сусанина.

О событиях Смутного времени к началу XIX века накрепко забыли. Вспомнить о них царя Александра I заставило поражение под Аустерлицем в декабре 1805 г. Павел, а затем и его сын легкомысленно ввязались в войну против революционной Франции.

Под Аустерлицем царь был лично оскорблен, поскольку он трусливо бежал с поля боя в самом начале сражения, а главное, он осознал, что из себя представляет Наполеон и его армия. Срочно потребовался созыв всенародного ополчения и т. д. В качестве хорошего примера подходил созыв ополчения Минина и Пожарского. В войне 1812 года мифы Смутного времени стали хорошим идеологическим оружием царизма.

Инокня Марфа (Ксения Ивановна Шестова — мать Михаила Романова)

Тут следует отметить, что и либерально настроенные дворяне пытались использовать события Смуты для обоснования своих идей. Речь шла об участии простых людей в решении судеб государства, например, того же «гражданина Минина».

Кстати оказался и «крестьянин» Иван Сусанин, который де спас царя весной 1613 г. Дело началось с оды «Иван Сусанин», написанной декабристом Кондратием Рылеевым.

Через несколько лет композитор Михаил Иванович Глинка пишет оперу «Иван Сусанин». Николаю I опера понравилась, однако он велел переменить название на «Жизнь за царя». Либретто к опере написал придворный Г. Ф. Розен. Немец плохо знал русский язык, зато был личным секретарем цесаревича Александра.

Опера идеально подходила к теории графа Уварова — «православие, самодержавие и народность».

С 1918 по 1938 год опера в России не исполнялась. Во-первых, ее считали ультрамонархической, а во-вторых, не желали дразнить поляков.

В конце 1938 г. Сталин предложил восстановить оперу и написать для нее «советское либретто». Сергей Городецкий быстро написал оное либретто, и 2 апреля 1939 г. в Большом театре состоялась премьера обновленной оперы «Иван Сусанин».

Тут Сусанин спасал уже не Мишу Романова, а отряд ополченцев во главе с Мининым. Сталин лично изменил ряд эпизодов в опере. Так, комиссия во главе с Иваном Большаковым предложили снять финальную сцену «Славься...», поскольку там было много «патриархальщины и церковности». Сталин же заметил: «Давайте сделаем наоборот — сцену оставим, а снимем Большакова». Именно Сталин настоял на появлении в финале Минина и Пожарского верхом на конях.

Сразу после постановки в Большом театре «Ивана Сусанина» поставили в Ленинграде и ряде других городов.

Во время встречи министров иностранных дел держав антигитлеровской коалиции, которая проходила в октябре 1943 г. в Москве, гостей пригласили в Большой театр на оперу «Иван Сусанин». Во втором действии, когда показывали бал во дворце польского короля, британский министр иностранных дел Антони Иден шепнул сидевшему рядом Молотову: «Посмотрите, какие милые люди эти поляки, дружить с ними — одно удовольствие». Английскому министру очень хотелось, чтобы Москва смягчила свое непримиримое отношение к польскому эмигрантскому правительству, обосновавшемуся в Лондоне. Но Вячеслав Михайлович не поддался. «В жизни все сложнее», — буркнул он.

Зато позднее, когда «милые поляки» стали убивать на сцене русского патриота Ивана Сусанина, Молотов оживился. «Вот видите, — наставительно сказал он Идену, — в истории наших отношений бывало всякое».

В соответствии с указаниями вождя Ивана Сусанина вернули в иконостас народных героев и на страницы школьных учебников. И, как всегда у нас бывает, очередная развесистая клюква советской пропаганды стала темой для многочисленных анекдотов. Иван Сусанин в них делил второе место с чукчей, уступая лишь незабвенному Василию Ивановичу.

Так что же было на самом деле? В 1619 г. крестьянин села Домнина Богдан Собинин подал челобитную о деяниях своего тестя Ивана Сусанина Богдашкова. Челобитная эта не сохранилась, и мы о ней знаем из царской грамоты от 30 ноября 1619 г. В грамоте говорилось о пожаловании Богдана Собинина землей с освобождением от всех налогов, сборов и повинностей.

Указывалась и причина: «За службу к нам и за терпение тестя его Ивана Сусанина. Как мы, великий государь, царь и Великий князь, Михаил Федорович всея России в прошлом 1613 году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди и тестя его... изымали и его пытали великими, немерными пытками, а пытали у него: где в те поры Мы... были, и он Иван, ведая про нас, Великого государя... где мы в те поры были не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти»^[40].

Чудесная сказка Собинина понравилась царю и его матери. Зятюку дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова. Естественно, что никто не проверял сообщения Богдана, да и проверить их было физически невозможно. А, главное, зачем? Просил Богдан немного, а польза для династии Романовых была огромная.

Современный памятник Ивану Сусанину, воздвигнутый в Костроме в 1967 г. Фото А. Широкограда

Риторический вопрос: а почему Марфа и Михаил шесть лет не вспоминали об их спасителе Сусанине? Запомнили? Других дел хватало? Вряд ли. Своих людей Марфа не забывала. Помните «фельдсвязь», установленную с Филаретом, Пафнутием и К^о в 1602 г.? Так Марфа уже 18 марта 1614 г. щедро наградила всех своих агентов: «Попу Ермолаю и сыну его Исааку, им и детям их и внукам, в их роде во веки неподвижно... была пожалована в вотчинное владение дворцовая волостка в Челмужском Петровском погосте, именно реки для рыбной ловли числом 12, около Челмужской губы и обширное пространство земли около Челмужи, равное ныне 10 144 десятинам...»

Крестьяне тоже получили вотчины, но в общей сложности в 12 раз меньшие, чем один отец Ермолай Герасимов с сыном Исааком. Гаврила и Клим Глездуновы были пожалованы деревней Июдинской из вотчинных владений Вяжицкого монастыря; Поздей Томило и Степан Тарутины сделались независимы от своего монастыря и получили деревни Тарутину и Грибановскую. Кижские крестьяне Сидоровы награждены были деревнями Клементьевской в Сенной Губе и Потаповской в Яндомозере с землями и угодьями.

Все вотчинники, кроме этого, жалованными грамотами объявлялись свободными от въездов бояр, воевод и приказных людей, а также от всяких пошлин тягла и податей и ограждались от обид «под страхом великой царя и государя опалы на тех, кто учнет делать через царские жалованные грамоты и крестьян избидит».

А после возвращения Филарета из Польши руководство агентуры получило новые награды. Отец Ермолай Герасимов с сыном Исааком, уже поставив себе новый двор в Челмужском погосте, были вызваны в Москву, и здесь отец Ермолай, служивший до сего времени простым погостским попом, был назначен ключарем Кремлевского Архангельского собора, а сын его Исаак Герасимов Ключарев — подьячим Казанского дворца. В почетной должности Архангельского ключаря отец Ермолай Герасимов состоял до самой своей смерти в 1627 г.

Сравните — люди, лишь сообщавшие Марфе «о здоровье» ее мужа, получили столь щедрые награды, а человека, спасшего саму Марфу и ее сына от лютой смерти, забыли напрочь. И лишь после напоминания родственников убитого их кой-как наградили — освободили от налогов. Как-то несерьезно получается.

Сразу возникает вопрос, откуда в начале 1613 г. в районе села Домнино оказался отряд поляков? О действиях всех без исключения польских королевских отрядов, а также «частных армий» Сапеги, Лисовского и других хорошо известно в литературе, особенно в польской. Судьба не только их командиров, но и практически всех шляхтичей тоже известна.

За двести лет изысканий наши квасные патриоты не нашли ни одного шляхтича, который мог бы погибнуть в районе Домнина.

Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н. И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытаться и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Подвиг Ивана Сусанина. Рис. В. Фаворского

Костомаров писал: «Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем ворам: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были

другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное. Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обельную грамоту».

Участник русско-шведской войны Юхан Видекинд писал, что в конце 1612 г. польский король Сигизмунд III послал шесть тысяч запорожских казаков (черкасов) разорять Северный край^[41]. Они разорили множество городов, монастырей и сел на русском севере, о чем сообщают многочисленные грамоты монастырей и горожан, особенно из района Солигалича. Совсем недалеко от Солигаличского уезда находилось село Домнино.

Интересный нюанс: в большинстве грамот захватчики и грабители именуется «литовскими людьми». Это и понятно. Ведь формально малороссийские и запорожские казаки числились подданными Великого княжества Литовского, да и термин «запорожцы» был тогда еще неизвестен жителям северной Руси. А вот нынешние историки-образованцы термин «литовские люди» заменяют на «литовцев» и прибавляют к ним поляков. Замечу, что ни один польский пан, равно как и этнический литовец в разгроме Солигаличского уезда иди других северных районов зимой 1612/13 г. замечен не был.

Вот эти-то черкасы (запорожцы) и могли ограбить Домнино, и в поисках «рухляди» запытать или посесть саблями богатого крестьянина Ивана Сусанина. Двигались запорожцы небольшими отрядами и никакой опасности ни для Костромы, ни для Ипатьевского монастыря не представляли.

Соответственно, этот отряд казаков не погиб в Костромских лесах и не утонул в болотах. В конце марта — начале апреля 1613 г. в районе города Елифани к атаману Ивану Заруцкому прибыл отряд «из 400 украинских казаков. И с действиями этого отряда связан подвиг Ивана Сусанина»^[42]. Это цитата из книги доктора исторических наук А. А. Станиславского.

Казалось бы, все ясно. Рухнул советский строй. Демократы занялись

развенчиванием сталинских кумиров и всей советской мифологии. Но к великому удивлению миф о Сусанине не только обрел второе дыхание, но и раздувается сейчас до необычайной величины — такие масштабы Иосифу Виссарионовичу даже не снились!

Дабы читатель не обвинил автора в буйной фантазии, приведу лишь материалы СМИ. В Костроме ждут, не дождутся двух юбилеев — 400-летия Дома Романовых и подвига Ивана Сусанина. Администрация Костромской области создала два туристических проекта «Иван Сусанин» и «Кострома — имперский регион». Сколько вложено в эти проекты казенных денег — это, разумеется, государственная тайна. В Костроме активно функционирует ООО «Романовы и Сусанин». С 2002 г. Костромская епархия РПЦ ведет борьбу за канонизацию Ивана Сусанина. Руководство РПЦ пока заняло выжидательную позицию. Но уверен, что к 2013 г. Ивана канонизируют. Не исключена канонизация и Михаила I, и кого-нибудь из его семейства.

«В нескольких километрах от Сусанино, в селе Домнине, действует туристическая фирма „Романовы и Сусанин“. Водит приезжих путями Сусанина. Выглядит это так: впереди идет мужик, вполне оперный, в старинной крестьянской одежде, за ним — малый в польском кафтане при сабле, а дальше уже тянутся туристы в цивильном. По смыслу происходящего они — тоже поляки. А кто же еще? Там других не было. То есть люди платят за то, чтобы поучаствовать в убийстве национального героя и тем самым приобщиться к отечественной истории. Вот его картинно зарубают, и, причастившись Ивановой крови, желающие идут подкрепиться в ресторан, имитирующий боярские покои начала XVII века. Он тоже принадлежит фирме „Романовы и Сусанин“.

Я побеседовал с убийцей Ивана. Человек глубоко вжился в роль. Поляков уважает: „Понимаете, это были не какие-нибудь бродяги, это был спецназ, элита польского войска. Они были посланы, чтобы нейтрализовать претендента на русский престол. Поляки хотели, чтобы русским царем был их королевич Владислав, но тут подвернулся Сусанин...“. Какая трагическая случайность!»^[43].

А вот еще сообщение: «В Исупово работают археологи, ищут кости Ивана, и даже, как будто что-то нашли. Церковь готовится канонизировать героя. Хочет оприходовать место силы и эксплуатировать культ, который на нем сложился. Культ налицо: деревья около памятных знаков, связанных с Иваном, обвешены тряпицами. На пасху я видел там даже яйца. И стакан. Как будто люди выпивали с Сусаниным. А почему и не выпить, если он невзначай способен появиться у тебя на пути и завести разговор на

житейскую тему?

В прошлом году в Домнино фактически на месте усадьбы Романовых я обнаружил некое ООО „Романовы и Сусанин“. Люди зарабатывают, водят туристов на Чистое болото. Впереди идет ряженный мужик, изображающий Сусанина, за ним — человек в польском кафтане при сабле, следом — экскурсанты. По смыслу мизансцены они вроде тоже поляки. То есть, выходит, платят за то, чтобы ощутить себя убийцами героя. В финале „поляк“ зарубает Ивана. Непредвзятый этнолог скажет: приносит Сусанина жертву Романовым. Жизнь за царя!

Как видно, ряженные экскурсоводы, не чая того, эксплуатируют идею строительной жертвы, которая (и идея, и жертва) была положена в основу домостроительства Дома Романовых. Жертва — это Сусанин (и шире — народ), который стал краеугольным камнем при строительстве новой династии (нет, не зря Романовых осудили за колдовство). А идея строительной жертвы легла в основание специфической ментальности царствующего дома. В частности, это просматривается в костромском памятнике Сусанину, который снесли большевики. Бесстыдный был памятник: хорошо эрегированный столб, на нем бюст Михаила Федоровича (буквально: залупленная головка), а у основания — коленопреклоненный, мужик, которого при недостаточном освещении (если смотреть сзади и несколько сбоку) легко принять за яйца, оснащающие этот воистину монументальный член. Надо так понимать: половая энергия Романовых идет от народа, который помогает крутым самодержцам самого себя дрючить»^[44].

В 2001 г. местные власти выделили свыше 300 тыс. рублей на поиски останков Ивана Сусанина. Естественно, останки нашли, правда, только череп без нижней челюсти. По словам консультанта, главного археолога комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации Костромской области Сергея Алексева, «в течение двух лет мы проводили раскопки в Исуповском некрополе (на территории нынешнего Сусанинского района Костромской области) и вскрыли более 200 захоронений, а в четырех из них нашли черепа со следами рубленых ран. Мы доказали, что Сусанин не заводил поляков в болото, а просто отвел их от места, где скрывался Михаил Романов». По словам господина Алексева, от мифов и легенд о Сусанине ученые теперь намерены перейти к научному изучению его личности в российской истории.

Для этого в Кострому приехали ведущие российские специалисты по Смутному времени, археологии, антропологии и судебной экспертизе. Гвоздем программы стало выступление заведующего отделом

идентификации личности Российского центра судмедэкспертизы (РЦСМЭ) Виктора Звягина с докладом «Идентификация захоронения Ивана Сусанина: судебно-медицинские аспекты».

Профессор Звягин объявил, что проведенное экспертами Российского центра судмедэкспертизы исследование не имеет аналогов в российской судмедпрактике. При исследовании костей использовался весь арсенал современных методов: спектральный, фенотипический, ДНК-анализы и многие другие. Хотя все доказательства носят лишь вероятностный характер, лично профессор Звягин убежден, что найденные останки принадлежат именно Ивану Сусанину. Но, судя по вопросам, части аудитории предъявленные доказательства показались не слишком убедительными. Так, многих смутило, что молекулярно-генетическая экспертиза не дала ни положительных, ни отрицательных результатов.

Скептически настроен и коллега профессора Звягина по РЦСМЭ, заведующий отделом генетических исследований центра профессор Павел Иванов. «Последние несколько месяцев по плану научно-исследовательских работ нашего отдела мы действительно пытаемся выделить ДНК из семи позвонков и одного зуба восьми разных людей, мужчин и женщин, — сообщил господин Иванов. — Но пока нам не удается найти достаточное количество ДНК для последующего анализа». Впрочем, по словам профессора Иванова, окончательно надежду выделить ДНК из костей четырехсотлетней давности он не теряет. «Ведь из мумий и мамонтов ее выделяют», — резонно заметил господин Иванов. Однако даже если ученые добьются успеха, то сразу станет вопрос: с чем сравнивать «сусанинскую» ДНК. «Приведется искать прямых потомков Сусанина, — подчеркнул профессор Иванов. — А где их теперь найдешь?»^[45].

Думаю, хватит цитат. Вся эта возня вокруг Сусанина напоминает скверный анекдот. Все сие было бы очень смешно, если бы не тратились деньги налогоплательщиков.

Неужели новые кремлевские правители не понимают, на какие грабли они наступают, создавая общегосударственный культ Сусанина?

Ведь у нас под боком по-прежнему существует враждебное государство, создающее у себя базы американских ракет, нацеленных на Россию. Главный аргумент польских властей в политических и экономических отношениях с Россией и Евросоюзом — история. Мол, раньше все обижали бедных поляков, и теперь гоните за это деньги и привилегии. Подавляющее большинство исторических аргументов Варшавы — дикое вранье. Но тут Кремль явно решил играть с ляхами в

поддавки, подкидывая им крупный козырь — миф о Сусанине. В Варшаве давно спрашивают: какие конкретно поляки убили великого вашего народного героя? Так пусть в Кремле внятно ответят на этот вопрос или прекращают балаган.

Ну а наш народ с хрущевских и брежневских времен обеднел, но не поглупел и на новую «сусанинскую кампанию» ответит сотнями забавных анекдотов. На центральное телевидение их, естественно, не пустят, но останутся неподконтрольная пресса и Интернет.

«Сусанинщина» не только не сплотит народа России, но и внесет еще больший раздор. Между тем для властей есть отличный выход — вывести «сусанинщину» в ранг преданий. И пусть различные ООО вовсю эксплуатируют бренд Ивана Сусанина в Костроме, как царевича Димитрия — в Угличе, Деда Мороза — в Великом Устюге и т. д. Причем, ничего зазорного для Сусанина и его почитателей в этом нет. К примеру, смоляне чествуют Меркурия Смоленского, спасшего их город от татар, но лишь в качестве предания, не занося его в учебники истории.

Так пусть и Иван Сусанин будет красивым народным преданием.

Глава 15. Воцарение Михаила

После победы сторонников Романовых возник весьма забавный вопрос: а где же сами Романовы? Иван Никитич торчал под боком и все время твердил, прозрачно намекая на себя, что Романовы знатны и в родстве с царями, но Михаил де слишком молод и неопытен и т. д. и т. п. Но его, как уже говорилось, всерьез не приняли.

На поиски Михаила Романова и его матери была снаряжена большая экспедиция под руководством архиепископа рязанского Феодорита и родственника Михаила Федора Ивановича Шереметева. В наказе послам говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он государь будет». Посланцы, уведомив новоизбранного царя и его мать об избрании, должны были сказать Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилься над остатком рода христианского.... и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву...» В заключение наказа говорилось: «Если государь не пожелает, станет отказываться или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вскоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он государь про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы отправились из Москвы 2 марта 1613 г. А еще ранее, 25 февраля, по русским городам были разосланы грамоты с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Федоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась — быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу. Бог его, государя на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей

неизреченной милости. Всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение».

Как видим, не прошло и двух недель после переворота, как началась мифологизация «февральской революции». Михаил чудесным образом стал племянником царя Федора, а Бог лично «помимо всех людей» выдвинул кандидатуру племянника в цари.

Присяга в большинстве областей России последовала быстро и без осложнений. Первыми присягнули 4 марта жители Переяславля-Рязанского.

Наконец пришло в Москву сообщение от посольства, посланного на поиски Михаила. Михаила с матерью обнаружили в Костроме в Ипатьевском монастыре.

Из предыдущей главы мы уже знаем, какими мотивами руководствовалась жена тушинского патриарха, выбирая в качестве убежища Ипатьевский монастырь.

Московское посольство прибыло в Кострому 13 марта 1613 г. Михаил приказал им явиться в Ипатьевский монастырь на следующий день, о чем послы оповестили весь город. Наутро послы, костромской воевода, местное духовенство с крестами и иконами, а также толпа зевак двинулись к Ипатьевскому монастырю, расположенному в двух-трех верстах от города. Михаил с матерью встретили процессию у входа в монастырь. Послы объявили Михаилу о цели своего визита, и он «с великим гневом и плачем» ответил, что не хочет быть государем, а мать его добавила, что не благословляет сына на царство. Послы с трудом уговорили их вслед за крестным ходом войти в соборную церковь. В церкви послы передали Михаилу с матерью грамоты от собора и снова просили Михаила на царство, но получили прежний ответ. Марфа сказала, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа припомнила измены Годунову, убийство Лжедмитрия I, свержение с престола и выдачу полякам Василия Шуйского и продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и

всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Марфа напомнила, что митрополит Филарет находится в польском плену «в большом утесненье», и как узнает король, что на Московский престол вступил его сын, тотчас же сделает Филарету какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и уговаривали Михайла, говорили, что выбрали его по изволению божию, а не по его желанию, «положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах». Далее послы стали доказывать, что все вышеупомянутые правители московские незаконно сели на престол, а вот Михаил один законный.

Представление длилось свыше шести часов. Наконец Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на провидение и непостижимые судьбы божи. Марфа благословила сына. Михаил принял посох у архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

Казалось бы, комедия сыграна, теперь пора начинать царствовать. Государство по-прежнему находилось в критическом состоянии. Садись в сани, и через три дня государь будет в Москве. Санний путь 14 марта (по старому стилю) почти идеален, а через две недели начнется распутица, и уже не будет санного пути, но не будет еще и водного. Но Михаил выехал лишь 19 марта, а 21 марта прибыл в Ярославль.

Оттуда царь, а точнее, его мамочка, затеяла хозяйственную переписку с московскими властями: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам?» Москва отвечает: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного». 8 апреля Михаил (Марфа) пишет: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов. По этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш».

Соловьев писал: «Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля». И кто бы мог подумать, что в апреле наступит

оттепель?! Нашим правителям уже 500 лет мешает погода.

25 апреля Михаил (Марфа) пишет боярам, чтобы они велели приготовить для царя Золотую палату царицы Ирины, а для Марфы — деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского. Бояре ответили, что приготовили для Михаила покои царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его — хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа. Те же хоромы, о которых приказал государь, надо отстраивать заново — кровли там нет, лавок, окошек, дверей нет, и денег также нет, плотников нет, материалов нет.

29 апреля Михаил отписал боярам: «По-прежнему и по этому нашему указу велите устроить на Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья. Вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромах матери нашей жить не годится».

Почти два месяца вояжировал Михаил из Костромы в Москву. Из его переписки с московскими властями можно составить пухлый том, но, увы, писалось там только о государевом быте, да о разбойниках — не шалят ли по дороге, не обидят ли царя-батюшку? И ни одного военного, административного или иного государственного распоряжения!

2 мая 1613 г. царь Михаил торжественно въехал в Москву. Михаил с матерью отстояли молебен в Успенском соборе, после чего Михаил допустил всех к своей руке.

Венчание Михаила на царство состоялось 11 июля 1613 г. Накануне торжественного дня, с вечера, в Успенском и других соборах, а также во всех столичных монастырях и церквях были отправлены всенощные бдения. На рассвете 11 июля начался звон кремлевских колоколов, который не прекращался до самого прибытия царя в Успенский собор.

Царь Михаил Федорович в первые годы правления. Журнал «Родина» № 11, 2005

Перед венчанием Михаил пожаловал в бояре стольников князей Пожарского и Черкасского. Во время коронации боярин князь Мстиславский осыпал Михаила золотыми монетами, боярин Иван Никитич Романов держал шапку Мономаха, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой — скипетр, боярин князь Пожарский — державу. Венчал Михаила за неимением патриарха казанский митрополит Ефрем.

Любопытно, что в грамоте об избрании царя Михаила подпись князя Дмитрия Пожарского шла 42-й!

Уже в апреле 1613 г. в челобитных царю Михаилу Пожарский подписывается «холоп твой Митька». Можно ли, находясь в здравом уме, предположить, что князь Рюрикович Д. М. Пожарково-Стародубский добровольно захочет ни за что, ни про что сделаться «холопом Митькой»?

В конце 1613 г. царь Михаил, а точнее, его мать, пожаловала боярство

Борису Михайловичу Салтыкову. Салтыковы запятнали себя изменой в 1610–1612 гг., но зато они приходились родственниками инокине Марфе. Вдобавок то ли бойкая монашка, то ли бояре надумили Мишу заставить именно Пожарского публично объявить Салтыкову о производстве его в чин («у списка велел стоять»). Как уже говорилось, Салтыковы были беспородны. Их предок якобы объявился «из прус» в Новгороде. Дмитрий Михайлович стал доказывать, что он Салтыкову «боярство сказывать и меньше его быть не может». Дьяки принесли разрядные книги, и в присутствии царя началось разбирательство.

Михаил потребовал, чтобы он «сказал боярство» Салтыкову, меньше которого ему быть можно. Но Пожарский не послушался, уехал домой и сказался больным. В итоге Салтыкову о производстве его в бояре объявил думный дьяк, а в разряде записали, что Пожарский. Салтыкова же это не устроило, он бил челом государю о бесчестии, и Михаил удовлетворил его просьбу. Пожарский был вынужден поехать в дом к Салтыковым и просить прощения у Бориса.

Михаил, вернувшись в Москву в мае 1613 г., нашел уже нормально функционирующий государственный аппарат. Основные Приказы (министерства) были воссозданы Мининым и Пожарским еще летом 1612 г. в Ярославле. Зимой 1612/13 г. аппарат был существенно усилен чиновниками, съехавшимися в Москву.

Боярскую думу по-прежнему возглавлял князь Федор Иванович Мстиславский. Он был именован представителем боярства, ибо по-прежнему писалось: «Бояре — князь Ф. И. Мстиславский с товарищи». Важную роль играл в думе и князь Иван Михайлович Воротынский. Но, увы, оба были абсолютно тупы в военном деле и весьма посредственными администраторами. Оба были в солидном возрасте и слабы здоровьем. Мстиславский умер в 1622 году, а Воротынский — в 1617-м.

Мстиславский и Воротынский удержались у власти исключительно в силу слабости царя, который принципиально был против выдвижения умных и энергичных государственных деятелей. Царя Михаила монархические историки называют Кротким. Естественно, что наименование дано на эзоповом языке, поскольку назвать кротким человека, отправившего на виселицу четырехлетнего ребенка, довольно сложно. «Кротость» на эзоповом языке означала «слабость ума». Семнадцать лет, проведенные за бабскими юбками, и не могли дать другого результата. За царя фактически правила его мать инокиня Марфа и его родня — Салтыковы. Замечу, что дядя царя Иван Никитич Романов занимал третье место после Мстиславского и Воротынского, но Марфа относилась к

нему весьма настороженно, и его роль в управлении государством была крайне мала.

Управление государством инокиней резко нарушало писанные и не писанные светские и церковные законы. Но возражать этому никто не смел, поскольку Смута надоела всем классам населения России, за исключением разве что «воровских» казаков. Здоровый организм выздоравливает сам по себе, без врача, или при враче, который не особенно вредит пациенту. Приблизительно такая ситуация сложилась и в России в 1613–1620 гг. И если бы «кроткого» Михаила заменили матерчатой куклой, в истории России мало что изменилось бы.

Сразу после прибытия Михаила Романова в Москву началась массовая раздача казенных и конфискованных у политических противников земель. Подавляющее большинство царских и советских историков утверждали, что в 1612–1613 гг. к власти пришли «здоровые силы», то есть дворяне из нижегородского ополчения. Однако статистика раздач земель показывает, что больше всего получили именно тушинцы, как из бояр, так и просто «воровские казаки» из бывших боевых холопов, стрельцов и крепостных крестьян.

По сему поводу профессор М. Н. Покровский писал: «Более жалостливое отношение к тушинским грамотам сравнительно с королевскими чрезвычайно характерно: правительство царя Михаила не могло забыть, что и Тушино когда-то было „дворянским гнездом“, из которого вылетели Романовы. Оттого „воровские дачи“ и не отбирались с такую неуклонностью, как дачи „королевские“...»

В 1619–1620 годах был роздан целый Галицкий уезд, т. е. все его „черные“, занятые свободным еще крестьянством земли»^[46].

Среди получивших огромные вотчины — бояре Иван Никитич Романов и Шереметевы, князья Буйносовы-Ростовские, Ромодановские и др.

Замечу, что подлинными спасителями отечества князь Пожарский и Кузьма Минин получили чисто символические награды. Так, в 1618 г. Дмитрий Пожарский получил позолоченный серебряный кубок и атласную шубу на соболях с серебряными позолоченными пуговицами.

В сентябре 1619 г., сразу после посвящения Филарета в патриархи, за стойкость и мужество во время последней войны Пожарскому были пожалованы село, проселок, сельцо и четыре деревни. В 1621 г. данная Пожарскому царем Василием вотчина была пополнена и закреплена за ним жалованной грамотой.

В 1613 г. царь Михаил пожаловал Кузьму Минина в думные дворяне и

подарил село Богородское.

Как видим, награды были более чем скромные, я бы сказал — это было издевательство.

Сотни тушинских «воровских казаков» стали зажиточными дворянами. Так, «в Рязанском уезде в 1619 г. получили поместья из дворцовых земель в Болванниковской волости и в Каменском стане тремя отдельными группами 68 казаков...

В Каширском уезде 89 казаков получили поместья одновременно. 15 сентября 1619 г., в дворцовой Лысцовской волости. Отделяли их С. С. Чириков и подьячий И. Шумов. Среди казаков было 5 атаманов и 5 есаулов... Иван Шумов впервые упоминается как атаман в 1615 г. В 1617 г. за участие в подмосковных ополчениях [то есть в первом ополчении. — А. Ш.] и другие службы он получил 13 рублей „вновь“ из Галицкой четверти...»^[47].

В 1619 г. нескольким казакам были пожалованы выморочные дворянские и казачьи поместья в Вологодском и Шацком уездах. Так, атаману Алексею Жерлицыну, принимавшему участие в подавлении восстания М. И. Баловня, пожаловано 83 четверти; есаулу Никифору Степанову — 150 четвертей; казакам Ивану Терскому и Сысою Петрову — по 46 четвертей.

К 30 мая 1619 г. поместье в Ливенском уезде в 100 четвертей было выделено атаману Воину Внукову, владевшему с 1613 г. еще одним поместьем в Вологодском уезде. Однако в июле того же года Внуков лишился ливенского поместья «за воровство».

До 6 июля 1619 г. еще более 50 «вермстанных» казаков, в том числе станицы Нагая Тобынцева, получили поместья в Ливенском уезде на землях, отписанных у столичных дворян, и многие в соответствии с «указанными нормами» — 18 четвертей земли на 100 четвертей оклада.

Не позднее 1619 г. в ближайшем к Звенигороду Городском стане Звенигородского уезда (село Васильевское, деревни Мышкино, Агафонова и несколько пустошей) получили поместья 13 атаманов: Богдан Подорван, Влас Баврин, Семен Суровцев, Борис Топорков, Василий Митрофанов, Бессон Постников, Панкрат Вахтырев, Елизар Клоков, Иван Костерев, Микула Завьялов, Иван Железков, Нагай Тобынцев, Третьяк Бурков.

Список можно продолжить до бесконечности. Нас же эти царские «дачи» интересуют лишь, чтобы констатировать, на какие силы опирались Марфа и Михаил, а позже и Филарет — на верных дому Романовых бояр и воровских атаманов.

Глава 16. Пик Смуты

4 ноября 2005 г. по указанию Президента и контролируемой им через «партию власти» Думы впервые был отпразднован «День народного единства». Населению и особенно молодежи внушают, что, мол, после одного дня все сословия Московского государства объединились и вместе начали строить светлое будущее. Хорошо заплаченные поэты, писатели и журналисты дружно начали воспевать этот день:

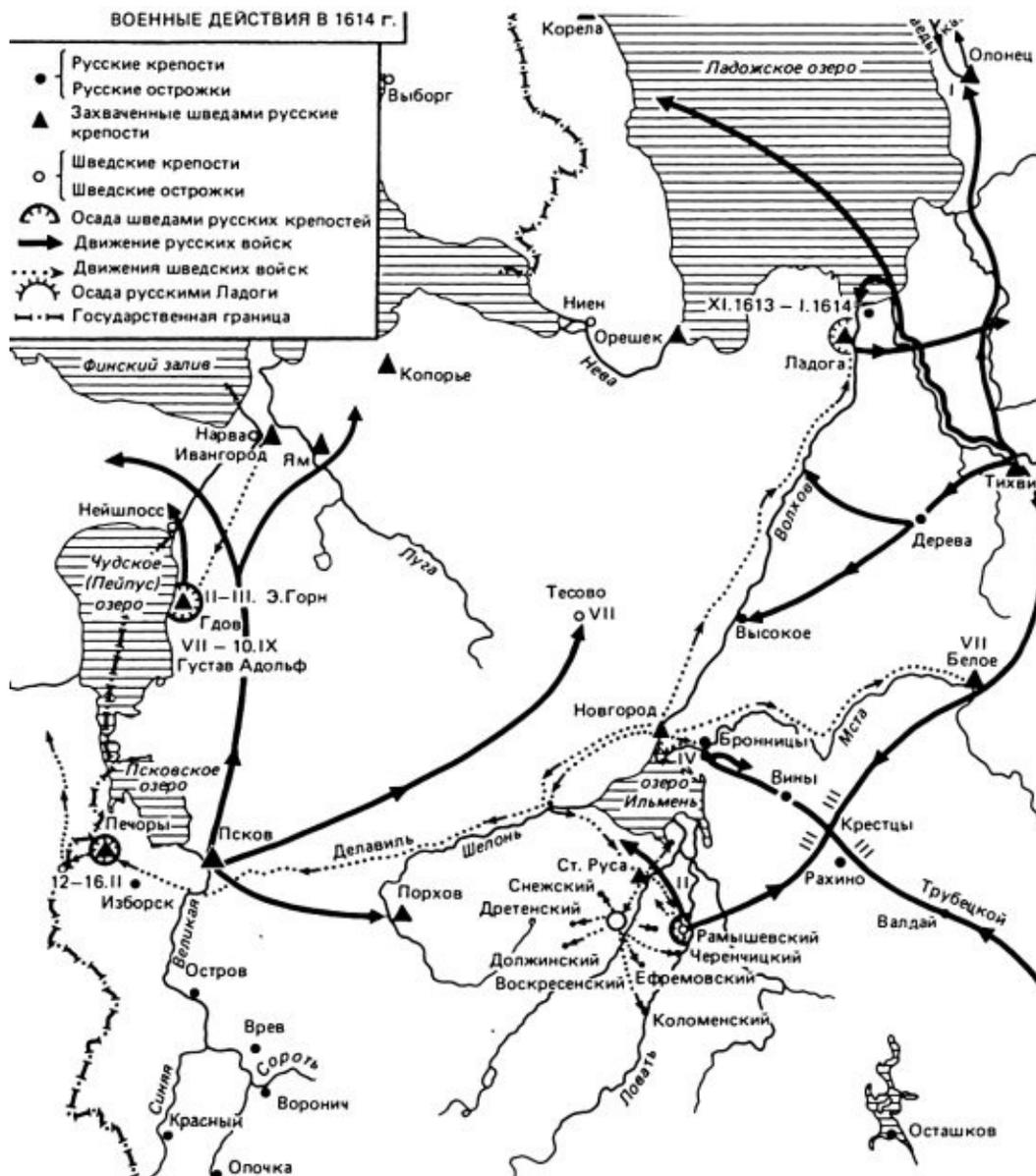
Сегодня День народного единства,
Мы выступаем против терроризма.

Увы, Смуте не только после 4 ноября, но и после приезда Михаила в Москву не только не ослабла, но и даже усилилась. Мало того, если с конца 1610 г. по 4 ноября 1612 г. гласной тенденцией Смуты была борьба с польской интервенцией, то после 4 ноября поляки вышли из игры на целых пять (!) лет. Точнее, Минин и Пожарский выбили ляхов из игры.

Смута же приобрела характер чисто гражданской войны — московитов против московитов. Локальные стычки на севере со шведами и участие отдельных «польскоподданных» (литовцев и малороссов) в отрядах русских воров картины в целом не меняют.

После захвата власти в Москве тушинскими сторонниками Романовых, война в Московском государстве запылала с новой силой. Расширились и масштабы военных действий от Вязьмы до Казани и от Соловков до Астрахани. Потери русского народа никто не считал, но можно смело утверждать, что с 4 ноября 1612 г. по 18 октября 1617 г. (день возобновления активных боевых действий поляками) погибло больше людей, чем за любые пять лет Смуты с 1605 по 1610 год.

И у кого хватило ума день перехода национально-освободительной борьбы против поляков в чисто гражданскую войну назвать Днем национального единства?

Военные действия в 1614 г.

Нравится нам или не нравится, но сына тушинского патриарха, поставленного у власти тушинскими казаками, всерьез не воспринимали ни казачество в целом, ни определенная часть дворянства, ни соседние государства.

Так, литовский канцлер Лев Сапега публично сказал находившемуся в Польше Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство государем одни казаки-донцы». Тушинских казаков канцлер назвал донцами из политкорректности, благо, он сам и его родня покровительствовали тушинцам. Итак, в 1613 г. существовало два полулегитимных царя всея Руси — Михаил и Владислав. Разница была в

том, что Михаил контролировал Москву и имел «большие батальоны», а Владислав не имел ни того, ни другого. Дело в том, что в 1613–1615 гг. польский король Сигизмунд III был лишен возможности направить сколько-нибудь серьезные силы на Москву. Сейм не давал денег на войну. Бунтовали магнаты, нападали крымские татары, грозили войной турки. Тем не менее, и без ляхов по всей России шла ожесточенная война.

Фактически война 1613–1618 гг. распадается на целый ряд больших войн и несколько десятков малых. Объем монографии позволяет остановиться лишь на наиболее важных событиях.

Начну с войны с казаками Заруцкого. Как мы уже знаем, он в ночь на 28 июля 1612 г. бежал из стана первого ополчения под Москвой в Коломну, где жила Марина Мнишек с сыном Иваном.

«Карамзинский хронограф утверждает, что с Заруцким ушли бывшие „тушинцы“, „которые с ним вместе воровали, были у вора в Тушине и Колуге“, однако таких казаков, без сомнения, было немало и в полках Трубецкого. Достаточно указать на станицу Степана Ташлыкова, в декабре 1609 г. осаждавшую Троице-Сергиев монастырь, а в марте — апреле 1613 г. находившуюся в Москве. Остался с Трубецким и атаман Кондратий Миляев, служивший в лагере Лжедмитрия II еще в 1608 г.»^[48].

Короче, точных данных нет! Я же не собираюсь гадать, и воинство Заруцкого буду называть просто казаками.

Заруцкий намеревался захватить Переяславль-Рязанский, но у Шацка наперерез ему двинулся Владимир Ляпунов, сын покойного Прокопия. В конце сентября 1612 г. у села Киструс в шестнадцати верстах от Рязани Ляпунов разбил казаков, которые отступили на юго-восток Рязанской земли и остановились в Сапожке.

Чтобы помешать Заруцкому укрепиться в Мещерском крае, в Шацк из Рязани было направлено триста стрельцов. Кроме того, в Шацке находился мордовский отряд под командованием кадомского князя Кудаша Кильдеярова и часть мещерских дворян. Заруцкий был вынужден вновь отступить. В районе Венева был разбит отряд атамана Чики, а сам атаман доставлен в Тулу к купцу Григорию Тюфякину. 11 декабря 1612 г. его казаки заняли городок Михайлов, который на несколько недель стал резиденцией «царицы» Марины и «царя» Ивана.

Однако долго оставаться в Михайлове Заруцкий побоялся и в конце декабря перешел в хорошо укрепленную крепость Епифань. Возможно, что это было как-то связано с болезнью царевича Ивана. В декабре до московских воевод дошел слух, что «воренок на Михайлове умер». В любом случае, Заруцкий сделал правильный ход.

2 апреля 1613 г. в Михайлове произошел переворот. Местные жители, натерпевшиеся от казаков, подняли восстание и частично перебили, а частично взяли под стражу казаков из гарнизона Заруцкого.

В Епифани наш атаман устроил подобную столицу и даже завел собственную канцелярию. Любопытно, что часть архива оной канцелярии была захвачена в 1616 г. вдалеке от Епифани — под Юрьевцем на Волге. Там был разгромлен отряд «черкас», то есть малороссийских или запорожских казаков. Среди пленных казаков оказался и родной брат Ивана Заруцкого Захария. У него-то и нашли «листы».

Московские власти не имели достаточных сил для захвата Епифани. По указу Пожарского из дворян казанского края был основан большой отряд, который двинулся к Епифани ловить «воренка». Однако, не дойдя до верховий Дона, казанцы остановились в Арзамасе, откуда в начале марта 1613 г., сославшись на нехватку припасов, вернулись в Казань.

Замечу, что Москва пыталась решить вопрос с Заруцким не только силовыми, но и дипломатическими методами. В марте 1613 г. Земской собор направил к Заруцкому в Епифань трех казаков «полка Трубецкова» — Василия Медведя, Тимофея Иванова и Богдана Твердикова — «з боярскими и з земскими грамоты». Этим казакам хорошо знал и сам Заруцкий, и его казаки еще по первому ополчению.

Посланцев Земского собора поначалу встретили в Епифани неласково — их дочиста ограбили и заперли под замок. Но позже Заруцкий сменил тактику и позволил посланцам вернуться в Москву, отправив с ними свои грамоты. Правда, награбленное так и не вернули, и в Москве бояре выдали посланцам компенсацию по десять рублей на брата. В грамотах Заруцкий просил, чтобы его царское величество, то есть Михаил, «на милость положил, вину его отдал, а он царскому величеству вину свою принесет и Марину приведет».

На казачьем круге в Епифани многие склонялись перейти на службу к царю Михаилу. Более двухсот дворян и казаков бежали от Заруцкого из Епифани, среди них были сапожковский воевода И. Толстой и атаман М. Мартинов. Оба впоследствии получили царское прощение. Видимо, в тот момент сам Заруцкий не знал, что делать и всерьез рассматривал вариант выдачи Марины московским властям. Толстой и Мартинов показали в Москве, что «Заруцкий-де будто хочет итти в Кизылбаши, а Маринка-де с ним итти не хочет, а зовет его с собою в Литву». Понятно, что уход в Литву означал конец авантюры Заруцкого. В конце концов, атаман принимает решение воевать с Москвой до конца.

К тому времени в Епифани у Заруцкого имелось две тысячи русских и

четыреста черкас, то есть запорожских или малороссийских казаков. Черкасы пришли к Заруцкому в марте 1613 г. из Поморья. Историк А. Л. Станиславский задает вопрос: «...не с действиями ли этого отряда связан „подвиг Ивана Сусанина“?»^[49] Замечу, что слово «подвиг» взято в кавычки не мной, а Станиславским.

10 апреля 1613 г. войско Заруцкого покинуло Епифань и двинулось к городку Дедилову. Там Заруцкому удалось отбить атаку отряда тульского воеводы князя Г. В. Тюфякина. Казаки, ограбив Дедилов, двинулись к малой крепости Крапивне. 13 апреля казакам удалось поджечь деревянный острог Крапивны в четырех концов. Небольшой гарнизон был перебит, казаки убили даже попа городской Пречистенской церкви. Крапивненский воевода Максим Денисович Ивашкин был ранен и взят в плен.

13 апреля 1613 г. из Москвы против Заруцкого была направлена хорошо вооруженная рать под началом князя Ивана Никитича Одоевского. 20 или 21 апреля воинство Заруцкого вышло из крепости Крапивны и двинулось на юг, где не было московских войск. Неделю Заруцкий провел в местечке Черни. Там по приказу атамана был четвертован крапивненский воевода Ивашкин.

В мае 1613 г. Заруцкий дважды пытался штурмовать город Ливны, но оба раза был отбит. В двадцати верстах от Ливн в Чернавске Заруцкий зарыл клад. В 1649 г. там при рытье рва был найден винный котел. Говорили, что это «положенья вора Ивашки Заруцкого, потому как он шел из-под Москвы, и в тех местах и где ныне город и слободы Ивашка Заруцкий с Маринкою стоял... а, чают, вынесли то положенье чернавские пушкарки».

От Ливн Заруцкий повернул на северо-восток и в начале июня занял местечко Лебедянь. Оттуда атаман отступил к Воронежу. По пути к нему пристало несколько сотен донских казаков.

29–30 июня 1613 г. в четырех верстах от Воронежа произошло сражение казаков Заруцкого и войска князя Одоевского. Заруцкий понес большие потери, но не был разбит. 1 июля ему даже удалось сжечь Воронеж. Тем не менее, Заруцкому пришлось опять бежать на юг.

Замечу, что в Польше внимательно следили за борьбой московских воевод с Заруцким. Весной 1613 г. под Боровском был схвачен запорожский сотник Корнила с грамотами к Заруцкому от литовского гетмана Я. К. Ходкевича. Вскоре в Москву бежал ротмистр Синявский, который также вез к Заруцкому грамоты из Польши. Польские источники утверждают, что грамоты были от Ходкевича, а по русским данным — от самого короля. Текст грамот до нас не дошел, а содержание их известно

лишь в переложении царской грамоты, адресованной донским казакам: будто бы король приказывал Заруцкому «делать смуту» в Московском государстве и за это обещал ему в вотчину на выбор Новгород Великий (в то время занятый шведами), Псков с пригородами или Смоленск и «учинить его великим у себя боярином и владетелем».

Между тем Заруцкий продолжал терять сторонников — за Доном у него было уже не более пятисот казаков. От реки Медведицы Заруцкий двинулся к Волге. Там он вступил в союз с ногайским князем Иштериком. Казакам вместе с ногайцами удалось захватить Астрахань. Астраханский воевода князь Иван Хворостин и несколько десятков чиновников и обывателей были казнены по приказу Заруцкого и Марины.

Москва, занятая борьбой с поляками на западе, со шведами на севере и с бандами воровских казаков по всей стране, не могла сразу выделить достаточных сил для борьбы в Заруцким. Поэтому в начале 1614 г. правительство предприняло ряд дипломатических мер. Так, 15 июня 1614 г. на Дон в поселок Смагин юрт приехал царский посол Иван Опухтин. С ним было послано царское знамя, деньги, сукна, порох и различные припасы. Собрав круг, посол подал атаману царскую грамоту, где говорилось: «И вам бы с тем знаменем против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст. К нам, великому государю, по началу и по своему обещанию службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово иначе к вам не будет».

Донское войско почти единогласно обещало «служить и прямить» Михаилу так же, как и царям — его предшественникам. Одного из сторонников Заруцкого донцы сами повесили, а второго нещадно избili батогами и бросили в середину круга под царское знамя к ногам посла. Опухтин попросил помиловать виноватого, чем вызвал бурное одобрение казаков.

Волжским казакам царь также направлял грамоты, деньги, сукна, вино и «разные запасы». Москва начала переманивать на свою сторону и ногайцев, послав грамоту Иштерику, где говорилось, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана.

Заруцкий проигнорировал царскую грамоту. Волжские же казаки в большинстве своем заявили о своей верности Москве. Лишь ближайшие к Астрахани станицы атамана Верзиги встали на сторону Заруцкого. 560 «охотников за зипунами» отправились к нему в Астрахань. Присоединился к Заруцкому и Терский городок.

В самой Астрахани Заруцкому и Марине было беспокойно. Марина

хорошо помнила страшный звон московских колоколов 17 мая 1606 г. и боялась того же в Астрахани. Она даже запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон колоколов пугает ее маленького сына.

Пользуясь тем, что Астраханский край фактически был отрезан от остальной России, «сладкая парочка» распускала по городу нелепейшие слухи. Так, Заруцкий объявил, что Московское государство захвачено Литвой. Предполагают, что Заруцкий объявил себя в Астрахани царем Димитрием. Во всяком случае, до нас дошел документ — челобитная какого-то казака на имя царя Димитрия Ивановича, царицы Марины Юрьевны и царевича Ивана Дмитриевича.

Кто-то распустил слух, что Лжедмитрий II находился в Персии. Вячеслав Козляков приводит еще более забавную версию: «Во время астраханского стояния зимой 1613/14 года Иван Заруцкий действительно не останавливался ни перед какими средствами, чтобы собрать силы для похода на Москву. Только так мог родиться фантастический проект союза с ногаями, который предполагалось скрепить не только присутствием атамана в Астрахани, но еще и браком Марины Мнишек с одним из высших сановников Большой орды — кековатом (главой одного из двух кочевых ногайских улусов) мурзой Яштереком. Делалось это, видимо, для того, чтобы привлечь поссорившихся друг с другом как раз из-за „кековатства“ ногайского князя Иштерека и мурзу Яштерека»^[50].

Лично я сомневаюсь, что Заруцкий хотел этого брака. Но при необходимости, думаю, Марина бы согласилась. А что? Легла же она с монахом-расстригой, набивалась к старцу Васе Шуйскому, жила со шкловским евреем, потом с безродным казаком. Так чем же достойный мурза хуже?

В Астрахани Заруцкий от имени царя Димитрия, царицы Марины и царевича Ивана вступил в переговоры с персидским шахом Аббасом и пытался склонить его к наступательному союзу против Москвы. Шах поначалу пообещал Заруцкому дать войско и помочь деньгами и продовольствием. Но до прихода персидского войска в Астрахань дело не дошло. В 1617 г. шах Аббас извинился перед московскими послами Тихоновым и Бухаровым за обещание помочь Заруцкому. Шах уверял, что казаки ввели его в заблуждение, утверждая, что при них находился царь московский Иван Дмитриевич, а Москва занята литовцами, от которых они хотят ее очищать. А как только шах узнал о воровстве Марины и Заруцкого, то не дал им никакой помощи.

Весной 1614 г. после окончания ледохода Заруцкий с казаками собрался идти на стругах на Самару и Казань, а берегом Волги должна

была идти ногайская орда. Однако Заруцкому так и не пришлось стать Стенькой Разиным. В марте 1614 г. воевода Петр Головин уговорил гарнизон Терского городка отложиться от «воров» и поцеловать крест царю Михаилу. Затем воевода Головин составил отряд из семисот ратных людей под началом стрелецкого головы Василия Хохлова и приказал им идти на Астрахань.

По прибытии в Астрахань Хохлов привел к присяге ногайских татар. Кроме того, ногайский князь Иштерек написал князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представил положение зависимого татарина в смутах Московского государства: «Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязаться защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, а то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Еще до подхода отряда Хохлова в Астрахани началось восстание против Заруцкого. Город оказался во власти восставших, а казаки с Заруцким и Мариной заперлись в кремле. Узнав о подходе Хохлова, в ночь на 12 мая «царское семейство» с верными казаками бежало на стругах вверх по Волге.

Хохлов со стрельцами на стругах и лодках немедленно бросился в погоню. Он нагнал казаков Заруцкого и наголову их разбил. Среди пленных оказалась и фрейлина Марины полячка Варвара Казановская. Однако самому Заруцкому с Мариной и «воренком» удалось уйти на трех стругах, затерявшись в волжских протоках и островах. Волга ниже Царицына помимо основного русла имеет ряд параллельно текущих левых рукавов, самый крупный из которых — Ахтуба. Рукава соединяются с основным руслом многочисленными протоками. В мае при высокой воде Волга в нижнем течении представляет собой архипелаг островов. В этом то архипелаге и затерялись три струга Заруцкого.

А тем временем воевода князь Одоевский вместо ловли беглецов вступил в переписку с Хохловым. Ведь к приходу московской рати весть Астраханский край был очищен от воров к большому негодованию Одоевского. Он писал Хохлову, чтобы тот не извещал царя об астраханских событиях до его прихода, а если уже послал гонца, то вернул бы его с

дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не приняв никакого участия в освобождении Астрахани, Одоевский требовал от Хохлова, чтобы тот заставил астраханцев устроить ему торжественную встречу: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать».

Заруцкий же рукавами и протоками Волги прошел мимо Астрахани, вышел в море, а затем по реке Яик (Урал) дошел до Медвежьего городка. Валишевский считает, что Заруцкий собирался бежать в Персию, но тогда непонятно, почему он не сделал это сразу, выйдя на стругах в Каспий? В мае море довольно спокойное, а в случае волнения он мог переждать в одной из безлюдных бухт.

В Медвежьем городке Заруцкий с Мариной оказались фактически в плену у местного казачьего атамана Уса. Князь Одоевский в Астрахани узнал о появлении Заруцкого на Яике и 6 июня 1614 г. отправил туда на стругах двух стрелецких голов Пальчикова и Онучина с отрядом стрельцов. Стрелецкий отряд 24 июня осадил Медвежий городок. Атаман Ус с товарищами осознали безнадежность сопротивления, и на следующий день городок сдался. Казаки били челом, целовали крест государю Михаилу Федоровичу и выдали Заруцкого с Мариной, Иваном и чернецом Николаем. В тот же день всю компанию под конвоем отправили в Астрахань.

6 июля 1614 г. караван стругов с пленными прибыл в Астрахань. Там Марину и Заруцкого разлучили и срочно отправили вверх по Волге в Казань. При перевозке пленников, говоря газетным штампом, были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Их везли на двух отдельных караванах судов. Марину с сыном сопровождало 600 стрельцов, а Заруцкого — 350. При нападении больших сил противника охране было приказано немедленно убить пленных, включая ребенка. Из Казани пленников сухим путем отправили в Москву.

В конце 1614 г. положение царя Михаила было относительно стабильно. Казалось бы, самое время учинить публичный процесс над заводчиками Смуты в России. А главное, рассказать всю правду русскому народу. Ведь, начиная с 1603 г. московские правители — Борис Годунов, Лжедмитрий I, Василий Шуйский и семибоярщина — безбожно ввали. Царская власть, царское слово были полностью дискредитированы. А ведь Смута еще не кончилась. На западе идет война с ляхами, на севере — со шведами, по всей стране гуляют воровские шайки, не исключено появление новых самозванцев. Разоблачение заводчиков Смуты дало бы огромный политический козырь молодому царю в борьбе с внешним и внутренним

врагом.

А тут у московского правительства такие возможности! Под руками были и Марина Мнишек, и десятки знатных ляхов, которые знали первого самозванца еще с 1603 г., монах Варлаам, с которым Гришка бежал в Литву, родственники Отрепьева, монахи Чудова монастыря и т. д., и т. п. Но как раз розыск заводчиков и мог погубить новую династию. Ведь именно Романовы стояли у истоков Смуты.

Испуганный Михаил срочно прячет концы в воду. Возможно даже буквально — по польским официальным данным Марина Мнишек была утоплена, по русским официальным данным Марина умерла с горя в монастырской тюрьме, а по неофициальной версии ее удавили двумя подушками.

Заруцкий был посажен на кол, а четырехлетнего «царевича» Ивана отняли у матери в одной рубашонке. Поскольку было холодно, палач нес его на казнь, завернув в собственную шубу. Ивана публично повесили на той самой виселице, где кончил свою жизнь Федька Андронов. По свидетельствам очевидцев ребенок был столь легок, что петля не затянулась, и он погиб лишь через несколько часов от холода.

Не хочу спорить о том, была ли эта казнь «государственной необходимостью»^[51]. Но вот что противно — уже три века историки, писатели, журналисты и святоши пролили море слез по «невинно убиенным царевичам» Дмитрию Углицкому и Алексею Николаевичу. Но вот кто-нибудь из этих шулеров от истории вспомнил бы о шестнадцатилетнем венчанном великом князе всея Руси Дмитрие Ивановиче, замученном в московском застенке 14 февраля 1509 г., или о повешенном «воренке» — царевиче Иване Дмитриевиче. Но поскольку они не нужны для политических дразг, о них напрочь забыли.

А теперь перенесемся на север. Там воеводам царя Михаила пришлось воевать как со шведами, так и с собственными воровскими казаками.

Замечу, что донские казаки, состоявшие на службе нового царя, грабили не хуже польских «лисовчиков»^[52]. Так, например, царь Михаил направил из Ярославля на Псков войско князя Семена Прозоровского. Князь доносил царю: «Те казаки... едучи дорогою, по нашему указу кормы емлют, а сверху кормов воруют, проезжих всяких людей на дорогах и крестьян по селам и по деревням бьют и грабят, из животов [имущества] на пытках пытаются и огнем жгут и ламают и до смерти побивают...»

В октябре 1614 г. казаки из отряда атамана Макара Козлова, направляясь на службу к Трубецкому, по дороге грабил села царицы-

инокини Марфы и боярина Ф. И. Мстиславского, а затем ограбили игумена Кирилло-Белозерского монастыря Матвея. Между Переславлем и Троице-Сергиевым монастырем, на реке Дубне, монастырский обоз был остановлен казаками. Монастырские слуги попытались защитить игумена, но были «переранены». Казаки хорошо поживились: они сняли с Матвея роскошную соболью шубу, а также забрали 46 коней, «суды», «всякий запас» и «наличными» 211 рублей и 26 алтын.

Дворяне и казаки из войска Трубецкого часто конфликтовали между собой: «Бяше же у них в рати настроение великое и грабеж от казаков и ото всяких людей». В Тверском уезде в 1613–1614 гг. «казаки беспрестанно... ходили войною и дворян и детей боярских, и их людей, и крестьян до смерти побивали, жгли и мучили». В 1615 г. посадские люди из Твери писали в челобитной, что они «от Литвы, и от немец, и от русских воров от казаков... разорены до основанья». А когда сборщики в том же году приехали в Тверской уезд за оброчными деньгами, то увидели, что крестьяне «разбрелися розно от казачья разоренья».

Казаки из войска Трубецкого по «подговору» посадских людей Твери разграбили тверское поместье князя Б. В. Касаткина-Ростовского. Во время поездки из Торжка в Тверь сын боярский Г. Ржевский попал в казачий отряд «неволею».

На помощь Трубецкому для захвата Новгорода в сентябре 1613 г. был направлен под Старую Русу Андрей Федорович Палицын (дальний родственник троицкого келаря Авраамия Палицына) с отрядом новгородских дворян и четырьмя казачьими станицами.

Войско Трубецкого дошло лишь до Бронниц, где было остановлено шведами. Царь Михаил разрешил войску отступить. При отходе войско понесло большие потери.

Шведский король Густав-Адольф сам явился в русских пределах и осенью 1614 г. после двух приступов владел Гдовом. Но затем король возвратился в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году с осады Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. И король действительно хотел этого мира, не видя никакой выгоды для Швеции делать новые завоевания в России и даже удерживать все прежние захваченные земли. Он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал: «Этот гордый народ, — писал он о русских, — питает закоренелую ненависть ко всем чуждым народам».

Делагарди получил от короля Густава приказ: если русские будут осиливать, то бросить Новгород, разорив его. «Я гораздо больше

забочусь, — писал король, — о вас и о наших добрых солдатах, чем о новгородцах». Причины, побудившие шведское правительство к миру с Москвой, высказаны в письме канцлера Оксенштирна к командующему шведским отрядом Горну: «Король польский без крайней необходимости не откажется от прав своих на шведский престол, а наш государь не может заключить мира, прежде чем Сигизмунд признает его королем шведским: следовательно, с Польшею нечего надеяться крепкого мира или перемирия. Вести же войну в одно время и с Польшею и с Москвою не только неразумно, но и просто невозможно, во-первых, по причине могущества этих врагов, если они соединятся вместе, во-вторых, по причине датчанина, который постоянно на нашей шее. Итак, по моему мнению, надобно стараться всеми силами, чтоб заключить мир, дружбу и союз с Москвою на выгодных условиях».

14 июля 1614 г. войско Трубецкого было выбито шведами из Бронниц и в беспорядке бежало к Старой Руссе и далее к Москве.

По шведским данным в июле 1614 г. из Сум и Соловков в Финляндию вторгся отряд из 400 русских стрельцов и 200 казаков. Навстречу им двинулся шведский воевода Ханс Мунк. Бой произошел у деревни Уганьской. Не выдержав натиска, стрельцы и казаки побежали вниз к реке. Пока они, толкаясь, усаживались в ладьи, три ладьи затонуло. Многие сами бросились в реку и утонули, 30 человек убитых осталось на берегу, а 15 человек шведы взяли в плен. Трофеями шведов стали и два знамени.

Летом 1614 г. на Ладоге была сформирована шведская эскадра для борьбы с русскими судами, действовавшими на озере. Командовать шведскими судами, то есть быть адмиралом, был назначен капитан Адриан Полидор. 19 мая одиннадцать шведских шнеков встретились с несколькими ладьями казаков. После перестрелки русские отступили и укрылись в устье небольшой реки. Шведы, судя по всему, не рискнули войти в эту реку и довольствовались тремя ладьями, брошенными на берегу казаками.

После этого шведы отправили из Новгорода большой конвой «людей в Ладогу, чтобы привезти оттуда порох и другие припасы. По дороге посланные были встречены казаками, которые напали на них, отбили четыре ладьи и заставили повернуть назад. Возвратившихся господин Якоб послал, однако, вторично, и, так как на этот раз дул сильный попутный ветер, то им удалось проскочить мимо казаков. Когда же они приняли в Ладоге на борт десять бочонков пороху и другой груз, Розенкранц послал с ними такой сильный конвой, что они сами напали на казаков, разбили и прогнали их, причем не только вернули свои четыре галеры, но и захватили все, какие были у казаков, и сверх того обезопасили путь.

Затем Розенкранц 10 июля отправил в Нотебург большие пушки, прибывшие из Новгорода в Ладогу. [Речь идет о старинных русских медных пушках, захваченных шведами в Новгороде. — А. III.] Но едва только суда с ними вошли в устье реки, как ветер переменился и погода испортилась. Тем временем неприятель, собравшись в количестве более 1500 человек, намеревался захватить пушки. Поэтому Розенкранц приказал доставить орудия обратно в Ладогу, но враг последовал за ними и показался в виду города. Поэтому из города была сделана вылазка и в течение четырех часов продолжалась перестрелка. Но неприятель, имея перевес в силе, высадился на обоих берегах, открыл оттуда огонь, и шведы были вынуждены отступить. Розенкранц просил поэтому его величество прислать на помощь 800 человек, чтобы прогнать врага, спасти пушки и не дать неприятелю сжечь созревший на полях хлеб.

Для этого в Ладогу были направлены рейтары из Новгорода. Тем временем противник тоже увеличивал свои силы. Прибыло еще тридцать неприятельских ладей, так что всего там насчитывалось теперь не менее 2 тысяч человек. К Розенкранцу же прибыли на выручку десять ладей из Нотебурга. Только в августе войска Розенкранца напали на неприятеля и обратили его в бегство, после чего пушки были совершенно безопасно доставлены в Нотебург, а оттуда впоследствии Ивар Нильссон переслал их в Швецию. В то же время Розенкранц направил 350 человек с рейтарами к укреплению, возведенному неприятелем под Rosowa (Посово). Посланные храбро напали на врага и заставили его отступить. Часть солдат неприятеля спаслись на ладьях, честь в лесу, предварительно запалив укрепление. Но ускользнуло всего четыре ладьи; тридцать три было захвачено. Из людей, убежавших в лес, часть тоже была перебита»^[53].

Летом 1614 г. казаки активно действовали и в тылу царских войск. Они успешно грабили Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Костромской, Ярославский, Романовский, Угличский и Кашинский уезды. До 30 марта четыре тысячи казаков появились в Каргопольском уезде, где грабили купцов, ехавших в Каргополь, и «заложили» дороги на Вологду и Белозерск. Для защиты от казаков в апреле 1614 г. в Каргополе в дополнение к 150 имевшимся там стрельцам решили набрать еще 50 человек помимо 30 «вольных» людей, нанятых на службу «миром».

23 апреля 1614 г. угличский воевода И. Головин на реке Мологе разгромил отряд малороссийских казаков. Захваченные в плен казаки показали, что они шли из заонежских погостов вместе с русскими казаками. В Вологодском уезде отряд разделился, и малороссийские казаки

пошли на Мологу, а русские— в Пошехонье, «а говорили-де... меж себя, что им идти к Заруцкому».

1 мая того же года в Вологодский уезд, проломив засеки, вошел другой отряд казаков и черкес. Шел он «из-за Шексны-реки, из-за Череповца». Казаки разграбили Павлов, Конильев и Никольский (на Комельском озере) монастыри и «наборзе Любим-городок разорили». В итоге «мая до 12-го числа на Вологде было осадное время» — кто-то из местных жителей укрылся в городе, а другие попрятались от казаков в лесах.

Часть воровских казаков во главе с костромичом атаманом Прохором Кориным в мае 1614 г. перешла из Вологодского уезда в Ярославский и Романовский, а затем двинулась в Пошехонье, однако на Вологодчине от этого стало не спокойней. Так, 12 июня казаки увели 13 лошадей из архиепископской вотчины в Лежаском волоке, а князь Ф. Дябринский с 26 мая по 24 июня не мог выехать из Вологды в Москву, поскольку «в Вологодском уезде и по Московской дороге воровы были». Сын боярский Третьяк Жданов попал в плен к казакам, а вологодские крестьяне опять бежали от казаков по лесам.

Боевые действия со шведами закончились в 1615 г. 30 июля 1615 г. Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16-тысячное войско, в котором находились и русские казаки. Первая стычка с осажденными кончилась для шведов большой неудачей — они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа шведы подошли к Варламским воротам и, совершив богослужение, начали копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и малые городки, а подалее устроили большой деревянный город, где находилась ставка самого короля. Всего городков шведы построили более десяти и навели два моста через Великую реку.

Три дня с трех сторон шведы бомбардировали город. Только каленых ядер они пустили 700 штук, а простых чугунных — числа нет, но Псков не сдавался. 9 октября шведы пошли на приступ, но он не удался.

Шведы вынуждены были пойти на переговоры. Русские также были слишком слабы, чтобы вести наступательные действия. Переговоры затянулись — за годы Смутного времени накопилось много проблем и вопросов. Перемирие было подписано 6 декабря 1615 г., а мирный договор — лишь 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь на 54-м километре от ее впадения в Ладожское озеро.

Согласно условиям Столбовского мира стороны должны:

— Все ссоры, происшедшие между двумя государствами от Тязвинского до Столбовского мира, предать вечному забвению.

— Новгород, Старую Русу, Порхов, Ладогу, Гдов с уездами, а также Сумерскую волость (то есть район озера Самро, ныне Сланцевский район Ленинградской области) и все, что шведский король захватил во время Смутного времени, вернуть России.

— Бывшие русские владения в Ингрии (Ижорской земле), а именно Ивангород, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом, переходят в шведское обладание. Шведско-русская граница проходит у Ладоги. Всем желающим выехать из этих районов в Россию дается две недели.

— Северо-западное Приладожье с городом Корела (Кексгольм) с уездом остается навечно в шведском владении.

— Россия выплачивает Швеции контрибуцию: 20 тысяч рублей серебряной монетой. (Деньги заняты московским правительством в Лондонском банке и переведены в Стокгольм.)

Очищая занятые русские земли, шведы увозили все, что «плохо лежало». И это не авторское преувеличение. В конце XX века у финского острова Мулан было найдено шведское транспортное судно этого периода. На нем аквалангисты обнаружили русские церковные колокола, различную утварь и даже... большое количество кирпичей. Видимо, хозяйственные шведы разобрали монастырские постройки^[54].

Столбовский мир, бесспорно, был тяжек для России. Но, по мнению автора, недопустимо ставить на одну доску Швецию и Польшу, как это делали советские историки, говоря о «польско-шведской интервенции». Можно ли равнять бандита с большой дороги, поджегшего дом с целью грабежа, и недобросовестного пожарного, не сумевшего затушить пламя и позаимствовавшего кой-чего на пожаре?

С севера перенесемся в Центральную Россию. О действиях там в 1613–1618 гг. отдельных отрядов «воровских казаков» можно написать солидную монографию. Я же остановлюсь лишь на операциях атамана Михаила Баловня и полковника Лисовского.

Отец Михаила Иван Баловень был городовым казаком. В 1592 г. он упомянут в отписке головы Б. Хрущева как самовольно уехавший из Воронежа в Данков. По некоторым данным Михаил Иванович Баловень какое-то время в 1613 г. служил в Тихвине.

В следующем 1614 году Баловень собрал отряд казаков и отправился к Москве. О действиях Баловня и его товарищей воеводы доносили: «Там и там стояли казаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и повоевали до основания, крестьян жженных видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от

мученья и пыток, кроме замерзших»^[55].

В войске Баловня, по данным Станиславского, было не менее тридцати станиц. Историки оценивают воинство Баловня, двигавшееся к Москве, в 15–20 тысяч казаков. На мой взгляд, эта цифра явно преувеличена. Казаков было 5–7 тысяч. Вначале их лагерь разместился в районе села Ростокино на реке Яузе, к которому казаки подошли по Троицкой дороге. Туда же сразу потянулись московские посадские люди со своими товарами и открыли там торговлю. Вскоре в Ростокино явились и представители правительства — дворяне И. В. Урусов и Ф. И. Челюсткин, а также дьяк Иван Шевырев, возглавлявший Приказ сбора казачьих «кормов», и дьяк Иван Федоров, ранее собиравший пятинные деньги в районах, занятых казаками. В их обязанности входило «переписать и разобрать» казаков, «сколько их пришло под Москву». Но приезд их вызвал новую волну возмущений казаков: «...атаманы и казаки к дворяном и к дьяком к смотру не шли долгое время и переписывать себя одва дали, а говорили: то они, атаманы, ведают сами, сколько у кого в станицах казаков». То есть казаки по-прежнему настаивали, что состав станиц — это их внутреннее дело, как и у донских казаков.

Между 10 и 14 июля вышел царский указ о запрещении посадским людям ездить в Ростокино с товарами, что еще больше разозлило казаков. Тогда 14 июля в Москву приехал атаман Г. Обухов с семьей казаками и привез челобитную от войска. Из записи в расходной книге Разрядного приказа видно, что казаков приняли хорошо и выдали 11 алтын на корм их лошадям. Казаки добились своего — запрет на торговлю с ними был снят.

Казаки шантажировали московских бояр — если их государь не пожалует, то они пойдут к пану Лисовскому в Северную страну.

Из Ярославля было вызвано войско князя Бориса Лыкова. Кроме того, прибыл отряд окольного Артемия Измайлова. Узнав о подходе царских войск, казаки перешли по требованию бояр в район Донского монастыря.

23 июля 1615 г. отряд окольного А. В. Измайлова прошел от Рогожской слободы к Симонову монастырю и остановился напротив казачьего табора на другом берегу Москвы-реки. Пока посланцы Измайлова уговаривали казаков оставаться на месте, сам окольный во главе своего отряда двинулся к казачьему лагерю. «Они ж, казаки, а тут не узнашася, начаша битися», — сообщает летописец. Царские воеводы побили «воров».

Большая часть казаков во главе с Ермолаем Терентьевым начала отступать по Серпуховской дороге, а остальные — по Калужской дороге. Измайлов и Лыков двинулись за ними, по дороге несколько раз громили их

отряды и нагнали основную толпу в Малоярославском уезде на реке Луже. Здесь казаки были наголову разбиты, «а остальные, видя над собою от государевых людей тесноту, добились челом и крест целовали».

Судя по летописи, царские воеводы на месте никого не казнили, а пригнали в Москву только 3256 казаков. В столице их «разобрали». Семерых атаманов во главе с Михаилом Баловнем повесили в Москве. 23 сентября еще 35 атаманов, есаулов и казаков разослали по тюрьмам Нижнего Новгорода, Коломны, Касимова, Балахны, Костромы, Галича и Суздаля.

Большинство же казаков Баловня записали в посадские сотни и стрелецкие приказы. Из тюрьмы казака освобождали только по поручной записи, что «ему не изменить, в Литву, и в Немцы, и в Крым, и в иные ни в которые государства, и в изменичьи городы, и к Лисовскому не отъехать, и в воровском казаком к изменнику не приставать, и с воры с ызменники не знатца, и грамотками и словесно не ссылатца, и не лазучить, и иным никаким воровством не воровать».

Некоторые воровские казаки были возвращены своим помещикам.

Любопытно, что среди казаков Баловня оказалось 11,7 процента... дворян. Само собой разумеется, что многие дворяне и дети боярские на расспросах в Москве плакались, мол, насильно казаки их к Москве повели. Другие жаловались на бедность. Так, каширский дворянин С. Д. Минохов мотивировал уход в казаки «бедностью безпоместной», новгородец С. Д. Обентов — «бедностью и разорением». По царскому указу у всех дворян, пойманных с Баловнем, были отняты поместья.

Подлинным бедствием для Московского государства стали походы польско-казацкого отряда Александра Лисовского. Шляхтич Лисовский был отпетым бандитом и за «подвиги» в Польше во время рокоша был приговорен к смертной казни заочно. Кстати, позже король Сигизмунд III простил пана за аналогичные «подвиги», но уже на Руси.

Отряд Лисовского был поначалу невелик — около 600 человек, но после взятия Карачева он удвоился за счет подхода поляков и малороссийских казаков. Любопытно, что казаки называли Лисовского «батькой». Точное число казаков, служивших у Лисовского, и сколько из них было донцов, запорожцев и других — неизвестно. Есть лишь отрывочные данные, как, например, то, что 60 волжских казаков к нему привел атаман Ляд, как минимум одну станицу привел атаман Яков Шишов и т. д.

Главным преимуществом Лисовского была мобильность. Весь его отряд был конным, да и к тому же многие «лисовчики» имели запасных

лошадей. В 1615 г. Лисовский совершил рейд вокруг Москвы радиусом 200–300 км.

Хитроумные советники предложили инокине Марфе послать ловить «лисовчиков»... Дмитрия Пожарского. С Лисовским русским, безусловно, надо было кончать, но был ли смысл давать такое поручение Пожарскому? Князь был многократно ранен, что не давало ему возможности, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого словить «лисовчиков»? Тут нужен был не стратег, а лихой гусар типа Дениса Давыдова.

Царь Михаил и его окружение были заинтересованы в том, что бы воевода осрамился и не поймал Лисовского, а в случае удачи тоже не велика заслуга — поймать грабителя.

29 июня 1615 г. Пожарский с отрядом из 690 дворян, конных стрельцов и иноземных наемников, а также не менее 1260 казаков двинулся из Москвы на ловлю «лисовчиков». Среди наемников был и шотландский капитан Яков Шав, которого Пожарский отказался принять на службу в 1612 г. Однако теперь Шав служил примерно, чем завоевал доверие воеводы.

Лисовчик. П. П. Рембрандт

Царь Михаил дал наказ (инструкцию) Пожарскому о методах борьбы с «лисовчиками»: «Распрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолбы; а как надолбы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, что они безвестно не пришли и дурна какова не учинили».

Когда Пожарский миновал Калугу, из его войска сбежали 15 казаков из разных станиц, а возглавил беглецов некий Афанасий Кума, которого казаки избрали своим атаманом. Позже Кума на допросе покажет, что до «казачьяны» он был крестьянином дворцового села Михайловского, а брат его Трофим служил в том же селе попом. А казаком Афанасий стал после «разорения» Звенигородского уезда пришедшими из Тушина «литовскими людьми».

После ухода от Пожарского численность отряда Кумы стала быстро расти. Так, в октябре 1615 г. в нем было уже около пятисот казаков. Пожарский говорил о Куме, что «он такова вора не видел», настолько возмутительны были его разбои. Казаки Афанасия убили верейского воеводу В. А. Загряжского, штурмовали острог в Рузе, разграбили Верейский, Рузский, Звенигородский, Боровский, Можайский и Медынский уезды, города Кременск и Вышгород. Помимо разбоев и грабежа «вор Офонька и иные казаки хотели своровать, государю изменить, отъехать к Лисовскому».

В ноябре 1615 г. Куму удалось поймать, и Пожарский потребовал его казни: «А только государь такова вора пощадит, казнить не велит, и тем городом, которые он разорил, и вперед и досталь запустеют». Однако Афанасий всё отрицал, мол, не грабил он, не убивал, а только отъехал от Пожарского «для кормов». Дальнейшая судьба Кумы неизвестна.

Еще несколько казаков, в том числе Т. Трофимов, бежали из войска Пожарского в Речь Посполитую.

Лисовский на какое-то время засел в городе Карачеве. Узнав о быстром продвижении отряда Пожарского через Белев и Волхов, Лисовский испугался, сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу. Разведчики донесли об этом воеводе, и тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков, а в Волхове — две тысячи конных татар.

Рано утром на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал скоротечного встречного боя и отступил. Отошел и другой русский отряд под началом воеводы Степана Исленьева. На поле битвы остался лишь сам Пожарский с шестьюстами ратниками. Пожарский долго отбивал атаки более чем трех тысяч поляков, а потом приказал установить укрепление из сцепленных обозных телег и засел там.

Лисовский не мог и предположить, что у Пожарского так мало людей, поэтому не посмел атаковать его, а раскинул стан неподалеку — в двух верстах. Пожарский не хотел отступать и говорил своим ратникам, уговаривавшим его отойти к Волхову: «Всем нам помереть на этом месте».

К вечеру вернулся воевода Исленьев, а ночью подошли и остальные беглецы. Утром Пожарский, видя вокруг себя большую рать, начал преследование Лисовского. Тот быстро снялся с места и стал под Кромами, но, видя, что погоня не прекращается, он за сутки проделал 150 верст и подошел к Волхову, где был отбит воеводой Федор Вольнским. Затем Лисовский подошел к Белеву, сжег его и направился было к Лихвину, но

потерпел здесь неудачу и занял Перемышль, воевода которого оставил город без боя и бежал со своими ратниками на Калугу.

Пожарский остановился в Лихвине. Здесь к нему подошло несколько сотен ратников из Казани. После непродолжительного отдыха князь возобновил преследование Лисовского. Тот по-прежнему отступал. Поляки сожгли Перемышль и прошли на север между Вязьмой и Можайском.

Пожарский после нескольких дней невероятно быстрой (для русского войска того времени) погони тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге был отвезен в Калугу.

Без Пожарского войско потеряло боеспособность. Отряд казанцев самовольно ушел в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками побоялись продолжать преследование «лисовчиков». И Лисовский свободно прошел под Ржев Володимиров, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову.

Отступив от Ржева, Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города.

После этого Лисовский не нападал уже на города, а пробирался как тень между ними, опустошая все на своем пути: прошел между Ярославлем и Костромой к Суздальскому уезду, потом между Владимиром и Муромом, между Коломной и Переяславлем-Рязанским, между Тулой и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот без существенных потерь ушел. Так Лисовскому удалось уйти в Литву после своего поразительного в военной истории и надолго запомнившего в Московском государстве круга.

Замечу, что молниеносные рейды, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли даром. В октябре 1616 г. в походе Лисовский внезапно упал с коня мертвым. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли.

Глава 17. Владислав и Михаил — битва за корону

В ноябре 1614 г. радные паны прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в жестоком обращении со знатными польскими пленниками. Но, несмотря на все, они, паны, де хотят завести мирные переговоры на границе. Бояре поначалу заартачились, что де им и принять панскую грамоту не пригоже, не только что по ней какие государственные дела делать, потому что в грамоте все написано высокомерно и не по прежнему обычаю, великого государя имени не указано. Но все же, по миролюбию своему, бояре приняли панскую грамоту и ответили на нее.

С боярской грамотой послом в Польшу был направлен некий Желябужский (до нас не дошло его имя). Переговоры Желябужского с панами ничего не дали и вылились в поток взаимных обвинений и оскорблений.

В Москву боярам Желябужский привез грамоту, в которой паны предлагали место съезда уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмой. В грамоте паны писали также: «Пока холопы вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана».

И все же московские бояре, несмотря на столь грубую грамоту, приняли предложение панов и в сентябре 1615 г. отправили на литовскую границу уполномоченных по соборному решению послов бояр князя Ивана Михайловича Воротынского и Алексея Сицкого и окольного Артемия Васильевича Измайлова. От радных панов прибыли киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега и староста велижский Александр Гонсевский. Посредником был императорский посол Еразм Ганделиус.

Юный королевич Владислав. Неизвестный художник XVII века

Переговоры начались 24 ноября 1615 г. у Духова монастыря вблизи Смоленска. Они также были безрезультатны и вылились в перебранку. На переговорах Иван Михайлович Воротынский хлестко высказался о королевиче Владиславе, которому поляки предлагали дать отступные за отказ именоваться московским царем: «У нас про то давно отказано, вперед о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: и так от его имени Московское государство разорилось».

1 июля 1616 г. по царскому указу воеводы князь Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили лихой рейд в Литву, разгромив окрестности Суража, Велижа и Витебска. В свою очередь отряд литовцев и казаков действовал у Карачева и Кром. За ними гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но уничтожить не сумели, и большинство литовцев ушло за рубеж.

В июле 1616 г. паны определили отправить королевича Владислава с войском на Москву. Интересно, что радные паны с одной стороны были уверены в успехе, а с другой — не доверяли королевичу. Поэтому вместе с

ним сеймом было послано восемь специальных комиссаров во главе с епископом луцким Андреем Липским.

Обязанностью комиссаров было следить, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий. Главными условиями были: 1) соединить Московское государство с Польшей неразрывным союзом; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польше и Литве страны, от них отторгнутые, преимущественно княжество Смоленское, а из Северского — города Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород Северский, Путивль, Рыльск и Курск, а также Невель, Себеж и Велиж; 4) отказаться от прав на Ливонию и Эстляндию.

Вторая половина 1616 г. и начало 1617 г. прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Паны собирали деньги буквально по копейке. К примеру, Лев Сапега занял огромные суммы, а в Литве ввели специальную подать для оплаты наемников.

Между тем в западной и юго-западной частях России продолжали бесчинствовать отряды воровских казаков, из которых настоящие донские и запорожские казаки не составляли и десятой доли. Многие из них обрадовались, узнав о походе Владислава. К королю прибыл атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 г. Владислав принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

В апреле 1617 г. Владислав торжественно двинулся в поход из Варшавы. Архиепископ-примас напутствовал его: «Господь дает царства и державы тем, которые повсюду распространяют святую католическую веру, служителям ее оказывают уважение и благодарно принимают их советы и наставления. Силен господь бог посредством вашего королевского высочества подать свет истины находящимся во тьме и сени смертной, извести заблужденных на путь мира и спасения, подобно тому как привел наши народы посредством королей наших Мстислава и Ягайло». Владислав отвечал: «Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу господя бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к

гетману Жолкевскому для отражения наступления турок. Посему королевич вернулся на несколько месяцев в Варшаву и лишь в августе прибыл в Смоленск.

В конце сентября войско Владислава подошло к Дорогобужу, который уже был оставлен отрядом Ходкевича. Узнав о прибытии королевича, дорогобужский воевода ИХ Ададуров (бывший постельничий Василия Шуйского) открыл ворота ляхам и целовал крест Владиславу как русскому царю.

Владислав приказал не разорять город, а наоборот, он торжественно прикладывался к крестам и образам, которые ему подносило православное духовенство. Русский гарнизон был отпущен по домам. Воевода Ададуров с казаками и частью дворян присоединился к войску королевича.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало панику в отстоявшей на 70 верст Вязьме. Местные воеводы князя Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин бросили город и бежали в Москву, стрельцы и часть горожан последовали за ними. А казаки из гарнизона Вязьмы отправились разбойничать на Украину.

18 октября 1617 г. Владислав торжественно вступил в Вязьму. Надо ли говорить, что от этих успехов двадцатидвухлетний королевич впал в эйфорию и направил в Москву воеводу Ададунова и жителя Смоленска Зубова с грамотой. В ней говорилось, что «...по пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила. В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершеннолетних летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершенный возраст к скипетродержанию, хотим за помощью Божию свое государство Московское, от бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и беспокойное государство по милости божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ смоленский Сергей и бояре князь Юрий Никитич Трубецкой с товарищами. Но грамота эта не произвела никакого действия в Москве, а Ада-Дурова и Зубова схватили и разослали по городам, воевод же Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имена их раздали московским дворянам.

Поляки попытались внезапно овладеть Можайском, но получили отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев заперлись в городе и решили стоять на смерть. А из Москвы на помощь Можайску двинулись воеводы Б. М. Лыков и Г. Л. Валуев. Помимо трех тысяч дворян и боевых холопов у них было четыреста татар и 1600 казаков. Город Волоколамск был занят русским пятитысячным отрядом во главе с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским и Василием Петровичем Лыковым. Поляки сочли за лучшее отойти обратно к Вязьме.

Ситуация в королевской армии под Вязьмой стала обостряться. Наемники и «рыцарство» начали требовать денег. Но у королевича казна оказалась пуста, а тут наступили морозы и голод. Воеводы Лыков и Валуев чуть ли не ежедневно посылали под Вязьму казаков и татар, которые уничтожали поляков, пытавшихся добыть еду в окрестностях города. Любопытно, что значительная часть русских партизан передвигалась на лыжах.

Первыми от Владислава, как положено, побежали казаки. Нравы казаков хорошо можно проиллюстрировать на примере перехода двух сотен казаков во главе с атаманом Д. И. Конюховым. Отряд Конюхова занимал Федоровский монастырь недалеко от Вязьмы и прикрывал Владислава с запада. В одну прекрасную ночь двое молодых казаков убежали в Можайск, прихватив у атамана двух лошадей, 30 золотых и дорогие ткани: атлас, камку и сукно. Атаман возмутился и написал письмо Лыкову, что, мол, готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдет похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та в свою очередь должна лично написать письмо мужу.

Положение у московских воевод тоже было не блестящее, и волей неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жену атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «...мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чево бояться?» Заканчивалась грамота так: «Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини».

Конюхов получил грамоту и, оставив монастырь, вместе с отрядом отправился в Можайск. «За службу и за выезд» атаман 27 февраля 1618 г. был награжден в Москве «сороком куниц и сукнами».

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные пань направили письмо комиссарам с предложением закончить дело миром с русскими. В конце декабря 1617 г. в Москву был направлен королевский

секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 г., немедленно разменять пленных и начать переговоры. Бояре отказали ему.

5 июня 1618 г. польское войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу в менее опустошенные войной края, но комиссары настояли на походе на Москву. Но на пути ляхов был Можайск, где засел с войском воевода Лыков. Взять Можайск приступом поляки не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда поляки атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 г. в качестве летней резиденции царя Бориса. Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен защитников, но полякам так и не удалось его взять.

В конце июня начались бои за Можайск. Поляки стояли под городом, но полностью блокировать его не могли. Запасы продовольствия в Можайске быстро таяли. Поэтому по приказу из Москвы воеводы Лыков и Черкасский с основной частью войска покинули его в начале июля, оставив небольшой гарнизон с осадным воеводой Федором Волынским.

Борисово Городище было сожжено русскими, а его гарнизон отступил к Москве.

Владислав с войском вновь начал наступление на Москву. А с юго-запада ему на помощь шел малороссийский гетман Петр Конашевич Сагайдачный.

Гетман Петр Сагайдачный

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск — Вязьма — Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую лучшего историка запорожского казачества Дмитрия Яворницкого: «Прежде всего он [Сагайдачный] взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей...»^[56]

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Рязкий, побив в них множество мужчин, женщин, детей „до сущих младенцев“; а потом, ворвавшись в Рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек казаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его. Полковник Милостивый, долго замешкавшись вследствие страшного грома и проливного дождя, успел придти к городу только августа 12 дня, в тот самый день, когда в город Сапожков пришло 40 человек великорусских ратных людей. Последние, выйдя из Сапожкова города с несколькими обывателями его, не допустили Милостивого до Михайлова „и победили множество воюющих запорог“»^[57].

17 августа к Михайлову подошел сам гетман с основными силами и потребовал сдачи города. Но ратники и обыватели отвергли предложения казаков. Они отвечали со стен крепости: в Москве избран законный царь и мы ему крест целовали, но ни польских королевичей и каких-либо других правителей нам не надо. 17 августа запорожское войско приступило к штурму крепости.

Сагайдачный приказал стрелять по городу калеными ядрами и пускать стрелы с зажигательными веществами. Запорожцы соорудили «примет» — завалили землей и хворостом ров, подтащили бревна, соорудив своеобразный помост до уровня крепостных стен.

Атаки казаков длились два дня. Тогда какой-то обыватель Митрофан повел осажденных на вылазку через Северные ворота. Казаки не ожидали выступления и бежали. Михайловцам удалось сжечь «все щиты, штурмы и примёты» (различные деревянные защитные устройства).

На следующий день разъяренный Сагайдачный объявил жителям Михайлова, что он возьмет город как птицу, и предаст огню, а всем жителям от мала до велика прикажет отсечь руку и ногу и бросить псам. 23 августа запорожцы снова стали готовиться к штурму. А защитники на виду запорожского войска совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости.

С началом штурма михайловцы вновь пошли на вылазку. Со стен города из пушек и пищалей вели огонь не только ратники, но и женщины, и дети. «И всепагубный враг Сагайдачный с остальными запорогами своими отъиде от града со страхом и скорбию августа в 27 день, а жители

богохранимого града Михайлова совершают по вся лета торжественные празднества в те дни, в первый приступный день августа в 17 день, чудо архистратига Михаила, а об отшествии от града запорог августа в 27 день празднуют великому чудотворцу Николе»^[58].

Оставив Михайлов, Сагайдачный двинулся на соединение с Владиславом, который к этому времени занял оставленный русскими Можайск и двигался к Звенигороду. Московские бояре выслали против Сагайдачного семитысячный отряд во главе с князем Пожарским. Дмитрий Михайлович должен был воспрепятствовать форсированию казаками Оки. Однако в Серпухове Пожарский тяжело заболел и был увезен в Москву, а командование принял второй воевода — окольный Г. К. Волконский. В конце августа он перешел с войском из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигался Сагайдачный. Однако большинство дворян за воеводой не последовали и предпочли остаться в Серпухове. К 25 августа в распоряжении Волконского осталось всего 275 дворян и детей боярских. Подавляющую часть войска Волконского составляли казаки, которые не рвались драться с войском Сагайдачного.

6 сентября запорожцы (по сведениям Волконского, 7000 «старых» казаков и 3000 слуг) начали переправляться через Оку не в районе Каширы, а под Коломной, у устья реки Осетр. Русский воевода спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня.

Поначалу запорожцы были отброшены на правый берег, но на следующий день Сагайдачному удалось форсировать Оку. А 8 сентября воинство князя Волконского попросту разбежалось. Большая часть его казаков отправилась во Владимирский уезд, где начала грабить вотчину князя Мстиславского, а сам воевода драпанул в Москву с отрядом из 300 всадников, в основном из дворян. Это позволило Сагайдачному беспрепятственно сжечь Каширу и перебить почти всех ее обывателей. В связи с этим в следующем 1619 году было решено город не восстанавливать, а построить новый, и уже не на левом, а на правом берегу Оки.

13 сентября Владислав взял Звенигород, а через 5 дней Сагайдачный вошел в Бронницы. 20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

В ночь на 1 октября 1618 г. поляки начали штурм Москвы. Кавалер Мальтийского ордена Адам Новодворский сделал пролом в стене Земляного города и дошел до Арбатских ворот. Но из ворот выскочили русские. Тридцать поляков было убито на месте и около ста ранено. Ранен был и сам Новодворский. Уцелевшие поляки бежали. Штурм был отбит и в

других местах.

20 октября на реке Пресне недалеко от стен Земляного города начались переговоры русских и польских представителей. Обе стороны вели переговоры, не слезая с лошадей. Теперь поляки и не поминали о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, уступаемых Польше, и сроках перемирия. И русские, и ляхи не собирались уступать. Последующие съезды 23 и 25 октября также ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по переславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный двинулся на юг. Он сжег посады Серпухова и Калуги, но взять оба города не сумел. Из Калуги Сагайдачный отправился в Киев, где объявил себя гетманом Украины.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

В конце ноября в селе Деулине, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемся в трех верстах от него, возобновились русско-польские переговоры. Объективно время работало на Москву — вторая зимовка могла стать роковой для польского войска. К тому же пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, и расстояние до польской границы было в два раза большим. Но тут большое влияние на русских послов оказали субъективные факторы. В дела посольские вмешалось руководство Троицкого монастыря, которого мало интересовала судьба юго-западных русских городов, но зато рьяно требовалось снятие польской блокады с монастыря любой ценой. А главное, Михаилу Романову и его матери во что бы то ни стало хотелось видеть Филарета в Москве.

В итоге 1 декабря 1618 г. в Деулине было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 г. По условиям перемирия полякам отдавались уже захваченными ими города Смоленск, Белый, Рославль, Дорогобуж, Серпейск, Трубчевск, Новгород Северский с округами по обе стороны Десны, а также Чернигов с областью. Мало того, им отдавался и ряд городов, контролируемых русскими войсками, среди которых были Стародуб, Перемышль, Почеп, Невель, Себеж, Красный, Торопец, Велиж с их округами и уездами. Причем, крепости отдавались

вместе с пушками и «пушечными запасами». Эти территории отдавались врагу вместе с населением. Право уехать в Россию получали дворяне со служилыми людьми, духовенство и купцы. Крестьяне и горожане должны были принудительно оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказывался от титула «князя Ливонского, Смоленского и Черниговского» и предоставлял эти титулы королю Польши.

В свою очередь поляки обещали вернуть захваченных русских послов во главе с Филаретом. Польский король Сигизмунд отказывался от титула «царя Руси» («великого князя Русского»). России возвращалась икона святого Николая Можайского, захваченная поляками и вывезенная ими в 1611 г. в Польшу.

Заключить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву, и были все шансы потерять армию от голода и холода (вспомним 1812 год!) мог только сумасшедший или преступник. Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!

Тут и либералы, и монархисты дружно возмутятся — автор ерничает и искажает историю! Так пусть им глотки заткнет сам... патриарх Филарет. В сентябре 1621 г. он откровенно заявил турецкому посланнику греку Фоме Кантакузину: «Бояре с панами радными заключили перемирие, и города некоторые Литве отданы: перемирие это сын мой велел заключить только для меня»^[59].

*Царь Михаил Федорович встречает своего отца митрополита Филарета у реки Пресны
вблизи Москвы. Гравюра Р. Молво*

Ну а я упомяну и внешнеполитическом факторе, складывавшемся явно не в пользу поляков. Московский посольский приказ не мог не знать о кризисе отношений Речи Посполитой с Турцией и Швецией. В 1618 г. на турецкий престол вступил Осман II. Молодой султан немедленно начал подготовку к походу на Польшу. В 1621 г. большая армия перешла Днестр, но в битве у Хотина поляки, запорожские и малороссийские казаки под командованием королевича Владислава нанесли им поражение. Риторический вопрос, что произошло бы, если бы Владислав с коронным войском увяз в русских лесах? В том же 1621 г. шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил двадцатитысячный десант, предводительствуемый королем Густавом II Адольфом. Началась восьмилетняя изнурительная война.

Эпилог. «История — не тротуар Невского проспекта»

Увы, подобная формулировка не нравилась и не нравится нашим правителям. Им всегда нужна четкая, а главное, отвечающая сиюминутным политическим интересам история. Ну а если официальная история не соответствует истине, то тем хуже для истины.

Кстати, цитата о тротуаре принадлежит В. И. Ленину. Разумеется, он говорил сие, будучи в оппозиции. Ну а после 1917 г. он вместо со товарищи начал переделывать историю в духе исторического материализма и борьбы классов.

Вспомним, как в 1988–1991 гг. товарищ Ельцин и вся демократическая рать вопила о «гласности». И действительно, в 1991–1993 гг. чуть-чуть были приоткрыты для независимых исследователей архивы, а затем вновь жестко захлопнулись. А теперь дошло до того, что «лицо, приближенное к императору», и назначенное им «очищать нашу историю от фальсификации», изрекло: «Архивные дела, содержащие государственную и личную тайну, не будут открыты в течение веков».

Прав был Твардовский: «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Коммунисты исказили историю и скрывали от населения множество ее фрагментов. Но в 1988–1991 гг. именно в «черных дырах» советской истории проросли националистические псевдоистории прибалтов, «западенцев», грузин и т. д. Кончилось дело развалом Союза и серией малых войн на территории бывшего СССР, гибелью сотен тысяч людей, появлением миллионов беженцев, «неграждан» и т. п.

Итак, кому и зачем потребовалось создавать новые глупейшие мифы о событиях 1612 г. и Смутном времени в целом?

Смута возникла не вследствие появления дурных мыслей у жителей Московского государства, а вследствие заговора нескольких бояр и деятелей церкви. Благодаря заговорщикам в Россию за наживой хлынули толпы польских шляхтичей. Воспользовавшись ситуацией, десятки тысяч обнищавших мелких дворян, детей боярских, стрельцов и городских казаков решили улучшить свое материальное положение и социальный статус, примкнув к тому или иному претенденту на престол.

В 1609 г. в войну вступил польский король Сигизмунд III. Мотив прост — не упустить своей доли добычи в Московском государстве и не дать

особо усилиться своему беспокойному панству. Ну а королевская программа-максимум — присоединить Москву к Речи Посполитой и использовать русских в борьбе за шведскую корону.

Ну а 4 ноября 1612 г. произошло лишь поражение польских королевских войск и ничего (!) более. Повторяю, поляки действиями Минина и Пожарского были выведены из игры на пять лет.

Михаил Романов был самым неудачным претендентом на престол. Это и неопытность в государственных и военных делах, принадлежность к роду Романовых, запятнанного сотрудничеством с обоими Лжедмитриями и поляками, да и отец нового царя находился в плену, что позволяло полякам шантажировать Михаила. Уже отмечалось, что избрание в конце 1612 г. нового сильного патриарха, того же Ефрема, стало бы сильным средством для успокоения Смуты и сопротивления полякам. Но в угоду Мишеньке и его маме патриарший престол в 1612–1618 гг., то есть в самые страшные годы Смуты, оставался вакантным.

Оспорить вышесказанное до сих пор никто не сумел. Но, увы, пока через СМИ, школьные и вузовские учебники на страну льется поток небылиц о Смутном времени.

Список использованной литературы

- Валишевский К.* Смутное время. М.: Квадрат, 1993
- Видекинд Ю.* История шведско-московской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000
- Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000
- Евдокимов Д.* Воевода. М.: Армада, 1996 Князя Пожарские и Нижегородское ополчение. / Авт. — сост. А. Соколов, протоирей. Н. Новгород; Саранск, 2005.
- Козляков В. Н.* Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005
- Лавров Д.* Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912
- Морозова А. Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005
- Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Бориса Годунове. М.: Наука, 1992
- Подвиг Нижегородского ополчения. В 2-х томах. Нижний Новгород: Книги, 2011
- Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 1. Русская история с древнейших времен. М.: Мысль, 1966
- Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М.: Северный паломник, 2003
- Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время. М.: Квадрига, МБА, 2011
- Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „БЛИЦ“», 2008
- Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986
- Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Ленизадт, 1985
- Смирнов А.* Рассказы затонувших кораблей. Стокгольм: Шведский институт, 2002.
- Соболева Т. А.* Тайнопись в истории России. М.: Международные отношения, 1994
- Соловьев С. М. М.,* Издательство социально-экономической

литературы, 1959–1961

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М.: Мысль, 1990

Фролов Н. В., Фролова Э. В. На древней земле Стародуба. Ковров, 2002

Широкопад А. Б. Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. Загадка 4 ноября. М.: Вече, 2005

Широкопад А. Б. Михаил Федорович. М.: Кафедра, 2011

Широкопад А. Б. Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008

Яворницкий Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка. 1990

notes

Примечания

1

10 часов утра по современному времени, а по-тогдашнему — в четвертом часу дня.

Каменный собор постройки 1485 г. Позже был разломан, и рядом был возведен новый собор.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 316–317.

В 1586 г. боярская группировка (Годуновы, вступившие в союз с Романовыми) добились у царя Федора отправки в ссылку четверых князей Шуйских. Из них князь Андрей Иванович через полгода скончался в Каргополе при невыясненных обстоятельствах. Остальные к концу 1590 г. были возвращены в Москву, а в начале 1591 г. Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские уже заседают в Боярской думе.

Здесь и далее речь идет только о наследниках по мужской линии, поскольку наследования по женской линии на Руси просто не было до петровских времен.

К величайшему сожалению, следы этого портрета затерялись. О нем не знают ни в Государственном Историческом музее, ни в других музеях.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Ленизадт, 1985. С. 29–30.

Успенский собор служил местом венчания царей, в соборе хоронили московских митрополитов и патриархов.

Благовещенский И. И. «Память о предках царствующего дома Романовых в Заонежье». // Известия изучения Олонецкой губернии. 1913. № 1. Вып. 2. С. 25.

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России. М.: Международные отношения, 1994. С. 39.

Лавров Д. Святой страстотерпец, благоверный князь угличский царевич Димитрий, московский и всея России чудотворец. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. С. 90.

Евдокимов Д. Воевода. М.: Армада, 1996. С. 53.

«Исторические портреты» (М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003);

«Давний спор славян: Россия, Польша, Литва» (М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007) и др.

Валишевский К. Смутное время. М.: Квадрат, 1993. С. 97–98.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 410.

Валишевский К. Смутное время. С. 111.

В XVI–XVII вв. украинные города и стороны были и на Рязанщине, и под Орлом, и даже на Амуре. Это через два века кому-то понравилась называть себя жителями окраины.

Александр и Михаил были причислены к лику святых за ратные подвиги, а вот Федор стал святым по недоразумению. В 1232 г. 12-летний Федор был отправлен отцом княжить в Новгород. В возрасте 15 лет он внезапно скончался на собственном бракосочетании. Похоронили его в Юрьевом монастыре под Новгородом. В 1614 г. шведы ограбили монастырь и вскрыли все захоронения, но в одном из гробов они увидели живого человека. На самом деле это были мумифицированные останки. Новгородскому митрополиту Исидору в той сложной обстановке было крайне нужно чудо, и он объявил, что мумия принадлежит Федору Ярославичу. Почитание святого велось до 30-х годов XX века, пока «безбожные коммунисты» не провели исследования нетленных мощей. Выяснилось, что покойнику было не 15 лет, а минимум 35 лет, и он был отравлен мышьяком, который и способствовал мумификации трупа. Таким образом, святым оказался великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, в свое время преданной церковниками анафеме.

Это прозвище забылось после правления его «свирепого внука».

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга IV.
С. 469.

Забелин И. Е. Минин и Пожарский. // Подвиг Нижегородского ополчения. В 2-х томах. Нижний Новгород: Книги, 2011. С. 495.

Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской области.

Фролов Н. В., Фролова Э. В. На древней земле Стародуба. Ковров, 2002. С. 10.

Ныне село Троицкое Ковровского района Владимирской области.

Берсень — крыжовник.

Одного, по крайне мере достигшего средних лет.

Русская четверть — это примерно четверть ведра, т. е. 3,075 литра.

Польская хоругвь — нечто среднее между батальоном и полком.

Евдокимов Д. Воевода, М.: Армада, 1996.

У него был родной брат Иван Меньшой.

В сентябре 1624 г. царь Михаил женился на княжне Марии Долгоруковой, но она в том же году умерла. Менее чем через столетие, за несколько дней до женитьбы на Екатерине Долгоруковой умер Петр II, а в XIX веке, через 9 месяцев после свадьбы с Екатериной Долгоруковой был убит Александр II.

Граф Якоб Делагарди, сын знаменитого шведского полководца Понтуса Делагарди и Софии Гюльденгельм — побочной дочери шведского короля Иоанна III.

В русских грамотах начала XVII века под «украинскими городами» подразумевались русские города, находившиеся на юго-западной окраине Московского государства, как, например, Белгород, и термин Украина не имел ничего общего с нынешней Украиной.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга IV. С. 671.

Валишевский К. Смутное время. С. 285.

Пожарский уклончиво пишет об отсутствии крутицкого митрополита: то ли он умер, то ли Второе ополчение принципиально не признает Пафнутия. Наиболее вероятна вторая версия.

Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 296–297.

Там же. С. 322

Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк.
М.: Северный паломник, 2003. С. 39.

СГГД. Часть III. С. 214–215.

Видекинд Ю. История шведско-московской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 269.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М.: Мысль, 1990. С. 68.

Давыдов О. Турфирма «Романовы и Сусанин». Материалы сайта www.ogoniok.com/5036/30.

Давыдов О. Места силы. Седьмое — Чистое болото. Материалы сайта www.peremenu.ru/columns/view/65/

Ростова Е., Петухов С. Иван Сусанин нашелся // Владимиру Путину
приготовили прах патриота. Газета «Коммерсантъ» № 44(3128) от
15.03.2005 г.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. Русская история с древнейших времен. М.: Мысль, 1966. С. 419, 421.

Станиславский А. А. Гражданская война в России в XVII в. С. 207, 208.

Там же. С. 51.

Там же. С. 68.

Козляков В. Н. Марина Мнишек. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 308.

Термин взят у Л. Н. Толстого. В начале романа «Война и мир» Пьер Безухов называет казнь герцога Энгленста «государственной необходимостью».

Лисовчики — конные поляки и запорожцы из отряда пана Александрии Лисовского.

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 323–324.

Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. Стокгольм: Шведский институт, 2002. С. 85.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 27.

Яворницький Д. И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка. 1990. Т. 2. С. 150.

Там же. С. 150–151.

Там же. С. 151.

Там же. С. 158.